АЛЕКСАНДР НЕКРИЧ

НАКАЗАННЫЕ НАРОДЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА"

Нью Йорк, 1978

АЛЕКСАНДР НЕКРИЧ

НАКАЗАННЫЕ НАРОДЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА"

Нью Йорк, 1978

ALEKSANDR NEKRICH

THE PUNISHED PEOPLES

Copyright © 1978 by: WW Norton & Company · Inc./Publishers

500 5th Ave., New York, N.Y. 10036

Published by: KHRONIKA PRESS, 505 8th Ave., New York, N.Y. 10018

Manufactured in the USA

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 5
Введение 7
Глава I. Оккупация Крыма и крымские татары . 24
Глава II. Положение на Северном Кавказе и немецкая оккупационная политика 41
Глава III. Что происходило в Калмыцкой АССР . . 64
Глава IV. Спецпоселение 80
Глава V. Возвращение наказанных народов Северного Кавказа и Калмыкии . . 115
Глава VI. Решения, которых нельзя избежать . . 138
Разговор в поезде (вместо послесловия) 147
Приложение № 1. Обращение крымско-татарского народа в канун 60-летия Октября 153
Приложение № 2. Смеем ли мы молчать? Заявление в защиту Мустафы Джемилева 169

От автора

Книга "Наказанные народы" была завершена мною весной 1975 г. Летом того же года первый экземпляр рукописи был вывезен одним моим зарубежным другом на Запад. Я сделал это, так как никаких шансов на опубликование этой моей работы в Советском Союзе не было. Впрочем, не было их и для других моих основных работ.

Последние десять лет для меня была установлена негласная квота: по одной статье в год в малотиражных академических изданиях. Даже исследования, выполненные по плану Института всеобщей истории Академии наук СССР, в котором я практически проработал все послевоенные годы, не публиковались, хотя и были утверждены к печати Ученым советом Института. Фактически я получал заработную плату старшего научного сотрудника доктора исторических наук за молчание.

Я был подвергнут остракизму за свою книгу "1941, 22 июня", опубликованную в 1965 г. в Москве издательством "Наука" и переведенную и изданную затем во многих странах Европы и в США.

В июне 1967 г. за отказ признать "ошибки" Комиссия партийного контроля при ЦК КПСС под председательством члена Политбюро А. Пельше исключила меня из партии. В августе 1967 г. по распоряжению властей моя книга была изъята из всех библиотек Советского Союза, в которых не было так называемого специального хранения, и уничтожена. С того времени мои профессиональные возможности историка были сужены до предела. Мои попытки разорвать этот мистический круг в Советском Союзе окончились неудачей. Тогда я принял решение покинуть свою страну и сделал это в июне 1976 г.

Я хочу работать и видеть плоды своего труда, надеюсь, смогу свободно печатать на Западе свои произведения и, что не менее важно, и писать свободно, отказавшись раз и навсегда от самоцензуры и не опасаясь более цензуры власти.

Лондон, июль 1976 г.

* * *

В связи с выходом в свет русского издания "Наказанных народов" сердечно благодарю тех моих соотечественников, кто поделился со мной своими материалами и воспоминаниями, читал мою рукопись и сделал немало полезных замечаний. Надеюсь, что придет время, когда я смогу назвать их по именам. Теперь же я хочу выразить свою благодарность Михаилу Бернштаму за внимательное и критическое прочтение рукописи.

Неоценимую услугу оказал мне мой первый западный читатель, норвежский журналист и историк, доктор Нильс Мортен Угард. Прошу его принять мою глубокую признательность.

Дружеская поддержка изданию моей рукописи была оказана профессорами Леонардом Шапиро и Питером Реддавеем (Лондонская школа экономических наук), профессором Алеком Невом (университет Глазго), профессором Лео Лабешом (Лондон), профессором Эдвардом Кинаном (Гарвардский университет), профессором Робертом Такером (Принстонский университет). Рукопись была также прочитана профессором Деннисом Огденом (Лондон) и Марио Корти (Милан).
(Милан).

Работа над рукописью была завершена мною в Русском исследовательском центре Гарвардского университета.

Вся редакционная работа по русскому изданию была тщательно выполнена сотрудниками "Хроники-пресс".

Прошу всех перечисленных выше лиц принять мою душевную благодарность.

Бельмонт (США), 28 октября 1977 г.

ВВЕДЕНИЕ

Был май 1944 г., и мне было 24 года. Я служил в политическом отделе 2-ой Гвардейской армии. Наши войска освобождали Крым. Так я и оказался после жарких севастопольских боев в небольшом курортном городке на Черноморском побережье, в Евпатории.

Я стоял у здания театра, где заседал партийный актив города, поджидая нужного человека. У меня было задание командования наладить работу городской комиссии по расследованию преступлений немецко-фашистских оккупантов.

Двери театра распахнулись, и в них появился темноволосый стройный председатель городского совета К. "Как дела?", – задаю ему обычный вопрос, который не требует ответа. Однако ответ следует, и для меня весьма загадочный: "Готовимся к решающему дню". Киваю головой, просто так, из вежливости. На самом деле и предположить не могу, что он имеет в виду. А ведь в этот момент, должно быть, и началась эта книга...

Едва завязался разговор, как из дверей театра вышел незнакомый генерал-полковник. "Кто это?" – "Это Кобулов, заместитель Берия", – почему-то понизив голос, отвечает мой собеседник. К. уезжает. Нахожу нужного человека, и мы отправляемся по нашим делам.

На следующий день или, может быть, двумя днями позже я возвратился в политотдел в г. Саки. Какая-то необычная напряженность царит повсюду. Приятель говорит: "Сегодня ночью вывозили татар, всех поголовно. Мужчины пока заперты в здании военкомата". Иду мимо здания военкомата, задерживаюсь на минуту. Сквозь запертые двери доносится чья-то быстрая горячая речь на незнакомом языке...

... Сегодня мне нужно мысленно возвратиться в прошлое. Изучение его – моя специальность. Ведь я профессиональный историк.

* * *

Никто – ни народ, ни руководство государством – не предполагал, что война начнется для СССР столь несчастливо. Психологическая подготовка была нацелена не только на победоносное начало, но и на войну на территории врага. Отзвуком этого настроения были широко распространившиеся в первый вечер войны в Москве слухи, будто советские войска штурмуют Кенигсберг.

Тем горше, тем тяжелее оказалась правда: после ожесточенных приграничных сражений, начавшихся на рассвете 22 июня 1941 г., советский фронт был взломан, и гитлеровские войска, вбивая глубокие клинья и оставляя в своем тылу уже изрядно потрепанные и лишенные стратегического руководства советские армии, быстро продвигались в глубь страны. 28 июня был занят Минск, в сентябре разыгралось сражение под Киевом, в октябре фашистские армии стояли под Москвой и под Ленинградом, овладели Таврией и стучались в ворота Крыма.

За три месяца войны советские вооруженные силы потеряли несколько миллионов человек.

Героическая вооруженная борьба бойцов и командиров Красной Армии, отдельных ее частей и даже соединений не могла сдержать натиска врага.

Население оставляемых советских территорий сначала со слезами на глазах провожало отступающие части Красной Армии, а вскоре с ужасом увидело бесконечные колонны советских солдат, бредущих в плен. Гитлеровцы захватили в 1941 г. 3 - 4 миллиона пленных. Их загоняли в наспех сколоченные лагеря, где они, лишенные пищи, воды, подвергаемые унижениям и издевательствам со стороны охраны, погибали. Десятки тысяч военнопленных просто расстреливались гитлеровцами.

А. Даллин сообщает, что до мая 1944 г. погибло в гитлеровских лагерях 1.981 тыс. военнопленных. Кроме того, около 1.241 тыс. было уничтожено[1].

Растерянность и смятение советского военно-политического руководства усугубились фактическим дезертирством И.В. Сталина, который в первые дни войны заперся на своей даче и фактически устранился от руководства. По счастью, в стране об этом никто не знал...

Силой обстоятельств войны в самые первые дни ее и недели в оккупированных врагом областях и республиках Советского Союза начала складываться новая психологическая атмосфера. Чем дальше уходила война на восток, тем безнадежнее казалось в 1941 г. положение для населения, попавшего под вражеский сапог. Пока еще не было партизанского движения, оно где-то зарождалось из разрозненных групп, пробивавшихся из окружения да застрявших в глубоком вражеском тылу, не приступили еще к активным действиям подпольные и диверсионные группы. Пришел враг. Уже рыскали "айнзатцкоманды", разыскивая для уничтожения евреев, коммунистов и их семьи. На базарных площадях, на стенах домов, на заборах белели листки с приказами новой, немецкой, власти, да кое-где уже появились багрово-черные плакаты с изображением человека с прилизанными волосами и чарли-чаплиновскими усиками, и под плакатом подпись: "Гитлер – освободитель".

С первых дней оккупации немцы начали формировать свой аппарат управления, состоявший в городах из бургомистров и их заместителей, начальников полиции, местных полицейских. В деревнях назначались старосты. В ряде местностей происходила вербовка местного населения в "отряды самообороны", а позднее начали вербовать и "добровольцев" для обслуживания тылов германской армии, а затем и для участия в карательных действиях против партизан и во фронтовых операциях.

Никому из историков пока не удалось добраться до архивных материалов, которые дали бы возможность составить четкое представление о советских гражданах, поступивших на службу в гитлеровский оккупационный аппарат, выяснить их социальную характеристику. По тем скудным данным, которые были опубликованы в связи с происходив-

---

[1] Alexander Dallin. German Rule in Russia 1941-1945. A Study of Occupation Policies. London, 1957, p. 427.

шими в разных местах СССР процессами над военными преступниками, можно выделить такие категории: лица, осужденные в разное время советской властью, уголовники, асоциальные элементы, дезертиры и перебежчики. Лица, враждебные советской власти по своим политическим убеждениям. Среди них видное место занимали сторонники отделения от СССР Украины, Белоруссии, восточных и южных окраин, прибалтийских стран. Они надеялись при помощи гитлеровской Германии достичь своих целей. Значительную прослойку, по-видимому, составляли лица безо всяких политических убеждений, конформисты в прошлом, готовые служить любой власти. Кроме них были просто растерявшиеся, деморализованные поражениями Красной Армии, утратившие веру в победу.

Из таких-то людей и комплектовался местный аппарат, в том числе местные полицейские силы.

Отдельно следует сказать о военнопленных. Они находились в ужасающих, нечеловеческих условиях, перед которыми условия, в которых жили военнопленные западных стран, особенно американцы и англичане, можно было бы назвать вполне удовлетворительными. Положение советских военнопленных осложнялось еще и тем, что их собственное правительство фактически отказалось от них, бросив их на произвол судьбы. Об этом военнопленным непрестанно твердили и их мучители, и вербовщики.

Для многих военнопленных стоял вопрос о выборе между жизнью и смертью: погибнуть ли за колючей проволокой в немецком концлагере или, изменив присяге, своему народу, всей своей привычной прошлой жизни, записаться "добровольцем". Многие из тех, кто так поступил, рассчитывали при благоприятном случае возвратиться к своим, в Красную Армию. Но немногим это удалось.

... На Маныче зимой 1943 г. увидел я впервые наших бывших солдат, одетых в зеленую немецкую форму. Я спросил одного, потом другого: "Как же вы, ребята... ?" И жаль их было, и смотреть на них мне было неприятно. Молчали они, глядели в землю, по сторонам, а потом один из них взглянул на меня с таким неприкрытым отчаянием, что сердце сжалось. И вот что он мне рассказал: в 1941 г. попал солдат в плен. Пригнали пленных в Овруч, в лагерь. И там началось: немецкая охрана, украинские полицаи (трудно сказать, кто из них больше зверствовал), голод и побои, побои и голод, и вербовщики – не немецкие, а свои, русские и украинские – обещают сытую жизнь. "Здесь ты все равно подохнешь, как собака". Долго крепился, а летом 1942 г. не выдержал. Надел немецкую форму, но надеялся сбежать при первом удобном случае. Такой случай не представился. Немецкое командование держало их батальон в тылу и лишь при отступлении заставило его прикрывать отход немецких частей. Как только немецкие солдаты ушли, многие побросали оружие... Так он и очутился у своих. Не знаю, что сталось с ним. Но его отчаянный взгляд, без надежды, без будущего навсегда врезался мне в память...

Гитлер был категорически против формирования подсобных или фронтовых воинских частей из числа русских. Он не доверял им, нена-

видел и боялся. Русские должны были быть уничтожены десятками миллионов, а оставшиеся стать рабами рейха. Фюрер был также против поддержки украинских националистов и вообще относился к национализму завоеванных народов отрицательно, рассматривая националистов как потенциальных врагов рейха. Однако на практике гитлеровское командование охотно использовало националистов в своих целях. Например, на Украине руководители националистов Степан Бандера и Андрей Мельник были использованы для создания на местах "отрядов самообороны" для борьбы с партизанами, из числа их также комплектовалась охрана концлагерей, полиция в городах, "айнзатцкоманды" и пр. В то же время гитлеровцы решительно пресекали всякую попытку "самостийщиков" создать собственную власть. Конкурирующие "правительства" Бандеры во Львове и Мельника в Киеве были разогнаны немцами, а сами руководители попали под арест. Позднее часть бандеровцев вела вооруженную борьбу и против Красной Армии и советских партизан, и против немецкой армии. По немецким данным, отряды "самообороны" на Украине достигали внушительной цифры – 180 тыс. чел.[1] к середине 1942 г.

В августе 1941 г. на сторону врага перешел майор советской армии Кононов. Он увлек за собой часть личного состава 436 пехотного полка. Кононову, донскому казаку по происхождению, было разрешено сформировать казачий кавалерийский полк, численность которого достигла 1.799 рядовых и 77 офицеров. Гитлер дал согласие на формирование казацких частей, поскольку ему было доложено, что казаки потомки не славян, а остготов (!)[2].

Создание "отрядов самообороны" относится ко времени наибольших успехов вермахта (лето 1941 г. и лето 1942 г.).

Казацкие формирования были включены в состав вермахта. Летом 1942 г. при генштабе сухопутных сил германской армии был создан специальный отдел, занимающийся формированиями военных и вспомогательно-полицейских сил из числа советских граждан. К началу 1943 г. они насчитывали 176 батальонов и 38 рот, общей численностью в 130-150 тыс. чел. Подавляющее большинство из них образовало т. н. Русскую Освободительную Армию (РОА) под командованием бывшего генерал-лейтенанта Красной Армии генерала Власова. К концу войны РОА насчитывала до 300 тыс. чел.

Военные формирования вермахта из числа нерусских народов достигли к концу войны до 700 тыс. чел. Таким образом, общее число бывших советских граждан, выступивших с оружием в руках на стороне врага составило около 1 млн. человек. Однако сколько из них в действительности воевало на стороне Германии, еще остается выяснить. Многие эти формирования вообще в боевых операциях не участвовали. Антинемецкие на-

---

[1] D. Littlejohn. The Patriotic Traitors. History of Collaboration in German-occupied Europe, 1940-1945. New York, 1972, p. 301.

[2] Ibid. p. 298.

строения в этих частях принимали не только форму дезертирства, но даже вооруженных выступлений против немцев.

Среди военных частей "восточных народов" были легионы и батальоны туркестанские (т. е. состоявшие из выходцев из Средней Азии), грузинские, армянские, тюркские, волжских татар, крымских татар, горские (т. е. сформированные из северокавказцев), калмыцкие и др.

Но разве можно поставить знак равенства между легионерами и населением той республики, откуда они были родом? Конечно, же нет. Те, кто поднял оружие на свою родину, те, кто выступил в одном строю с гитлеровцами, поставили себя как бы вне общества.

* * *

С тех пор, как в августе-сентябре 1941 г. на восток страны проследовали эшелоны с немцами Поволжья, а их национальная государственность – Автономная Советская Социалистическая Республика Немцев Поволжья была упразднена, с того времени, как тем же скорбным путем потянулись в 1943-1944 гг. товарные поезда с калмыками, карачаевцами, чеченцами, ингушами, крымскими татарами, балкарцами, также лишенными родных очагов и имущества и своей автономии, прошло более 30 лет.

Немало лжи было наговорено об этих несчастных народах, которых заставили расплачиваться, всех до единого, будто бы за измену некоторой части своих соплеменников.

Во второй половине 50-х годов депортированные народы Северного Кавказа и калмыки были полностью реабилитированы государственной властью. Они возвратились на родные земли, веками обжитые их предками, их автономия была восстановлена.

Но колесница справедливости движется медленно в нашей стране, плетется еле-еле. По-прежнему живут вдали от своих исконных мест немцы Поволжья, которых сейчас насчитывается около 2-х миллионов, и татары Крыма, численностью до полумиллиона человек. А ведь формально санкции против них отменены, и они по закону могут проживать в любой местности Советского Союза, а следовательно, и в Крыму.

И теперь еще бытуют, особенно среди нынешнего населения Крыма, выдумки о якобы поголовном сотрудничестве крымско-татарского населения полуострова с немецкими оккупантами. Эта ложь распространяется и поддерживается заинтересованными группами и лицами, чтобы воспрепятствовать возвращению татар в Крым.

В свое время подобные же небылицы распространялись о немцах Поволжья, которые якобы укрывали при начале войны гитлеровских лазутчиков и диверсантов, и о чеченцах, ингушах и карачаевцах, которые якобы все, поголовно, служили проводниками у гитлеровцев во время их наступления на Кавказ в 1942 г., и о балкарцах, будто бы переметнувшихся на сторону врага. Для доказательства этого много лет спекулировали на том, что из Балкарии был послан Гитлеру в подарок белый конь. И этот факт потом уже раздувался и разрастался неимоверным усердием чиновников во всякого рода канцеляриях на разных уровнях, что казалось, что не один-единственный белый конь, а целые табуны кавказ-

ских скакунов паслись и резвились на склонах гитлеровской резиденции в Бергхофе. Легенда эта, возможно, уже полузабыта и кое-как залечены раны, нанесенные народам Кавказа. А как быть с немцами Поволжья, с крымскими татарами? Где тот целитель, который вылечит глубокие нравственные раны, нанесенные многолетним изгнанием, и когда это изгнание окончится?

До сих пор продолжаются грубые выпады против крымско-татарского народа.

В декабре 1973 г. в Симферополе судят крымских татар – не предателей, не изменников, не палачей и даже не из числа попавших под амнистию 1955 года, а просто трех взрослых людей, которые возвратились на свою историческую родину и пожелали там остаться. Народный судья, вершивший суд, некая Миронова, в своем выступлении потребовала, чтобы татары "убирались из Крыма" и жили там, куда их выслали, в противном случае к ним будут применены "самые жесткие меры"[1]. И это говорилось представителем судебной власти спустя шесть лет после Указа Президиума Верховного Совета, возвратившего татарам все их гражданские права и, следовательно, право жить на своей родине!

А почему были выселены на восток турки, курды, хемшилы[2]? Почему в 1944 году были выселены с Черноморского побережья греки, а вскоре после окончания войны из Армении несколько десятков тысяч армян? Ведь они не преподносили в подарок Гитлеру белого коня!

Можем ли мы сегодня ответить на вопрос о механизме принятия решения о судьбе целых народов: каким государственным органом, на основании чьих докладов или докладных, какую роль в принятии решений играли местные власти, военные органы, учреждения государственной безопасности? Думаю, что ответ будет пока что самым приближенным. Кто персонально несет ответственность за эти преступления? Лично Сталин, лично Берия, лично Икс, Игрек, Зет?

Заметим в скобках, что нигде механизм принятия решений не окружен столь непроницаемой тайной, как в нашем государстве, и нигде невидимая система круговой поруки, молчаливого взаимопонимания, господства условных символов, формулировок не носит столь изощренного характера. Неписаные законы аппаратной работы, под покровом которых вырабатываются и издаются инструкции и указания, анонимность их авторства для широкой общественности не только надежно прикрывают промахи, ошибки, а, когда необходимо, и преступления, но и служат препятствием для всякого объективного исследования или расследования.

Давно пришло время взглянуть на это несчастливое и позорное наше недавнее прошлое глазами историка. Эта тема не фигурирует, разумеется,

---

1 "Хроника текущих событий", Нью Йорк, № 31, 1974, стр. 123.

2 Хемшилы – это искаженное от хемшины, армяне-мусульмане, выходцы из Турецкой Армении, жившие на Черноморском побережье, в Аджарии. Их насчитывалось всего около 20 тысяч, а на территории СССР 7-8 тысяч.

ни в одном из планов научно-исследовательских работ Академии наук СССР. Я ее выполняю на свой собственный страх и риск, так как на разработку проблем, связанных с произволом и беззаконием, в нашей стране существует негласный запрет. Естественно поэтому, что и о депортации народов нет опубликованных работ советских авторов, во всяком случае нет работ обобщающего характера.

Материалов же в архивах достаточно: нескольким десяткам историков, не то что одному, не было бы тесно.Но доступ к этим архивным материалам давно уже строго ограничен. Мне, например, и мечтать не приходится о работе в архивах, где можно найти данные, позволяющие судить о количестве лиц, сотрудничавших с врагом, об их социальном лице, о причинах, побудивших их к измене и сотрудничеству. Полагаю, что имеются и более или менее точные сведения о количестве депортированных в восточные районы страны, об оценке имущества, утраченного ими, о смертности и рождаемости в новых местах поселения, о тех судебных и внесудебных преследованиях, которые стали сопутствующими явлениями насильственного переселения.

Профессор Р.И. Музафаров обратился 14 апреля 1975 г. с просьбой к первому секретарю Крымского обкома партии Н.К. Кириченко разрешить пользоваться архивными материалами Крымского облпартархива, в чем ему было ранее отказано. В случае невозможности Музафаров просил, чтобы ему сообщили на основании архивных материалов некоторые данные об участии крымских татар в партизанском движении и в немецких воинских формированиях.

Музафаров получил следующий ответ. Воспроизводим его полностью.

№ 362
25 апреля 1975 г.

т. Музафарову Р.И.
Московская область
г. Климовск – 1
ул. Заводская, 6-а, кв. 10

На Ваше письмо от 14 апреля 1975 года сообщаем, что обобщенными сведениями о количестве граждан татарской национальности, состоявших в партизанских отрядах, подпольных организациях и группах, в 152 добровольческом татарском батальоне, партархив не располагает. Вести об этом специальное исследование по документам у нас нет возможности.

Зав. партархивом обкома
Компартии Украины /И. Кондранов/
бн. 3.

Итак, документы существуют, они не уничтожены, но и не опубликованы. Поэтому приходится по этой теме – о выселении народов Северного Кавказа и Крыма в конце Великой Отечественной войны – собирать материалы по крупицам.

Если вам повезет и вы все же получите доступ к архивным материалам, вы останетесь в неизвестности, все ли материалы вам показали. Девушка в архиве лучше вас знает, какие документы вам нужны для вашего исследования. Она вам их принесет сама, и, пожалуйста, не надо просить у нее описи документов. До чего просто и удобно!

Вы хотите знать, чья подпись стоит под документом? А зачем это вам? А вдруг это ..? А вдруг, чего доброго, это ..?

И имейте, пожалуйста, в виду еще и следующее: были, конечно, у нас в прошлом отдельные неполадки, отдельные негативные факты и даже акты беззакония. Но, право, зачем же обобщать?

Очень интересными представляются мне рукописи диссертаций, защищенных историками, работающими на Кавказе и в Калмыкии. С диссертациями можно ознакомиться во Всесоюзной публичной библиотеке им. В.И. Ленина в Москве, в диссертационном зале. Многие из этих диссертаций были написаны и защищены в 60-х годах, когда под благотворным влиянием творческого духа в науке, пробудившегося после XX и XXII съездов КПСС и Всесоюзного совещания историков 1962 г., началось быстрое возрождение советской исторической науки, особенно в области истории СССР советского периода и новейшей истории Запада и Востока.

... Здесь я сначала написал: "Недолгий "золотой век" советской исторической науки! И все же он оставил столь глубокий след, что его влияние ощущается и поныне".

Нет, увы, это не так. "Золотой век" не состоялся. Лишь едва-едва занялась заря возрождения, занялась, да вскоре померкла. И все же в конце 50-х и в начале 60-х годов историческая наука начала сбрасывать с себя путы, которые связывали ее в течение по крайней мере тридцати лет.

Тогда широко распахнулись двери архивов, особенно местных. Под влиянием и свежим впечатлением от недавно происшедшей реабилитации народов Кавказа и Калмыкии историки и партийные работники этих автономных республик попытались воссоздать картину участия депортированных народов в борьбе против гитлеровского фашизма во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. и рассказать, хотя бы частично, о тех испытаниях, которые пришлось перенести их соотечественникам в жестокую пору депортации. Эти диссертации писались людьми, многие из которых были секретарями обкомов КПСС или занимали местные государственные посты, т. е. лицами, кровно связанными с коммунистической партией. Они принадлежали к привилегированной части нашего общества. У себя на родине они пользовались свободным доступом к архивам, а также и к архивам среднеазиатских республик и Казахстана, где в течение почти полутора десятка лет жили на поселении кавказцы и калмыки. Судя по диссертациям, в местных партийных архивах отложились документы не только местного, но более широкого значения, среди них инструкции о режиме для спецпереселенцев, материалы об их трудоустройстве, размещении, бытовых условиях, образовании и пр.

Впервые упомянул о режиме спецпереселений, по-видимому, А.Х. Ду-

даев[1]. Наибольшее же значение приобрела диссертация Х.И. Хутуева, защищенная годом позже[2]. Из этой диссертации черпали материалы все, кто занимался этой проблемой, включая Р.И. Музафарова и автора настоящей работы. А.Х. Дудаева и Х.И. Хутуева можно по праву назвать "первопроходцами". Х.И. Хутуев, известный историк и филолог из Кабардино-Балкарии, был секретарем обкома КПСС и заместителем председателя Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР.

Х.И. Хутуев использовал материалы партийных, государственных и ведомственных архивов Кабардино-Балкарской АССР, Казахстана, Киргизии, Министерства обороны СССР. Он собрал также ряд воспоминаний участников событий. Диссертация Х.И. Хутуева, несмотря на ее исключительную ценность, так и не была опубликована. Но ее основные положения появились в автореферате диссертации[3].

Обстоятельные материалы по истории калмыков и Калмыцкой АССР содержатся в диссертации Д.-Ц. Д. Номинханова[4]. Среди источников, использованных Номинхановым, документы Центрального партийного архива ИМЛ при ЦК КПСС. Частично материалы диссертации Номинханова были опубликованы в ряде его работ[5].

Обращает на себя внимание диссертация С.Н. Джугурьянца[6]. Он разыскал интереснейшие документы в архиве Чечено-Ингушского обкома КПСС. В сокращенном варианте работа С.Н. Джугурьянца увидела свет

---

[1] Московский ордена Ленина и ордена Трудового Красного знамени Государственный университет им. М.В. Ломоносова. Юридический факультет. *А.Х. Дудаев.* Возникновение и основные этапы становления чечено-ингушской национальной советской государственности. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М.,1964. Рукопись. Библиотека им. В.И. Ленина (Москва). Регистр. № Дк $\frac{64-12}{125}$

[2] Ростовский Государственный университет. *Аспирант Х.И. Хутуев.* Балкарский народ в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (восстановление автономии балкарского народа). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ростов-на-Дону, 1965. Рукопись. Библиотека им. В.И. Ленина. Регистр. № Дк $\frac{67-7}{513}$

[3] Х.И. Хутуев. Балкарский народ в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Автореферат. Ростов-на-Дону, 1965.

[4] Академия Общественных наук при ЦК КПСС. Кафедра истории советского общества.

Д.-Ц. Д. Номинханов. Культурное строительство в советской Калмыкии (1917-1967 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.,1967. Рукопись. Библиотека им. В.И. Ленина (Москва). Регистр № Дк $\frac{65-7}{498}$

[5] Д.-Ц. Номинханов. В единой семье. Элиста,1967. Его же – Очерки по истории культуры калмыцкого народа. Элиста,1969.

[6] Дагестанский государственный университет им. В.И. Ленина. Кафедра истории КПСС. *С.Н. Джугурьянц.* Деятельность Чечено-Ингушской партийной организации по осуществлению ленинской национальной политики на основе решений XX и XXII съездов КПСС (1956-1965). Дис-

за год до защиты им диссертации[1].

Истории Карачая и Черкесии в период Великой Отечественной войны посвятил свою диссертацию Ч.С. Кулаев[2]. Он довольно основательно использовал материалы по спецпереселению, содержащиеся в работе Х.И. Хутуева. Кулаев ссылается также на местные, карачаевские архивы, архивы среднеазиатских республик и Казахстана и на архивы Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в Москве. К сожалению, Ч.С. Кулаев обходит вопрос о сотрудничестве части карачаевского населения с оккупантами. Расширяет круг наших знаний о Карачае, особенно в период восстановления автономии, диссертация М.М. Бекижева[3].

Перед Х.И. Хутуевым, как и перед другими историками из восстановленных автономных республик и областей, стояла практическая задача опровержения измышлений о поголовном сотрудничестве их народов с гитлеровскими оккупантами и раскрытия на фактах участия их в общей борьбе против гитлеровской Германии.

Долгое время спустя после возвращения наказанных народов домой в печати продолжали появляться то измышления, то односторонее освещалось их поведение во время войны. Один из диссертантов, калмыцкий историк М.Л. Кичиков[4], пишет, что толчком к организации работы по изучению истории Калмыкии в годы 1941-1945 послужила опубликованная в 1963 г. в газете "Советская Калмыкия" статья некоего А. Сербина "Двадцать лет назад. Следы ведут на Запад". В этой статье, по словам М.Л. Кичикова, содержалась "одностороняя подача негативных фактов"; статья "встревожила калмыцкое население республики, пострадавшее

сертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Махачкала, 1966. Рукопись. Библиотека им. В.И. Ленина (Москва). Регистр. № $\frac{66-7}{636}$

[1] С.Н. Джугурьянц. Осуществление ленинской национальной политики в Чечено-Ингушетии на основе решений XX съезда КПСС. Грозный, 1965 г.

[2] Воронежский государственный университет им. Ленинского комсомола. *Ч.С. Кулаев*. Партийные организации Карачая и Черкесии в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941-1945 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторический наук. Воронеж, 1968. Рукопись. Библиотека им. В.И. Ленина (Москва). Регистр. № Дк $\frac{68-7}{328}$

[3] Пятигорский государственный педагогический институт иностранных языков. Кафедра истории КПСС. *М.М. Бекижев*. Партийное руководство культурным строительством в Карачаево-Черкесии (1920-1967 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Пятигорск, 1969. Рукопись. Библиотека им. В.И. Ленина (Москва). Регистр. № Дк $\frac{70-7}{266}$

[4] Ленинградский ордена Ленина и ордена Трудового Красного знамени государственный университет им. А.А. Жданова. *М.Л. Кичиков*. Советская Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Специальность № 07571. История СССР. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Ленинград, 1972. Рукопись. Библиотека им. В.И. Ленина (Москва). Регистр. № Дк $\frac{74-7}{III}$

из-за отщепенцев во времена культа личности". Против статьи посыпались протесты ветеранов войны. В результате Научно-исследовательскому институту при Совете Министров Калмыцкой АССР было поручено подготовить сборник документов, освещающий события войны в Калмыкии (об этом сборнике ниже).

Справедливость требует отметить, что не все историки обходят проблему оккупации и связанного с ней сотрудничества с врагом. Кичиков, например, занимался выяснением обстоятельств, приведших к оккупации части территории Калмыцкой АССР немецко-фашистскими армиями, он опубликовал материалы о борьбе с оккупантами основной части населения республики. Под руководством М.Л. Кичикова был подготовлен и издан очень важный сборник документов[1]. Собраны и опубликованы воспоминания участников вооруженной борьбы с гитлеровцами[2]. В 1972 г. М.Л. Кичиков защитил в Ленинградском университете свою докторскую диссертацию[3]. Среди материалов его диссертации особенно важны документы Калмыцкого обкома ВКП(б) периода 1941-1943 гг. Эти документы, несмотря на их явную избирательность, дают достаточно ясное представление о положении в Калмыкии и проливают свет на события, непосредственно предшествовавшие выселению калмыков. Большая часть этих документов не попала в книгу М.Л. Кичикова, изданную в Элисте[4].

К.Л. Коркмасова в своей очень интересной докторской диссертации поместила всю проблему насильственного выселения народов Кавказа в сноску[5].

Кое-какие сведения о событиях 1942-43 гг. и более позднего времени по истории народов Северного Кавказа и Калмыкии можно почерпнуть

---

[1] Калмыкия в Великой Отечественной войне, 1941-1945 гг. Документы и материалы. Элиста, 1966.

[2] "В боях за Дон". Воспоминания воинов 110 Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. Составитель и научный редактор М.Л. Кичиков. Элиста, 1969; "В боях за Северный Кавказ". Воспоминания воинов 110 Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. Составитель и научный редактор М.Л. Кичиков. Элиста, 1973.

[3] Ленинградский ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени государственный университет им. А.А. Жданова. *М.Л. Кичиков.* Советская Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. Специальность № 07571. История СССР. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Ленинград.

[4] М.Л. Кичиков. Во имя победы над фашизмом. Очерки истории Калмыцкой АССР в годы Великой Отечественной войны. Элиста, 1970.

[5] Ростовский государственный университет. Кафедра государственного и международного права. *К.Д. Коркмасова.* Национальная государственность в СССР (основные государственно-правовые проблемы). Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Ростов-на-Дону, 1971. Рукопись. Библиотека им. В.И. Ленина (Москва). Регистр. № $\frac{73-12}{36}$

в ряде обобщающих работ.[1]. Сравнение статистических данных за предвоенный, военный и послевоенный периоды, извлеченные из официальных статистических сборников, позволяет выяснить динамику движения населения Кавказа и Калмыкии, изменения в области образования, экономики и пр.[2]

Немалый интерес вызывают работы по истории Северного Кавказа, принадлежащие историку из г. Грозного В.И. Филькину – секретарю Чечено-Ингушского обкома КПСС в прошлом, бывшему заведующему кафедрой истории КПСС Грозненского нефтяного института, а ныне доценту той же кафедры. Многочисленные работы В.И. Филькина основаны, как правило, на глубоком изучении архивных документов, прежде всего партархива Чечено-Ингушского обкома КПСС. Среди множества работ В.И. Филькина для нас наибольший интерес представили непосредственно связанные с историей Чечено-Ингушской АССР в 1939-1945 гг.[3] В.И. Филькину свойствен спокойный и трезвый подход к событиям прошлого. Он старается исследовать основные проблемы в многоплановом аспекте. Его отличает стремление к объективности (насколько таковая возможна в наших специфических условиях) в выводах.

Отдельно необходимо сказать о рукописи проф. Р.И. Музафарова[4] и о нем самом.

---

[1] Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма. М., 1970; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, 1917-1970 годы, том II. Грозный, 1972; История Кабардино-Балкарской АССР с Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней, том 2. М.,1967; Очерки истории Кабардино-Балкарской организации КПСС. Нальчик, 1971; Очерки истории Ставропольской организации КПСС. Ставрополь, 1970.

[2] Народное хозяйство Кабардино-Балкарской АССР. Статистический сборник. Нальчик, 1957; Народное хозяйство Кабардино-Балкарской АССР. Нальчик, 1964; 50 лет Кабардино-Балкарской АССР. Статистический сборник. Нальчик, 1971; Справочник по народному хозяйству и культуре Карачаевской Автономной области. Пятигорск, 1939; Советский Карачай, 1920-1940. Микояншахар, 1940; Народное хозяйство Чечено-Ингушской АССР. Статистический сборник. Грозный, 1957; Народное хозяйство Чечено-Ингушской АССР. Статистический сборник. Грозный, 1963; Народное хозяйство Калмыцкой АССР. Статистический сборник. Элиста, 1960; Калмыцкая АССР за 50 лет Советской влсти. Статистический сборник. Элиста, 1967; С. Сулькевич. Территория и население СССР. М., 1940; Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г. в СССР. Сводный том. М., 1962; Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г. Киргизская ССР. М.,1963; Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г. Казахская ССР. М., 1962; Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г. Узбекская ССР. М., 1962; Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М.,1963; Население СССР. Справочник. М.,1974.

[3] В.И. Филькин. Партийная организация Чечено-Ингушетии в годы борьбы за упрочение и развитие социалистического общества (1937 – июнь 1941 гг.). Грозный, 1961; его же – Чечено-ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Грозный, 1960.

[4] Р.И. Музафаров. Вдали от крымских гор. Анатомия депортации. Рукопись. М.,1974.

Р.И. Музафаров собрал колоссальный материал о крымских татарах в период Великой Отечественной войны, об их жизни и положении после выселения из Крыма и об антикрымско-татарской пропаганде и политике в наше время. Свою рукопись Р.И. Музафаров направил осенью 1974 г. в ЦК КПСС в надежде, что после ознакомления с фактами, которые он собрал, крымским татарам разрешат возвратиться на свою историческую родину, в Крым. Увы, большого влияния его рукопись на положение крымских татар пока (май 1975 г.) не оказала: в кое-каких литературных произведениях смягчены отдельные фразы, в музеях Крыма убраны элементы экспозиций откровенно антикрымско-татарского содержания, из путеводителей по Крыму последних изданий исчезла явная клевета на историческое прошлое крымско-татарского населения. Стремясь удержать крымских татар в Средней Азии, в последние годы там начали печатать литературу на крымско-татарском языке.

Любопытна судьба самого проф. Р.И. Музафарова. Он родился в 1928 г. в г. Симферополе, в семье хозяйственного служащего. Ему было 15 с половиной лет, когда он вместе со своими соплеменниками отправился в изгнание, на Урал. Семья Музафаровых была поселена в одном из леспромхозов Свердловской области. Рефик стал разнорабочим. В 1946 г. ему удалось переехать в Узбекистан, где он приобрел квалификацию слесаря и начал работать на заводе. В 1953 г. экстерном закончил среднюю школу, поступил на заочное отделение факультета русского языка и литературы Ташкентского педагогического института и параллельно, также заочно, учился в техникуме культурно-просветительной работы. Окончил оба учебных заведения, затем работал в Калуге. Экстерном он подготовил кандидатскую диссертацию на тему "Татарские народные пословицы" и защитил ее в 1960 г. в Казанском государственном университете. Преподавал затем в высших учебных заведениях. В 1967 г. защитил докторскую диссертацию "Очерки фольклора тюрков" в г. Баку. Так Р.И. Музафаров стал доктором филологических наук. Его последующая преподавательская деятельность принесла ему звание профессора.

С 1957 г. Р.И. Музафаров – активный участник движения крымских татар за полную реабилитацию и возвращение в Крым. В 1967 г. движение добилось большого успеха – Указа Верховного Совета СССР, возвращавшего крымским татарам гражданские права. В 1972 г. проф. Р.И. Музафаров за свою общественную деятельность лишился работы. Газета "Труд" опубликовала о нем статью, пытаясь опорочить его с профессиональной точки зрения. С той поры и до осени 1975 года профессор доктор филологических наук Р.И. Музафаров был без постоянной работы. Тем не менее он продолжал научную деятельность. Помимо написанной им монографии Р.И. Музафаров составил русско-крымско-татарский и крымско-татарско-русский словари. Однако попытки напечатать эти словари не увенчались успехом. После многолетних мытарств проф. Музафаров получил в 1975 г. кафедру в Ташкентском областном педагогическом институте в Ангрене (Узбекистан). Не знаю, удержался ли он там.

Другим источником о крымских татарах послужили материалы крымско-татарского движения. Частично они были опубликованы в "Хронике текущих событий", изданной на русском языке в Нью Йорке[1]. Материалы эти содержат много важных фактов, однако к цифровым данным, сообщаемым в этих материалах, следует отнестись критически. Точные, по возможности выверенные, данные о потерях, понесенных депортированными народами в СССР, достаточно красноречивы и без преувеличений.

Для этой книги, впрочем, как и для всех без исключения работ по истории советского общества, очень важны стенографические отчеты XX и XXII съездов КПСС[2]. Ознакомление с ними необходимо не только для понимания нового курса в национальной политике СССР, т. е. восстановления "ленинских норм", но и для ощущения духа, атмосферы наступившей раскованности. Секретная речь Хрущева на XX съезде зачитывалась лишь на закрытых партийных собраниях, но опубликована в СССР не была. Она опубликована в приложении к "Мемуарам Хрущева"[3]. Интересные материалы были обнаружены на страницах газет кавказских автономий и Крыма. Что касается центральной прессы, то результаты работы с ней по этой теме вряд ли соответствуют затраченному времени и усилиям. Тем не менее эта часть работы была совершенно необходима.

Об отношении официального партийного и советского руководства к депортации и последующему восстановлению автономии народов Кавказа и Калмыкии можно в определенных пределах судить по соответствующим указам, законам и материалам сессий Верховных Советов СССР и РСФСР, а также и по стенограммам заседаний Верховных Советов автономных республик[4].

Реабилитация северокавказцев и калмыков вызвала к жизни не только серию работ отдельных авторов по истории этих народов во время Отечественной войны, но и сборники документов, воспоминаний и пр. Основ-

---

[1] "Хроника текущих событий", Нью Йорк, № 31, 1974.

[2] XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. I - III, М.,1956; XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. I - III,М.,1962.

[3] Khrushchov Remembers. Boston-Toronto, 1970.

[4] Заседания Верховного Совета Кабардино-Балкарской АССР четвертого созыва (пятая сессия) 28-29 марта 1957 г. Стенографический отчет. Нальчик, 1957; Юбилейная сессия Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР, посвященная 40-летию окончательного утверждения Советской власти в Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1960; Заседания Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР второго созыва (первая сессия), 15-16 апреля 1958 г. Стенографический отчет. Грозный, 1958; Четвертая юбилейная сессия Верховного Совета Калмыцкой АССР, 2. XI. 1940 г. Стенографический отчет. Элиста, 1941 г.; Заседания Верховного Совета Калмыцкой АССР второго созыва, первая сессия (28 октября 1958 года). Стенографический отчет. Элиста, 1958; Юбилейная сессия Верховного Совета Калмыцкой АССР, посвященная 40-летию установления Советской власти, 29 октября 1960 г. Стенографический отчет. Элиста, 1961.

ная задача всех этих публикаций заключалась в том, чтобы удостоверить преданность народов Северного Кавказа и калмыков советской власти, продемонстрировать их патриотизм, вклад в дело вооруженной борьбы против гитлеровской Германии. Почти во всех публикациях содержатся сведения о труде выселенных народов в местах поселения, но крайне скудно освещается их повседневная жизнь, и, конечно, ни одного слова не говорится о суровом режиме спецпоселения и о его последствиях. Другая особенность этих работ заключается в том, что в них опущены конкретные факты сотрудничества части населения с оккупантами.

По нашему мнению, это серьезная ошибка, так как умолчание помогает сохранению неверных представлений о якобы имевшей место измене народа в целом. В интересах самих этих народов, не говоря уже об исторической правде, был бы не уход от фактов, а спокойное и сбалансированное изучение проблем, возникших в связи с оккупацией этих районов.

Мы настолько были оболванены пустопорожней демагогией, что забыли о том, что ни один народ не может и не должен расплачиваться за преступления своих отдельных представителей или даже за преступления группового характера. С точки зрения права, суверенность народа, являющегося источником власти, снимает всякую возможность обвинения его в измене.

Но полно, в том ли дело, что мы *забыли* об этом? Не честнее ли сказать, что представления о законе и праве в нашем государстве настолько искажены, что мы сами не представляем себе по-настоящему, что означает на самом деле понятие права.

Да и возможно ли вообще такое явление, как депортация целых народов в государстве, где существуют правовые нормы?

Кажется, за исключением М.Л. Кичикова, мало кто из советских историков серьезно занимался возникшей из немецкой оккупации ряда территорий СССР проблемой сотрудничества с врагом.

Между тем, огромная советская литература существует по истории партизанского движения на занятых фашистскими армиями советских территориях. Изданы и исследования, и воспоминания, и сборники документов. Не все они равноценны по составу документов, по качеству. Явно тенденциозный, антикрымско-татарский характер носит сборник документов, посвященный Крыму[1]. Об этом подробно рассказано в работе Р.И. Музафарова.

Получилось так, что все вопросы, связанные с проблемой сотрудничества с врагом, разрабатывались зарубежными историками. У них был свободный доступ к немецким документам самого разнообразного характера, от оперативных до архивов ведомств Розенберга и Гиммлера. Кроме того, западные историки собрали огромное количество свидетельств лиц, причастных к деятельности оккупационных властей на тер-

---

[1] Крым в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Симферополь, 1973.

ритории СССР. К их услугам любые архивные хранилища по любым проблемам.

Такого рода возможностей абсолютное большинство советских историков лишено. Лишь немногие из них, численно незначительная привилегированная группа, получают служебные командировки для работы в зарубежных архивах, а о поездках в длительные научные командировки за свой счет и речи быть не может[1].

Волей-неволей приходится часто "плестись в хвосте" иностранных коллег, используя выявленные ими материалы в качестве источников. Такое недостойное, а часто унизительное положение советских историков, кажется, совсем не беспокоит их руководителей и руководство наукой вообще, которое, кстати, неустанно призывает нас бороться за первенство советской исторической науки и "давать отпор" буржуазным "фальсификаторам истории". Вся существующая сложная система допусков различной категории для работы в архивах, всевозможные ограничения в использовании выявленных документов, строгая цензура, часто убивающая свежую мысль, ограничения для профессиональных историков в выборе тем и, наконец, как следствие всего этого – самоограничение и самоцензура – резко сужают профессиональные возможности советских историков и препятствуют выполнению ими своего основного профессионального долга – служению правде истории.

Среди опубликованных на Западе работ сохранило свое значение вышедшее в 1957 году фундаментальное исследование американского историка Александра Даллина о немецкой оккупационной политике на территории СССР[2].

Проблемой депортации в СССР много лет занимается английский ученый Роберт Конквест[3]. Он проделал большую работу по сбору и обобщению полученных на Западе материалов о депортации в СССР. Различным

---

[1] Я, например, за 30 лет своей работы (включая занятия в аспирантуре) в Институте истории, а затем в Институте всеобщей истории Академии наук СССР ни разу не мог получить командировку для работы в иностранных архивах или для участия в международных конференциях или симпозиумах. Более того, даже для участия в симпозиуме с иностранными учеными на территории СССР далеко не всегда можно получить разрешение. В августе 1970 года мне было запрещено появляться на XII Международном конгрессе по историческим наукам, проходившим в Москве. Только после моего письменного протеста запрет был снят. Однако допущен на заседания конгресса я был лишь в качестве гостя. В апреле 1975 г. ряду советских историков было отказано в разрешении присутствовать (не то что выступать!) на советско-западногерманском симпозиуме по истории советско-германских отношений в период Веймарской республики. Среди тех, кто получил отказ в самой категорической форме, был и автор этой книги.

[2] Alexander Dallin. German Rule in Russia, 1941-1945. A Study of Occupation Policies. London, 1957.

[3] R. Conquest. The Soviet Deportation of Nationalities. London, 1960.

аспектам немецкой оккупационной политики на отдельных советских территориях посвящено немало книг и воспоминаний. Укажем, в частности, на монографию М. Лютера, выполненную в свое время в русском исследовательском центре Гарвардского университета под руководством проф. Ф. Мозли, на работы П. фон цур Мюлена, Д. Литтлджона, И. Гоффмана, мемуары Р. Гелена и книгу татарского националиста Эдиге Кирималя[1]. По своим тенденциям работы эти совершенно различны. Неблагоприятное впечатление оставляет книга Иоахима Гоффмана из Фрейбурга, подчиненная цели реабилитации гитлеровской политики и действий германских военных и карательных органов на оккупированной территории СССР.

Ряд материалов для этой работы был почерпнут из советских публикаций[2], материалов Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными преступниками[3] и процессов по обвинению в преступлениях второстепенных деятелей третьего рейха[4], из документов дипломатического ведомства Германии[5] и из ряда других публикаций документов.

Многое для понимания обстановки, сложившейся на Северном Кавказе, дали мне беседы с людьми, хорошо осведомленными о событиях, описываемых в книге.

---

[1] M. Luther. Die Krim unter deutsher Besatzung im zweiten Weltkrieg. "Forschungen zur Osteuropaeischen Geschichte". Band 3. Berlin, 1956. S. S. 28-29; Patrik von zur Muehlen. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalsozialismus der sowjetischen Orientvoelker im zweiten Weltkrieg. Duesseldorf, 1971; D. Littlejohn. The Patriotic Traitors. History of Collaboration in German-occupied Europe, 1940-1945. New York, 1972; J. Hoffman. Deutsche und Kalmiken

[2] Документы Министерства иностранных дел Германии. ВыпускII. Германская политика в Турции (1941-1943 гг.). М.,1946.

[3] Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Vol. XXXVIII.

[4] Trials of War Criminals before the Nurenberg Military Tribunals under Control Council Low. N. 10, vol. IV (Ohlendorf). Washington.

[5] Akten zur Deutschen auswaertigen Polltik 1918-1945. Serie E, 1941-1945. B. I-II. Goettingen, 1969-1972.

Глава I. Оккупация Крыма и крымские татары

Немецкая оккупация территории Крымской Автономной Советской Социалистической Республики была длительной, с конца октября 1941 г. по апрель-май 1944 г.

Крымская АССР была образована 18 октября 1921 г. в составе РСФСР.

Крым был присоединен к России в 1783 г. Наряду с караимами и крымчаками татары были самым многочисленным из этого древнего населения Крыма. Татары создали здесь самобытную культуру, построили города и селения, возделывали земли, развели виноградники и сады, пробили дороги. Татарское население, несмотря на преследования, которым оно время от времени подвергалось со стороны шовинистически настроенных царских чиновников, управляющих Крымом, проявляло себя вполне лояльно по отношению к русскому государству.

После революции и в годы гражданской войны большая часть крымско-татарского населения поддержала советскую власть.

Накануне второй мировой войны (1939 г.) население Крыма насчитывало около 1.127 тыс. жителей[1]. Преобладающей национальной группой были русские, составлявшие примерно половину населения полуострова, четверть населения составляли татары, 10% – украинцы, а остальные 15% – немцы, евреи, греки, болгары, чехи, эстонцы, караимы, крымчаки и др. Это интернациональное сообщество жило довольно дружно в этом благодатном крае – среди гор, виноградников и в приморских городах. Вспышки национальных противоречий были редки. Относились они к тому времени, когда в Крыму было создано несколько колоний еврейских поселенцев, что вызвало недовольство части крымско-татарского населения, усмотревшего в этом угрозу землям, которые они считали своими.

Гитлеровские армии вошли в Крым 24 октября 1941 г. Весь Крымский полуостров, за исключением Севастополя, продержавшегося до июля 1942 г., и Керчи, павшей в мае того же года, попал в немецкую оккупацию.

Еще до нападения на СССР будущее Крыма неоднократно обсуждалось германским верховным руководством. Были две основные точки зрения: Альфреда Розенберга, главного теоретика НСДАП по "восточному вопросу", занявшего в 1941 г. пост имперского министра оккупированных восточных территорий, считавшего целесообразным присоединить Крым к Украине и создать вассальное украинское государство с центром в Киеве; и точка зрения самого фюрера (и Гиммлера), заключавшаяся в полном разрушении какой бы то ни было государственности на

---

[1] С. Сулькевич. Население СССР. М.,1939, стр. 30.

захваченной территории СССР. Поощрение национализма, будь то украинский или любой другой, противоречило бы планам создания Великой Германской империи. Что же касается Крыма, то на конференции 16 июля 1941 г. у Гитлера, в которой участвовали Розенберг, Кейтель, Геринг, Ламмерс и Борман, было решено считать Крым "имперской землей", присоединить его непосредственно к рейху и германизировать. Предусматривалось выселение из Крыма всех без исключения "национально-чуждых элементов" – русских, украинцев, татар[1].

В августе 1941 г. и в июле 1942 г. Гитлер настаивал на эвакуации всего русского населения из Крыма и немедленного заселения полуострова немцами. Однако по настоянию Геринга, опасавшегося хозяйственного упадка Крыма и неблагоприятного влияния этого на положение германской армии, реализация плана выселения была отложена. Все же различные учреждения продолжали разрабатывать возможные варианты германизации Крыма. Например, ведомство Гиммлера рассчитывало превратить Крым в место отдыха для заслуженных эсэсовцев. Для улучшения коммуникаций предполагалось соорудить автостраду Краков – Крым[2]. Был также план переселения в Крым немцев из Южного Тироля и таким образом окончательного урегулирования многолетних трений с Италией[3]. Уже в самом начале оккупации, в декабре 1941 г., Розенберг предложил переименовать Симферополь в Готебург, а Севастополь– в Теодорихсхафен[4].

После занятия Крыма и Мелитопольской области оккупанты учредили "генеральный комиссариат Таврида", во главе которого был поставлен А. Фрауэнфельд, нацист из Австрии. Он развил интенсивную деятельность в поисках доказательств исторической принадлежности Крыма Германии.

"Генеральный комиссариат" подчинялся "рейхскомиссариату Украины", т. е. гауляйтеру Эриху Коху. Однако, поскольку Крым считался прифронтовой зоной, оперативный контроль осуществляли военные власти при помощи СД и СС, в частности – "Айнзатцгруппе Д" под командованием Олендорфа[5].

Первым актом оккупантов была регистрация, а затем изъятие "враждебных" и "расово-неполноценных элементов". К ним были отнесены евреи, цыгане, коммунисты и их семьи.

Судя по немецким документам, с октября 1941 г. и до апреля 1942 г. в Крыму было уничтожено 91.678 человек, т. е. почти одна десятая часть населения. Начавшееся было уничтожение немногочисленной этнической

---

1 IMT, vol. XXXVIII, Doc. 221-L, p. 87.

2 Kirimal. Op. cit., p. 311.

3 IMT, vol. XXXVIII, Doc. 1517-PS, p. 272.

4 Dallin. Op. cit., p. 256.

5 После войны Олендорф предстал перед судом союзников и был в апреле 1948 г. приговорен к смертной казни через повешение.

группы караимов было приостановлено благодаря мужественному вмешательству духовного и светского главы караимов всего мира, хохана караимского Хаджи-Серая Шапшала (Сергея Марковича Шапшала), чья резиденция в ту пору находилась в Литве[1].

Учитывая сложное положение германской армии, а также стремясь привлечь на свою сторону Турцию, высказывавшую заинтересованность в будущем территорий, населенных мусульманскими народами, в том числе и Крыма, германские оккупационные войска проводили политику "водораздела" национальностей.

Назначение аппарата управления из числа местного населения проводилось по национальному признаку: там, где большинство составляло русское население, назначался русский, там, где украинское – украинец, где татарское – татарин[2]. Таким образом, примерно три четверти назначений приходилось на долю русских и украинцев и четверть на долю крымских татар.

Как и повсюду на советских территориях, где установилась немецко-фашистская власть, происходили события одного порядка: массовые аресты и расстрелы "расово-неполноценных" и "враждебных" элементов, вывоз населения на работы в рейх, экономическая эксплуатация, ликвидация учреждений науки и культуры, разграбление культурных ценностей, разжигание национальной вражды. В Крыму оккупационные власти закрыли все высшие учебные заведения и учительские институты, школы были разделены по национальному признаку. В них, так же как и в нескольких разрешенных немецкими властями профессиональных училищах, объем преподаваемых знаний ограничивался нуждами производства, обслуживающего Германию.

В то же время оккупационные власти разрешили открыть 50 мечетей, ряд православных церквей, рассчитывая на поддержку своей политики представителями духовенства, а через них и их паствы.

По сравнению с русскими крымско-татарское население пользовалось преимуществами. Однако, как о том свидетельствуют немецкие документы, политика по отношению к татарам носила исключительно утилитарный и пропагандистский характер.

---

[1] Эта история не лишена интереса. По совету некоего полковника СС из штаба "Остланд", знатока восточной культуры, Шапшал, вовремя предупрежденный им о готовящемся истребелении караимов, обратился к Розенбергу с меморандумом, в котором излагал историю своего народа. Разъяснив этническое происхождение караимов и религиозное соотношение между евреями и караимами, Шапшал нашел в себе мужество написать в заключение следующее: "Заповеди Моисеевы и поныне являются основой мировой цивилизации. Этой всемирно-исторической заслуги еврейского народа нельзя ни забыть, ни зачеркнуть". Шапшалу удалось убедить Розенберга в том, что у караимов общность с евреями носит религиозный, но не этнический характер.

[2] Trials. (Ohlendorf), vol. IV. p.,254.

В апреле 1942 г. на совещании представителей германского МИДа и верховного командования сухопутных сил по вопросам пропаганды среди крымских татар подчеркивалось, что цель всех мероприятий заключается в том, чтобы поставить на службу германской армии по крайней мере 20 тысяч татарских добровольцев. Ради этого и предполагалось облегчить оккупационный режим для татар. Особо на совещании был подчеркнут пропагандистский характер всех уступок. Эти обещания и уступки, указывалось на совещании, не предвосхищают решений, которые будут приняты в отношении крымских татар после немецкой победы[1].

Дебатировавшийся германским руководством вопрос о предоставлении крымским татарам самоуправления в какой-либо форме был уже в июле 1942 г. решен отрицательно[2].

Особая политика по отношению к крымским татарам была нацелена в области внешнеполитической, как выше уже было отмечено, на привлечение Турции к активной германской политике, а заинтересованность, высказываемая турецкими руководителями "в судьбе проживающих на территории СССР мусульманских народов" использовалась для реализации насущных стратегических задач войны на Ближнем Востоке.

Проводником и отчасти вдохновителем этой политики был германский посол в Анкаре фон Папен[3]. С турецкой стороны ту же роль выполняли руководители пантуранского движения[4] генералы Ф. Эрден и Х. Эркилет. Осенью 1941 г. они посетили Крым с официальной миссией изучения немецкой тактики на южном фронте. Они добились разрешения немецких властей на поездку в Берлин представителей крымско-татарской эмиграции[5].

В апреле 1942 г. турецкий премьер Сараджоглу сообщил Папену, что турецкое правительство официально не может поддержать пан-туранское движение, но дало разрешение лицам, не занимающим официального по-

---

[1] ADAP, Serie E. Bd. II, N. 132, S. S. 225-226.Шмиеден-Шуленбургу. Заметки о совещании по пропаганде. "Вестфалия". 13 апреля 1942 г.

[2] Документы министерства иностранных дел Германии. Выпуск II. Германская политика в Турции (1941-1943 гг.). М. 1946, стр. 87. Док. № 25. Диттман – Типпельскирху. 5 августа 1942 г.

[3] В политическом донесении германскому МИДу от 10 ноября 1941 г., т. е. еще до вступления немецких войск в Крым, фон Папен еще раз предлагал (первое предложение было сделано им ранее), чтобы в Крыму была создана администрация с участием крымских татар. "Это, – писал он, – сильно повлияло бы в политическом отношении на Турцию". (Документы ... Указ. соч. № 12, стр. 44 .)

[4] Пантуранское (или пантюркское) движение, неофициально поддерживаемое правительством Турции, выступало за объединение тюркских народов, проживающих на территории СССР, в государстве, которое, оставаясь номинально самостоятельным, фактически находилось бы в орбите турецкой политики.

[5] Там же, № 15, стр- 51. Эркилет – Хентигу. Стамбул, 27 ноября 1941 г.

ложения, вступить по этому поводу в контакт с германским правительством[1].

Впоследствии турецкие руководители не раз подчеркивали в беседах с гитлеровскими дипломатами свою заинтересованность в поражении СССР и в связи с этим в "судьбе тюркских народов"[2].

Эта "заинтересованность" была затем использована советским правительством для обвинения ряда народов Северного Кавказа в измене. Несчастные народы эти неожиданно узнали, что являются вражеской агентурой.

Немецкий флирт с Турцией по поводу будущего "тюркских народов" прекратился, как только Гитлер убедился, что турки немецкие войска на Ближний Восток через свою территорию не пропустят, а будут попрежнему балансировать между "осью" и антигерманским блоком. В ответ на высказанную премьером Сараджоглу озабоченность по поводу нежелания Германии предоставить самостоятельность территориям, населенным тюркскими народами[3], Гитлер предложил фон Папену проявить "большую сдержанность" и не идти на "несвоевременные разговоры"[4]. Игра в пантуранизм закончилась.

Но за много месяцев до этого решения представители крымско-татарской эмиграции были по ходатайству генералов Эркилета и Эрдена допущены в Берлин, а затем им было разрешено посетить и Крым. Хотя эмигранты не скрывали от немцев, что рассчитывают на создание в Крыму "независимого татарского государства", что полностью противоречило немецким планам, гитлеровцы от использования эмигрантов не отказались. Они им были нужны для помощи в формировании добровольческих частей из крымских татар.

В межвоенный период существовало несколько центров крымско-татарской эмиграции в Польше, в Румынии и в Турции. Часть крымско-татарских эмигрантов, проживавшая в Польше и в Румынии, участвовала в организации "Прометей" – созданной эмигрантами с Кавказа, проанглийской и профранцузской ориентации в 20- годах. Активнейшими деятелями были Сеидахмет и Кирималь. Первый, бывший учитель из Бахчисарая, а затем сотрудник татарского журнала, издаваемого в Румынии; второй адвокат, участник крымско-татарской эмиграционной группы в Польше. Ориентировались они до войны, как и вся группа "Прометей", на Францию и Англию. С началом же войны они уехали в Турцию. Здесь в течение столетий жили татары из Крыма (около полумиллиона), не под-

---

[1] ADAP, Serie E., Bd. II, No. 115, S. 197. Папен – МИДу. Анкара, 6 апреля 1942 г.

[2] Документы ... Указ. соч., № 17, стр. 65-66."Записка для г-на генерала Варлимонта".

[3] Там же, № 27, стр. 100. Папен – МИДу. Анкара, 27 августа 1942 г.

[4] Там же, № 30, стр. 116-120. Риббентроп – Гевель-Вервольфу,Фушль, 12 сентября 1942 г.

вергшиеся ассимиляции и сохранившие, к удивлению турок, свой язык и культуру. Часть крымско-татарского населения после Крымской войны была насильственно выселена из Крыма царским правительством.

Сеидахмет и Кирималь быстро нашли общий язык с руководителями т. н. пантуранского движения, генералами Эркилетом и Эрденом, и по их рекомендации вступили в контакт с немецкими властями. Именно Кирималь и другие эмигранты, прибывшие в Германию, а затем в оккупированный фашистской армией Крым, пустили в оборот термин "крымские турки"[1], что немало повредило крымским татарам в роковом для них 1944 г.

Эмигранты прибыли в Крым уже после того, как с разрешения оккупационных властей были созданы т. н. "мусульманские комитеты", которым были переданы функции регулирования культурной и религиозной жизни татар. Комитеты, однако, находились под строгим немецким контролем, впрочем, так же как и религиозная жизнь. Когда татары хотели избрать муфтием Крыма (т. е. высшим духовным служителем) кандидата, не пользовавшегося доверием немецких властей, то власти не только воспрепятствовали его избранию, но и заставили его бежать в Румынию. "Мусульманские комитеты" выставлялись в пропаганде татарских националистов якобы прямыми наследниками т. н. "магометанских комитетов" времен гражданской войны и немецкой оккупации 1918 г., когда татарские националисты, представлявшие интересы верхушечных слоев крымско-татарского общества, пытались провозгласить свое независимое (на самом деле зависимое от кайзеровских войск) государство.

Представители эмигрантов добились от Симферопольского "мусульманского комитета", фактически являвшегося центральным, признания их в качестве делегатов при германском "восточном министерстве" и с тем отбыли в Берлин. В 1943 г. "восточное министерство" учредило у себя соответствующий отдел.

Но с образованием "мусульманских комитетов", разрешением на издание газеты и журнала, открытием театра, школ с преподаванием на татарском языке немецкие власти начали оказывать давление на крымско-татарское население, призывая его вступать в "отряды самообороны" и другие формирования для борьбы с партизанами. Создание татарских частей началось в январе 1942 г. На 15 февраля было набрано всего лишь 1632 человека (14 рот, 6 батальонов)[2]. Кроме того, в лагерях для военнопленных советских солдат в Симферополе, Николаеве, Херсоне и Джанкое благодаря немалой помощи эмигрантов удалось завербовать еще несколько тысяч "добровольцев" во вспомогательные части вермахата. Сведения об общем количестве крымских татар, находившихся в военных формированиях, разноречивы. Кирималь, например, называет для 1941-1944 гг. цифру от 8 до 20 тысяч чел.[3] Следует иметь в виду, что ба-

---

[1] Кирималь даже свои воспоминания озаглавил "Национальная борьба крымских турок..."

[2] Luther, Op. cit. S. 60; Dallin, Op. cit. p. 260.

[3] Luther, Op. cit. p. 61.

тальоны, иногда именуемые в литературе "татарскими", на самом деле состояли из лиц различных национальностей[1].

Подавляющее большинство "добровольцев" было из числа советских военнопленных. Их добровольность нередко была вынужденной. Хотя часть из них, может быть, и руководствовалась политическими мотивами, однако в большинстве случаев определяющими были личные мотивы: хотелось остаться в живых, дотянуть до конца войны, не погибнуть от лагерной жизни. Движущими политическими причинами, по мнению ряда историков, были крайности коллективизации и антирелигиозные мероприятия советской власти[2]. Большинство крымских татар, завербованных для несения полицейской службы и для антипартизанской борьбы, проявляли пассивность, смиряясь с превратностями судьбы, вполне в духе корана. В одном из немецких документов того времени отмечалось, что среди "самообороцев" не было "ни энтузиазма, ни крайней враждебности" [3]. Важно иметь в виду, что часть населения вступала в местные "отряды самообороны" для защиты лишь своего селения от нападения "лихих людей", кем бы они ни были.

Образование "мусульманских комитетов" дало толчок не столько к усилению сотрудничества с оккупантами, сколько к росту татарского национализма. Если гитлеровцы хотели использовать татарских националистов в своих целях, то и националисты в свою очередь рассчитывали использовать сложившуюся ситуацию в своих, чисто татарских, интересах, как они эти интересы себе мыслили.

"Мусульманские комитеты" в значительной степени камуфлировали деятельность подпольной татарской националистической организации "Милли фирха" ("Национальная партия"), выступавшей за создание в Крыму мусульманского государства. Эта организация была под запретом все годы советской власти и подвергалась преследованиям также и во время немецкой оккупации.

Теперь, когда легально функционировала система "мусульманских комитетов", а часть крымских татар оказалась вооруженной в "отрядах самообороны", оккупанты стали испытывать известное беспокойство. В секретных инструкциях германского командования предписывалось ни в коем случае не допускть сотрудничества и совместных выступлений "мусульманских комитетов" и "отрядов самообороны". И те и другие находились под неусыпным наблюдением и контролем немецких властей[4]. Один из приказов верховного командования требовал "в любом случае воспрепятствовать образованию центрального татарского руководства и проведению татарской политики" [5].

---

[1] Музафаров. Указ. соч., стр. 94-97.

[2] Kirimal. Op. cit., S. 305. По данным Конквеста, во время коллективизации из Крыма было выслано от 30 до 40 тыс. татар. (R. Conquest. Op. cit. p. 87).

[3] Dallin. Op. cit. p. 259.

[4] Kirimal. Op. cit. S. 314.

[5] Luther. Op. cit. S. 62.

Гитлеровцы боялись, как бы им не"заиграться" в игру с поддержкой "нерусских народов" на оккупированной ими территории Советского Союза."Отряды самообороны" находились под командованием немецких офицеров, так же как и аналогичные формирования в составе вермахта.

Большая часть крымско-татарского населения не пошла на сотрудничество с оккупантами. Следует иметь в виду, что мужчины призывного возраста находились в рядах Красной Армии. Часть их оказалась в плену у гитлеровцев, а затем и в их формированиях, но многие продолжали сражаться в рядах Красной Армии и в партизанских отрядах.

В 1942-1943 гг. тысячи татар были отправлены в Германию как "восточные рабочие", т. е. подвергались там самой нещадной эксплуатации, подобно советским гражданам других национальностей, угнанных в рейх. Лишь в 1944 г., когда приближение катастрофы стало все больше и больше ощущаться в самой Германии, гитлеровцы приняли ряд мер для нейтрализации по возможности такого взрывоопасного элемента, каким были иностранные рабочие. Одним из маневров разделения рабочих было предоставление нерусским рабочим, в том числе и крымским татарам, статуса "западных рабочих", т. е. лучшего питания, условий работы и жизни.

* * *

Высадка советских десантов в Керчи, Евпатории, Феодосии в начале 1942 г. хотя и закончилась неудачей, но послужила мощным толчком для пробуждения активности населения Крыма. Население помогало десантникам как могло и частично приняло участие в вооруженной борьбе. Расправа за это была жестокой. Тысячи людей были расстреляны. Среди них были, разумеется, и татары.

Тяжелое экономическое положение, особенно в городах, голод, жесткое рационирование продовольствия, вывоз почти всех сельскохозяйственных продуктов усиливали недовольство крымчан. Немецкие оккупационные власти сохранили в Крыму колхозы и совхозы как хозяйственные единицы для более успешного изъятия продовольствия и сырья у сельскохозяйственного населения. Те, кто рассчитывал, что немцы отменят колхозы и восстановят частную собственность на землю, были жестоко разочарованы. Гитлеровцы не собирались возвращать и церковное имущество.

Рост партизанского движения и боязнь, что Крым в результате окажется отрезанным от основных сил германской армии, ужесточали карательные действия немецких властей, а это неизбежно приводило к расширению партизанской борьбы.

Татары, проживавшие в деревнях со смешанным населением, особенно в горной части Крыма, отрицательно относились к службе в "отрядах самообороны" и уклонялись от нее. СД выявляло уклонявшихся и уничтожало их. Ответом, как правило, было усиление поддержки партизан. Так было, например, в деревнях вокруг Бахчисарая. Влияние партизанского движения росло. В партизанских лагерях создавались татарские подразделения, чуть ли не в каждой татарской деревне и в каждом "отря-

де самообороны" находились представители партизан. СД вместе с немецкими армейскими частями начало разрушать как татарские, так и нетатарские деревни вблизи партизанской зоны. В ответ население деревень переходило в горы, к партизанам. В одном из секретных донесений СД указывалось, что целая татарская рота "самообороны" присоединилась к партизанам. Даже такой прислужник гитлеровцев, как Кирималь, признает, что многие крымские татары пали жертвами "акций СД"[1]. Уже к концу оккупации Крыма, в декабре 1943 – январе 1944 гг., немцы сожгли и уничтожили 128 горных деревень южного и северного Крыма. Тысячи крымских татар, потеряв все свое имущество, были вынуждены переселиться в степные районы Крыма[2]. В январе 1944 г. жители сожженных немцами крымско-татарских деревень – Аргин, Баксан, Казал вместе с жителями сожженных русских деревень – Эфендикой, Кутур и Нейман ушли в горы, к партизанам. В секретном сообщении ОКВ министерству "восточных территорий" от 28 февраля 1944 г. указывалось, что татары в последнее время проявляют "открытое недовольство"[3].

Генерал-фельдмаршал фон Манштейн, командующий южной группой, писал не без горечи о провале планов использования против советской власти нерусских народов оккупированных частей Советского Союза:

> Если бы только сбылось, что мы смогли бы сделать из этих вспомогательных народов действительно пригодных для нас солдат. Ведь до сих пор они по большей части удирали при угрозе приближения русских. Конечно, для нас было бы значительной помощью, если бы мы могли в широком масштабе привести в движение и использовать против большевиков русских и инородцев. Самым трудным всегда будет вопрос, какую цель поставить перед ними, так как их интересы противоположны и в конечном счете расходятся и с нашими. Правильным бесспорно является то, что нужно было раньше попытаться внести раскол и прежде всего подготовить это путем соответствующего поведения в оккупированных районах[4].

В своих запоздалых сожалениях Манштейн упускает из виду, во-первых, что народам СССР были ненавистны любые завоеватели, что бы они ни сулили; во-вторых, расовая теория, возвеличивавшая немцев как народ господ, а главное, расовая практика на оккупированных территориях СССР с ее массовыми убийствами, уничтожением сотен тысяч людей, причисленных к "расово-неполноценным", истребление военнопленных, попавших в гитлеровские лагеря, угон населения и эксплуатация его в Германии вызывали не только ужас, но и негодование и ненависть. Звер-

---

1 Kirimal. Op. cit. S. 315.

2 Ibid. S. 316.

3 Ibid.

4 Документы... Указ. соч. № 36. Майнштейн – Дирксену. 9 мая 1943 г., стр. 135-136.

ский, античеловеческий характер идеологии, политики и практики гитлеровского рейха абсолютно исключал сколько-нибудь длительное сотрудничество с ним больших групп населения, не говоря уже о целых народах. Только те, кто стал вольным или невольным соучастником фашистских злодеяний, шли с гитлеровцами до конца и должны были в конечном счете ответить за свои преступления. Сам Манштейн как командующий II армией нес ответственность за преступные приказы по уничтожению евреев в Крыму[1].

* * *

Еще во время немецкой оккупации Крыма поползли слухи о якобы поголовном сотрудничестве крымских татар с гитлеровцами.

Было несколько источников распространения этого вымысла. Во-первых, особая политика оккупантов по отношению к крымско-татарскому населению, создание "мусульманских комитетов", участие части татар в "отрядах самообороны" и других военных формированиях; во-вторых, неверная информация партизанским руководством Крыма руководства Крымского обкома ВКП(б) и правительства АССР о положении среди партизанского движения и отношения татар к нему; в-третьих, неверная на этом основании информация крымского партийного руководства высших инстанций; в-четвертых, оживление традиционно подозрительного отношения к "инородцам" среди русской части населения, казалось, давно уже отошедшего в прошлое.

Германские оккупационные власти, начавшие, как выше уже было показано, с полного физического истребления евреев, перешли затем к созданию татарских "комитетов" и "отрядов самообороны", одновременно формировались и охранные батальоны из числа других национальностей, позднее была проведена кампания по вовлечению русских в РОА.

Старая история! Гитлеровцы продолжали свои маневры, раскалывая население по национальным группам и натравливая их друг на друга. Одним из маневров оккупантов было разграбление продовольственных баз партизанских отрядов и раздача продуктов татарскому населению. С другой стороны, немцы использовали вылазки партизан против татарских деревень, понуждая население этих деревень вступать в "отряды самообороны".

В июле 1942 г. руководители крымского партизанского движения А.Н. Мокроусов и А.В. Мартынов отправили командующему Юго-западным фронтом маршалу С.М. Буденному докладную записку, в которой содержалось обвинение в том, что "подавляющее большинство крымских татар горной и предгорной частей пошли за фашистами"[2].

Возникновению последующей дезинформации способствовало и невежество иных местных работников, для которых все нерусские были, как говорится, "на одно лицо". Они зачисляли в "татары" азербайджан-

---

[1] Trials (Ohlendorf). Op. cit., p. 503.

[2] Из протокола № 6 заседания бюро Крымского обкома партии от 11 августа 1942 г. Музафаров, стр. 64.

цев, грузин, армян, узбеков, киргизов и др., не говоря уже о волжских татарах. Здесь трудно отделить невежество от заведомо недобросовестной информации[1].

Примером ее может служить донесение начальнику Центрального Штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандующего П.К. Пономаренко, в котором утверждалось, будто в апреле 1942 г. в Симферополе закончили обучение 15 тысяч добровольцев – "татар"[2]. На самом же деле в число "татар" были включены и военнопленные из Средней Азии, Кавказа и Закавказья, Поволжья, многих из которых принудили одеть ненавистную для них форму вермахта.

Подтверждение тому мы находим как в документах военного времени, так и в обнаруженных недавно. Вот что рассказывается, например, в "Кратком отчете" № 1 о деятельности подпольной группы в гор. Симферополе (январь-март 1942 г.), руководитель группы Усман Боснаев:

> Когда немцы собрали военнопленных татар и украинцев в батальоны, группа поставила себе задачу путем разъяснительной работы добиться привлечения добровольцев-пленных на сторону советской власти, дабы в нужный момент батальоны "добровольцев" могли повернуть оружие против самих же немцев. Путем разъяснительной работы группе удалось завербовать на свою сторону группу командиров, как то: Керимова Абдуллу, Фахтуллина, Саранаева Мустафу, Леонченко Ивана, которые путем кропотливой работы среди насильно завербованных "добровольцев"– татар и украинцев – завоевали большинство солдат одного татарского и украинского батальонов на сторону советской власти. Эти батальоны были готовы выступить с оружием в руках против немцев. Только предательство сорвало эти планы, и эти батальоны были обезоружены, а руководители, указанные выше, расстреляны[3].

О насильственном наборе "добровольцев" рассказывается в одном из сборников, опубликованных в 1943 г.:

> Немцам с большим нажимом удалось набрать незначительное число так называемых "добровольцев". Набор их проводился насильственно. В деревне М. в 1942 г. произошел такой случай. Приезжали гестаповцы и стали уговаривать татар записаться добровольцами. Вызывали каждого и предлагали записываться. Абляким Кандар отказался, и гестаповец тут же на глазах у всех застрелил Аблякима. Этим "добровольцам" и "самообороцам" немцы не доверяли, следят

---

[1] Начальник особого отдела партизанской бригады Восточного соединения Куртлит Муратов пишет в своих пока еще неопубликованных воспоминаниях: "... кто бы ни напал на партизанские отряды, хоть немцы, венгры, румыны, РОА и другие, термин был один, что все татары".

[2] Крым в период Великой Отечественной войны 1941-1945. Сборник документов. Симферополь, 1973, № 279, 287, 289.

[3] Музафаров. Указ. соч., стр. 89.

за ними и жестоко расправляются с недовольными. В марте 1943 г. в Симферополе расстреляно 270 человек, в том числе 60 "добровольцев" и "самообороннцев"[1].

Несмотря на репрессии против татар, семена ненависти, недоверия и подозрительности, зароненные в разных местах и по разным поводам, начали давать всходы.

Р. Музафаров приводит письмо участника партизанского движения в Крыму, историка А.Я. Олеха из Махачкалы, в редакцию журнала "Звезда". Воспроизводим отрывок из этого письма:

> ... Сотни патриотов-татар, бежавших от оккупантов и стремившихся бороться против них с оружием в руках, Мокроусов выгонял из леса, отдавал их на расправу гитлеровцам. По его вине погибли в числе многих бывший председатель Верховного Совета Крымской АССР Абдурефи Сеит-Яги, директор винзавода Асан Сеферов, инструктор райкома партии Нури Османов и др. Эту "ошибку", так удачно сыгравшую на руку врагам, нельзя расценивать иначе как предательство. Следующим шагом были репрессии против татарских сел по приказу тоже шовинистически настроенных командиров партизан и карательные акции, сопровождаемые насилием. В русской деревне Мамут-Султан, например, группа русских партизан репрессировала жителей, оказавших помощь татарам-партизанам, за день до того взорвавших немецкий бронетранспортер на Алуштинском шоссе[2].

Прямым обвинением против руководства партизанским движением в Крыму звучит следующий отрывок из письма М. Селимова, Р. Мустафаева, Ш. Алядина и других бывших партизан и военнослужащих Президиуму ЦК КПСС в 1957 году:

> Мокроусов и Мартынов, чтобы скрыть свою личную беспомощность в борьбе с оккупантами и свалить грехи на местных жителей, неоднократно обращались к командованию с просьбой выслать боевые самолеты для бомбардировки мирных татарских сел и деревень Стиля, Кучук-Озенбаш и других. Одновременно они давали приказы по партизанским отрядам сжечь и стереть с лица земли татарские деревни и уничтожить их ни в чем не повинных жителей[3].

По приказу И. Вергасова, командира партизанского района, партизаны напали на татарское село Меркур, для того чтобы "поднять боевую активность партизан", указывается в том же письме. И далее говорится:

> ... партизаны ворвались в мирную деревню Меркур и открыли огонь в окна и двери крестьян. К подходам от Фоти-Сала и Уркусты был

---

[1] Непокоренный Крым . Издание Политуправления Черноморского флота, 1943, стр. 9.

[2] Музафаров. Указ. соч., стр. 96.

[3] Музафаров. Указ. соч., стр. 112.

поставлен заслон. Более часа партизаны стреляли из автоматов и бросали в окна мирных жителей гранаты... В дер. Коуш группа партизан 4-го района в пьяном виде учинила погром, не разбираясь, кто свои, кто враги... Любого попавшего в лес гражданина расстреливали...[1].

О фактах сожжения татарских деревень партизанами сообщает в своих книгах и сам И. Вергасов, ставший после войны писателем[2].

В августе и в ноябре 1942 г. Крымский обком ВКП (б) после тщательного расследования фактов антикрымско-татарских действий руководства партизанами принял постановление "Об ошибках, допущенных в оценке поведения крымских татар по отношению к партизанам, о мерах ликвидации этих ошибок и усиления политической работы среди татарского населения". Воспроизводим это постановление в выдержках:

Имеющиеся в распоряжении ОК ВКП (б) (т. е. областного комитета – А.Н.) факты свидетельствуют о том, что татарское население многих деревень не только сочувственно относится к партизанам, но активно помогало им. Целый ряд татарских деревень горной и предгорной части Крыма долгое время оказывал помощь партизанам (дер. Кокташ, Чермалык, Бешуй, Айланма, Ай-Серез, Шах-Мурза и другие), а десантные части, прибывшие в январе м-це 1942 г. в Судак, целиком снабжались продовольствием окружающими татарскими селами этого района. Отряд Селезнева 4 месяца стоял в районе дер. Бешуй и снабжался продовольствием. Нельзя не отметить и такой факт, характеризующий отношение местного населения к партизанам. В августе месяце 300 человек партизан 1-го района в виду у населения в течение трех суток ожидали лодку на берегу моря, но никто из местных жителей не выдал их, а наоборот, когда отряд проходил и оставлял за собой следы, то чабан-татарин прогнал по следам партизан отару овец с расчетом замести следы партизан...

Далее в документе приводятся многочисленные факты, свидетельствующие о лояльности основной массы крымско-татарского населения своей родине. Вывод, к которому пришло бюро Крымского обкома ВКП (б), не оставляет сомнений в этом:

Анализ фактов, доклады командиров и комиссаров партизанских отрядов и проверка, проведенная на месте, свидетельствуют о том, что утверждение о якобы враждебном отношении большинства татарского населения Крыма к партизанам и что большинство татар перешло на службу к врагу,является необоснованным и политически вредным.

Бывшее руководство центра партизанского движения (тт. Мокроусов, Мартынов), вместо того чтобы дать правильную политическую

---

[1] Музафаров. Указ. соч., стр. 113.

[2] И. Вергасов. Крымские тетради. М., 1971, стр. 260-264. Эта и другие книги Вергасова, явно направленные против крымских татар, выходили и продолжают выходить в Советском Союзе большими тиражами.

оценку этим фактам, вовремя разоблачить подлую политику немецких оккупантов в отношении татарского населения, ошибочно утверждало, что большинство татар враждебно относится к партизанам, что неправильно и даже вредно ориентировало отдельных руководителей отрядов в этом вопросе...

Осудить как неправильное и политически вредное утверждение о враждебном отношении большинства крымских татар к партизанам и разъяснить, что крымские татары в основной своей массе так же враждебно настроены к немецко-румынским оккупантам, как все трудящиеся Крыма[1].

11 августа 1942 г. на заседании Крымского обкома ВКП(б) Мокроусов сделал письменное заявление, что отказывается от своих утверждений, будто большинство татарского населения предгорной и горной частей Крыма изменило родине[2]. Однако после выселения крымских татар Мартынов добился пересмотра решения Крымского обкома ВКП(б).

Нет сомнения в том, что донесения из Крыма с оценкой поведения татарского населения сыграли роковую роль при решении их судьбы в Москве.

17-18 мая 1944 г. все татарское население Крыма было депортировано. Мужчины заранее были отделены от женщин и детей и затем отправлены в рабочие батальоны. Все крымские татары, находившиеся в Вооруженных силах СССР, были демобилизованы и посланы в строительные части.

Крымские татары были отправлены на спецпоселение в Среднюю Азию и в Казахстан. Часть из них попала на Урал. Вот уже свыше 30-и лет они проживают вдали от Крыма, и все эти годы не прекращается открытая пропаганда против крымско-татарского народа.

* * *

Кто были изменники, сотрудничавшие с гитлеровцами во время второй мировой войны? Казалось бы, что прежде всего важна их социальная и психологическая характеристика, а затем уже национальная принадлежность, да и важна ли она вообще? Но оказывается, что факт той или иной национальной принадлежности необычайно важен именно для тех, кто привык при каждом удобном случае подчеркивать свое интернациональное мировоззрение. Оказывается, настолько важен, что в пору говорить об откровенном шовинизме некоторых литераторов, не устающих на страницах своих книг подчеркивать, что с немцами сотрудничали исключительно крымские татары, чеченцы и пр. Если называют изменника татарского происхождения, то обязательно подчеркивается, что он *татарин* и т. д. [3]. Но когда речь идет о гитлеровских пособниках из числа русских

---

[1] Постановление Крымского обкома ВКП(б) от 18 ноября 1942 г. Музафаров. Указ. соч., стр. 66.

[2] Музафаров. Указ. соч., стр. 67.

[3] Показательна в этом отношении книга А. Первенцева "Честь с молоду", М., 1957. В издании этой книги 1975 года упоминание о крым-

или украинцев, то их называют просто по фамилии, опуская национальную принадлежность.

Представим себе на минуту, что в книгах упоминалась бы национальная принадлежность всех без исключения лиц, сотрудничавших с оккупантами. Вот, к примеру, как выглядел бы текст (факты почерпнуты из книг советских авторов, мною вставлена национальность) :

> До *русского* Грузинова феодосийским бургомистром был *русский* Анджеевский. Ближайшими подручными Грузинова были бывшие *русские* дворяне Пежемский, Колдаев, Миклашевич и *украинец* Скрипка.
>
> Среди полицейских Крыма: *татарин* Усейн Измайлов, *татарин* Черман Сеит Мемет (Алуштинский район), начальник полиции Евпатории *русский* Салмин Федор Иванович, уроженец станицы Вознесенской Лабинского района Краснодарского края. Полицмейстером Севастополя был дезертир *русский* Корчиминов-Некрасов, инициатор и непосредственный руководитель массовых уничтожений советских людей в Севастополе.

Назовем имена бургомистров крупных крымских городов во время немецко-фашистской оккупации: Симферополь – Севастьянов, Севастополь – Супрягин, Керчь – Токарев, Феодосия – Грузинов, Ялта – Мальцев, Карасубазар – Эруджепов.

Видный партизанский деятель И. Генов пишет в своей книге:

> Особенную жестокость проявляют Василий Задависвечка, старший полицейский Браздниц и полицейские Иван Шарко, Семен Жаткевич и некоторые другие[1].

Представим себе, какие раздались бы крики возмущения (справедливые, конечно), если бы постоянно подчеркивалась национальная принадлежность изменников, коллаборантов и пр.

Культивирование недоброжелательства, подозрительности и в конечном счете ненависти к крымским татарам, равно как и к другому любому народу, по нашим писаным законам является преступлением. Однако не было еще случая, чтобы за такое преступление кто-нибудь поплатился.

Крымские татары участвовали в войне против гитлеровской Германии в той же степени, в какой и другие народы СССР. Примерная цифра мобилизации колеблется для времени Отечественной войны около 24 %. Следовательно, такой же процент татарского населения Крыма находился в рядах Красной Армии, имея в виду, конечно, мужчин, призванных в советские вооруженные силы, начиная с осени 1939 г.

Крымские татары принимали активное участие в партизанском движении. Так, согласно списочному составу, составленному командиром

ских татарах было вычеркнуто. Зато в опубликованном в 1975 году в Симферополе на украинском языке романе В. Кучера "Черноморцы" полно ругательств по адресу крымских татар (см. стр. романа 244, 246, 304 и др.).

[1] И. Генов. Дневник партизана. Симферополь, 1963, стр. 250.

8-го партизанского отряда М. Алиевым, проживающим в настоящее время в Кировобаде (Азербайджанская ССР), в его отряде было всего 138 чел., из них: русских – 48, крымских татар – 38, азербайджанцев – 28, украинцев – 13, армян – 5 и др. национальностей по 1.

Из трех действоваших в Крыму партизанских соединений в двух комиссарами были крымские татары; комиссары – крымские татары были также в 2-х бригадах из 7 и в 10 отрядах из 28. Несколькими партизанскими отрядами командовали также крымские татары. Например,Третьим красноармейским партизанским отрядом командовал Абляз Аэдинов, командиром Балашевского партизанского отряда был погибший в бою в январе 1942 г. Гафар Газиев. Главным образом из крымских татар был сформирован Судакский партизанский отряд (командир – Эмархан Юсупов, комиссар – Абляз Османов) [1].

Как поступали гитлеровцы с попавшими в их руки партизанами – крымскими татарами, показывает расправа над партизаном Курсеитовым Сейдели. Его труп был обнаружен партизанами недалеко от Коланбаира. "Весь израненный, в кровоподтеках, он висел на дереве. На груди у него была вырезана красная звезда и висела записка: "Так будет поступлено с каждым партизаном"[2].

Сразу же после выселения татар из Крыма были приняты практические меры, чтобы стереть следы татарской культуры в Крыму, но не только татарской...

20 октября 1944 г. бюро Крымского обкома ВКП (б) приняло постановление, предлагавшее "переименовать населенные пункты, реки и горы, названия которых связаны с татарским, греческим и немецким происхождением..." .

Обоснование очень показательно, ибо оно отражает возросший к концу войны шовинизм нации большинства. 21 августа 1945 г. был издан не подлежащий опубликованию Указ Президиума Верховного Совета РСФСР (№ 619/3) о переименовании сельсоветов Крыма. По Азовскому району было переименовано 10 сельсоветов, по Алуштинскому – 10, по Куйбышевскому – 19, по Ялтинскому – 10 .

Заодно были переименованы и села крымчаков, проживавших в районе Мариуполя с конца XVIII века.

Вот несколько примеров переименования:

Прежнее наименование	*Новое наименование*
Корбеклинский сельсовет	Изобиленский
с. Корбек	с. Изобильное
Куру-Озенский сельсовет	Солнечногорский
с. Куру-Озень	с. Солнечногорское

---

[1] По материалам, сообщенным автору Р.И. Музафаровым.

[2] Е. Степанов. Партизанскими тропами. Улан-Удэ, 1967, стр. 271.

Кучук-Ламбетский сельсовет	Кипарисовский
с. Кучук-Ламбет	с. Кипарисное
Улу-Озеньский сельсовет	Генеральский (!)
с. Улу-Озень	с. Генеральское
Биюк-Озенбашский сельсовет	Счастливый
с. Биюк-Озенбаш	с. Счастливое

"Этот случай с переименованиями, – писал известный русский писатель Константин Паустовский, – свидетельствует об отсутствии элементарной культуры, пренебрежении к народу, к стране"[1].

В столице Крыма – Симферополе дело дошло до того, что улица имени одного из первых председателей ЦИКа Наримана Нариманова была переименована в улицу партизана Петриченко. Улица имени известного деятеля международного революционного движения Мустафы Субхи была переименована в улицу Крылова, а кинотеатр его имени – в кинотеатр "Родина".

В обезлюдевший Крым начали привлекать переселенцев с Украины. Но поначалу дело шло туго. Между тем, приходили в упадок виноградники, фруктовые сады – все, чем славился Крым в течение веков.

Понадобилось много лет и много средств, чтобы поднять хозяйство в Крыму.

---

[1] К. Паустовский. Собр. соч., т. 5, М., 1968, стр. 566.

Глава II. Положение на Северном Кавказе и немецкая оккупационная политика

Летом 1942 г. немецко-фашистская армия возобновила наступление, одной из задач которого было овладение Кавказом и Закавказьем.

В южном направлении немецкое наступление началось 28 июня. Оно носило исключительно ожесточенный характер.

К исходу 15 июля оборона советских войск между Доном и Северным Донцом была прорвана[1]. Наступление немецких армий велось на фронте шириной в 500-600 км.[2]

Советским войскам удалось выйти из-под охватывающего маневра немецко-фашистских армий. 24 июля был оставлен Ростов-на-Дону[3]. Советские войска ушли за р. Дон.

29 июля немцы прорвали фронт на другом участке, в районе Цимлянской. 2 августа на фронте Донской группы советских войск немцы начали наступление на Сальск, на следующий день войска Донской группы были отведены за р. Кубань. 5 августа немецкие части вошли в Ставрополь, 11 августа был оставлен советскими войсками Краснодар. Немцы вышли в район Майкопа, заняли Белореченскую, но к Туапсе им прорваться не удалось. Продвигаясь южнее Ростова, немецкие армии 8 августа вышли в район Моздока, 9-го – Пятигорска, 25-го августа был занят Моздок.

На Туапсинском направлении немецкие войска прорвались 31 августа к Черному морю и захватили Анапу. 10 сентября 1942 г. советские войска вынуждены были оставить Новороссийск. На фронте Северной группы советских войск немцы с 17-го августа по 9-е сентября захватили несколько перевалов на участке от Эльбруса до перевала Клухорский.

21 августа немцы водрузили на вершине Эльбруса свой флаг со свастикой (он развевался там до 17 февраля 1943 г., когда он был сорван советскими солдатами и заменен государственным флагом СССР), 25 октября немцы вошли в Нальчик.

Прорваться к Грозному немцам не удалось. Они не смогли также овладеть всеми перевалами Главного Кавказского хребта. В начале нояб-

---

[1] К. Типпельскирх. История второй мировой войны. М., 1955, стр. 233.

[2] А.А. Гречко. Битва за Кавказ. М., 1971, стр. 52.

[3] Указ. соч., стр. 52; Типпельскирх пишет, что Ростов был взят немцами 23 июля (Типпельскирх. Указ. соч., стр. 236).

ря немцы вынуждены были перейти к обороне[1].

В завоевательных планах Кавказ рассматривался прежде всего как источник снабжения Германии нефтью[2]. Проектируемый "Рейхскомиссариат Кавказ" должен был охватить значительную территорию от Ростова-на-Дону на севере до Черного моря на западе, от Каспийского моря на востоке до границы с Турцией и Ираном – на юге. Рейхскомиссариат делился в свою очередь на семь комиссариатов, а именно: Грузию, Азербайджан, Горный район (Дагестан, Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Чечено-Ингушетия, Черкесия), Краснодар, Ставрополь, Калмыцкая область (включая Астрахань и часть Ростовской области) и Армению.

Немцы установили контакты с кавказской эмиграцией, проживавшей в Европе после окончания гражданской войны в СССР, рассчитывая использовать ее для реализации своих планов.

Из северокавказских эмигрантов прогерманской ориентации придерживалась группа, издававшая в Берлине журнал "Кавказ". Один из редакторов журнала Али-хан Кантемир предложил свои услуги нацистам. Им был подготовлен меморандум, в котором рассматривался "кавказский вопрос", переданный в августе 1941 г. в министерство по делам оккупированных восточных территорий. Соперничающую группу эмигрантов возглавлял Саид Шамиль, внук знаменитого имама. Прежде группа Шамиля ориентировалась на Францию и состояла в эмигрантской организации "Прометей". После нападения Германии на СССР Шамиль пытался заручиться поддержкой гитлеровской Германии для реализации планов "независимости Каказа". В Берлине ставку на Шамиля, учитывая происхождение последнего, нашли весьма соблазнительной[3], но его программа оказалась чересчур независимой. В результате осенью 1942 г. Шамиль прервал переговоры и уехал в Турцию. Группа же Кантемира включилась в активное сотрудничество с гитлеровцами. Помимо Кантемира гитлеровцы привлекли к сотрудничеству и бывшего дагестанского белогвардейского генерала Бичерахова. С благословления и при поддержке "восточного министерства" Кантемир и его приверженцы создали т. н. "Северокавказский национальный комитет". "Комитет" проводил вербовку советских военнопленных родом с Северного Кавказа в военные формирования рейха. Однако на самом Северном Кавказе влияние эмигрантов оказалось ничтожным, так как идеи эмигрантов оказались чуждыми горским народам Кавказа.

---

[1] См. Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945. Краткая история. М., 1970, стр. 177-181; А.А. Гречко. Указ. соч., стр. 74-89, 157-164.

[2] Для экономической эксплуатации Кавказа была создана специальная организация, сокращенно названная "Конти Ол", во главе с уполномоченным рейха Г. Нойбахером, у которого уже был значительный опыт по организации эксплуатации природных богатств Югославии.

[3] Лидерам немецких фашистов весьма импонировала перспектива сотрудничества со "знатными" кавказскими фамилиями, такими, например, как князь Ираклий Багратион, князь Вачнадзе или Саид Шамиль. (Muehlen. Op. cit., S. S. 125-127.)

Свои подлинные планы в отношении Кавказа гитлеровская Германия пыталась камуфлировать при помощи демагогии и пропаганды.

Ранней весной 1942 г., накануне возобновления наступления на советско-германском фронте, в Берлине не раз обсуждалась политика на Кавказе.

В апреле 1942 г. основные положения пропагандистской линии были определены следующим образом:

1. Германская империя рассматривает кавказские народы как дружественные.

2. Германские вооруженные силы берут на себя "защиту кавказских народов" и освобождают их "от большевистского ига".

3. Без немецкой помощи невозможно вести наступление на большевистский, русский и английский империализм, которые так долго угнетали народы Кавказа.

4. Национальные, культурные и хозяйственные силы Кавказа будут свободно развиваться. Их самостоятельное национальное и культурное развитие нуждается в немецкой защите. Старые традиции и обычаи будут уважаться. Кавказские народы будут пользоваться родным языком и иметь собственные школы.

В области религии все кавказские народы и их религиозные вероучения будут пользоваться полной свободой. Открываются церкви и мечети.

5. Будет предоставлено самоуправление под немецкой гарантией.

6. Ликвидируются колхозы.

7. Предпринимательство и торговля получат неограниченную свободу[1].

Лозунги:

8. "Переходите к немцам и поддержите немецкие войска, среди которых уже сражаются ваши братья в одних рядах германских вооруженных сил".

9. "Да здравствуют свободные кавказцы в союзе и под защитой Великой Германской империи Адольфа Гитлера!"

Проект документа вызвал резкие возражения Розенберга. Особенно п. 9, в котором будто бы провозглашалась свобода для кавказцев. Розенбергу удалось, очевидно, убедить Гитлера в ошибочности этого лозунга[2].

Однако в сентябре 1942 г., когда немецкие армии вышли к Кавказу, в Берлине было решено пойти на создание местного марионеточного управления и в целях пропаганды допустить использование таких терминов, как "свобода", "независимость" и "сотрудничество".

---

[1] ADAP... Serie E. Bd. I,№ 127, S. S. 216-217.
Генеральный консул Бройтигам (министерство оккупированных восточных территорий) посланнику Гроскопфу. Берлин, 10 апреля 1942г.

[2] ADAP, Serie E. Bd. II. № 147, S. S. 246-247.
Заметки Вейцзекера для Риббентропа. Берлин, 17 апреля 1942 г.

В отличие от оккупированных территорий Центральной России, на Кавказе не был введен принудительный труд. Так как район Кавказа оставался оперативной зоной, власть осуществляло военное командование. В одном из приказов командующего 1-м танковым корпусом фон Клейста от 15 декабря 1942 г. предписывалось относиться к населению "как к друзьям", не чинить препятствий горцам, если они захотят ликвидировать колхозы (почти на всей остальной оккупированной территории гитлеровцы предпочитали сохранить колхозы как хозяйственные единицы для облегчения выкачки продовольствия и сырья для германских военных и хозяйственных нужд); разрешить вновь открыть храмы всех религиозных вероучений; уважать частную собственность и платить за реквизированные товары; добиться "доверия народа" путем "примерного управления"; разъяснять причины строгих мер, затрагивающих интересы населения; особенно уважать "честь женщин Кавказа"[1].

Издавая этот приказ, Клейст добивался создания спокойного тыла для германской армии на Кавказе. Ее положение по мере установления перевеса советских вооруженных сил над германскими в битве под Сталинградом становилось все более опасным.

Посмотрим теперь на положение в некоторых районах Северного Кавказа, занятых осенью 1942 г. немецкой армией.

Карачаево-Черкесская автономная область

В те дни, когда Красная Армия, стремясь оторваться от противника, быстро отходила от Ростова-на-Дону к Главному Кавказскому хребту, нередки были случаи, когда между отходом частей Красной Армии и приходом немцев проходило несколько дней – дней фактического безвластия. Власть мог взять на себя любой.

Так и случилось в центре Карачаево-Черкесской автономной области Микоян-Шахаре. Сам себя назначил городским головою бывший учитель М. Кочкаров...

Карачаевская автономная область входила в состав Ставропольского края РСФСР. Она была образована 12 января 1922 г.

К России Карачай был присоединен в 1828 г. Карачаевцы не раз выступали с оружием в руках против колонизаторской политики царской России. Постоянное угнетение карачаевцев со стороны царских властей привело в начале 70-х годов прошлого века к сильному движению за переселение в Турцию.

После Октябрьской революции жизнь на Кавказе, в том числе и в Карачае, начала быстро перестраиваться. К моменту создания Карачаевской автономии карачаевцев насчитывалось 57.801 чел.,и они составляли 85 % населения области[2]. Их численность непрестанно возрастала и в 1939 г. составила 70,9 тыс. чел. Однако удельный вес карачаевцев среди населе-

---

1 Dallin. Op. cit., p. 241.

2 Умар Алиев. Карачай (Карачаевская автономная область). Ростов-на-Д., 1927, стр. 33.

ния области значительно поубавился, до 28,8 %[1], в то время как количество русского населения стремительно возросло как в абсолютных цифрах, так и процентном отношении.

В 1926 г. русских в области насчитывалось 2916 человек[2], а в 1939 г. 119,8 тыс. чел.[3] По отношению ко всему остальному населению области русское население за это время увеличилось с 4,5% до 48,3%[4].

В Карачаевской автономной области, занятой в начале августа 1942 г. немецко-фашистской армией, оккупанты пытались применить "особую" политику. Санкционировав самоназначение Кочкарова, они разрешили затем создать т. н. "Карачаевский национальный комитет". Комитет получил от оккупантов обещание на право роспуска колхозов в будущем, под опеку Комитета была передана советская государственная и общественная собственность, а также руководство экономикой и культурой, разумеется, под немецким контролем. Комитет со своей стороны приложил немало усилий, чтобы оправдать доверие немецких властей и найти добровольцев для сформирования кавалерийского эскадрона для боевых действий совместно с немцами[5]. Карачаевский комитет находился под покровительством бывшего германского военного атташе в Москве генерала Кестринга.

Во время оккупации в Карачае и Черкесии развернулось партизанское движение. Согласно данным, приводимым Ч.С. Кулаевым, на этой территории действовало 13 партизанских отрядов, численностью в 1200 чел.[6]

За 5 месяцев оккупации гитлеровцы убили на территории Карачая и Черкесии более 9 тысяч мирных жителей, среди них много детей[7].

В конце января 1943 г. Карачай и Черкесия были освобождены частями 37-й советской армии. Наступили лихорадочные месяцы освобождения и восстановления.

Но неожиданно в ноябре 1943 года карачаевское население поголовно выселяется с родных мест и в эшелонах под конвоем отправляется на спецпоселение в Среднюю Азию и Казахстан. Карачаевская автономная область была ликвидирована.

Дабы сделать упразднение автономии необратимым, Карачаевский, Учку-Ланский районы вместе с центром автономной области г. Карачаев-

---

1 Коркмасова. Указ. соч., стр. 498.

2 Умар Алиев. Указ. соч., стр. 33.

3 Коркмасова. Указ. соч., стр. 498.

4 Там же.

5 Dallin. Op. cit., p. 246.

6 Кулаев. Указ. соч., стр. 125.

7 Ч.С. Кулаев. Партийные организации Карачая и Черкесии в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941-1945). Диссертация. Воронеж, 1968. Рукопись, стр. 156.

ским были переданы Грузинской ССР и вошли в Клухорский район. В декабре 1943 г. были переселены сюда 2115 грузинских переселенцев. На этой же территории сохранилось русское население в количестве 5672 человек[1]. Другая часть Карачаевской автономной области (районы Зеленчукский, Усть-Джегутинский, Прегрободненский, Мало-Карачаевский) остались в составе Ставропольского края[2].

Выселение карачаевцев происходило в то время, когда подавляющая часть мужского населения находилась в рядах Красной Армии.

Чечено-Ингушская АССР

Чечено-Ингушетия прошла несколько этапов развития, пока наконец была преобразована в декабре 1936 г. из автономной области в Автономную республику (АССР). На ее территории в 1939 г. проживало:

чеченцев – 368,1 тыс. чел. или 50,6% от всего населения АССР;
ингушей – 56,5 тыс. чел. или 7,8%;
русских – 258,2 тыс. чел. или 34,8%;
украинцев – 10,1 тыс. чел. или 1,4%;
армян – 8,6 тыс. чел. или 1,2%[3].

Подавляющая часть коренного (чечено-ингушского) населения проживала в сельской местности. Прослойка рабочего класса оставалась к началу 30-х годов и даже позднее (до начала войны) очень тонкой. Согласно официальным данным, на предприятиях столицы Чечено-Ингушетии, в г. Грозном, в 1937 г. работало всего 5535 чеченцев и ингушей[4].

Коллективизация лишь подорвала, но не сломила вековых традиций жизни на Чечне.

В специфических условиях Чечни с ее тейповой системой отношений[5], хуторско-родовым укладом землепользования и даже сохранения среди некоторой части сельского населения разделения по принципу происхождения от узденей (свободные) и от лаи (рабов) политика форсированного проведения сплошной коллективизации вызывала противодействие населения. В свою очередь власти оказывали еще более сильный нажим, и в результате происходило столь резкое обострение противоречий, что для сглаживания их были необходимы, возможно, годы.

---

[1] Там же, стр. 179.

[2] Там же.

[3] Материалы всесоюзной переписи населения 1939 г. по автономным республикам так и не были опубликованы. Эти сведения почерпнуты из работы К.Д. Коркмасовой. (Указ. соч., стр. 497.)

[4] Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, 1917-1970. Том II. Грозный, 1972, стр. 175.

[5] Тейпа означает род.

Согласно недавно опубликованным данным, в 1931-1933 гг. на Чечне было зарегистрировано 69 террористических актов[1], жертвами которых были ответственные партийные и советские работники, активисты, сотрудники НКВД и др. Однако, чем были вызваны эти террористические акты, не говорится. Ведь мы знаем из нашей истории, как стряпались обвинения в терроре. И затем, должны ли мы рассматривать крестьянские выступления как "террористические акты" или как сопротивление людей, которых террористическая политика советского государства довела до отчаяния? Весной 1932 вспыхнуло вооруженное восстание в Ножай-Юртовском округе. О силе и масштебе этого выступления можно судить по следующей официальной оценке его:

> Это было последнее крупное вооруженное выступление классового врага, которому удалось на некоторое время привлечь на свою сторону определенную часть крестьян[2].

И снова возникает вопрос, не раздуто ли выступление крестьян до уровня "вооруженного восстания", чтобы оправдать массовое применение насилия против них?

Существует, так сказать, неофициальная точка зрения на положение в Чечено-Ингушетии во время коллективизации. Она исходит из того, что на Чечне существовал ярко выраженный родовой быт. Частного землевладения Чечения не знала. Только в горах семьи имели кое-какую личную собственность. В плоскостных же районах все было общим – земля, вода и леса. Поэтому понятие "кулак", применительно к конкретным условиям Чечено-Ингушетии, теряет свой смысл.

Что касается вооруженного восстания 1932 г., то сторонники другой точки зрения полагают, что на самом деле восстания как такового не было, что все это дело было нарочито раздуто для оправдания провала неразумной политики, проводимой в Чечении.

Периодически в горы предпринимались военные экспедиции. Предлогом служили единичные убийства или нападения, носившие часто личный, а не политический характер. Зачастую такие походы были просто блефом, имевшим целью продемонстрировать преданность ОГПУ советской власти, укрепить престиж и силу, удовлетворить личные амбиции руководителей. Вот какую историю, в точности которой сомневаться не приходится, мне рассказали.

> Одна из таких экспедиций была предпринята на рубеже 1929/30 гг. в связи со слухом, будто в горах скопилось много кулаков. В состав военной экспедиции входили курсанты Владикавказской пехотной

---

[1] Там же, стр. 155.

[2] Там же, стр. 155.

школы среднего комсостава, кавполк кавказских национальностей, части 28-й городской стрелковой дивизии (только русские части), до двух дивизионов ОГПУ и ряд других частей. Экспедиция была двинута в Осиновское ущелье, где, по данным ОГПУ, скопилось много враждебных элементов. По рассказу комиссара национального кавалерийского полка (в будущем генерал-полковника, Героя Советского Союза) Х.-У.Д. Мамсурова, там оказалось всего 14 "врагов". Вечером на привале Мамсуров услышал, как представитель ОГПУ (тогда существовало полномочное представительство ОГПУ на Кавказе, его возглавлял небезызвестный Евдокимов, "прославившийся" своей жестокостью) диктует донесение в Ростов такого содержания: "Преодолевая ожесточенное сопротивление многочисленных банд, экспедиция достигла...", далее называлась местность. По возвращении Мамсуров направился к лицу, возглавлявшему экспедицию. Им был начальник Владикавказской пехотной школы А.Д. Козицкий. Тот ответил Мамсурову, что нисколько не удивлен, так как всегда в подобных случаях работники ОГПУ прибегают ко лжи в своих целях.

Через некоторое время Мамсуров публично рассказал об этом случае в своем выступлении на очередной партийной конференции Северокавказского военного округа, делегатом которой он был. Во время его рассказа в зале стоял гомерический хохот.

Но спустя непродолжительное время Мамсуров был вызван в Москву, где ему было сделано строгое внушение за дискредитацию органов ГПУ...

Преувеличивались и раздувались сведения о якобы ожесточенной классовой борьбе в горах. Было волнение в ауле Гойты, население которого прославилось в годы гражданской войны тем, что оказало сопротивление белогвардейцам и не пустило их к себе. Методы насильственной коллективизации вызвали возмущение жителей, среди которых насчитывалось около 150 бывших красных партизан. С ними расправились круто, некоторые даже были расстреляны.

К началу 1938 г. на территории Чечено-Ингушетии было создано 490 колхозов, объединивших 69.400 дворов. Они владели тремя четвертями пахотных земель республики (308,8 тыс. га из 401,2 тыс. га). Большая доля пахотной земли приходилась на плоскостные районы – 246,9 тыс. га[1]. В плоскостных районах было создано 15 МТС, имевших 571 трактор и 15 комбайнов. Однако такое решительное вторжение в традиционные формы землепользования, по-видимому, не вызвало большого энтузиаз-

---

[1] Там же, стр. 208.

ма у колхозников: производительность труда оставалась крайне низкой. Согласно официальным данным, в 1938 г. число колхозников в плоскостных районах, не выработавших ни одного трудодня, сотавляло 17,4%; выработавших до 50 трудодней – 46,3%; до 100 – 15,9%; до 200 – 11,1%; до 300 – 5%; до 400 – 2%[1]. На 1 января 1939 г. 53% колхозов не имели животноводческих ферм; 68,2% – не имели молочно-товарных ферм; 75,3% не имели овцетоварных ферм[2].

Хуторская, или подворно-родовая, система сохранилась, несмотря на коллективизацию, почти повсюду. Наряду с избранными правлениями колхозов существовали подпольные правления, которые и вели все дело, а "избранники" служили лишь камуфляжем[3]. Проведенная в 1938 г. паспортизация земельных угодий выявила, – сообщается в официальной истории, – чго в ряде колхозов плоскости "большое количество пахотных земель и сенокосных угодий нигде не учтено. Это давало возможность некоторым элементам, проникшим в руководство отдельных колхозов, нарушать закон о земле, продавать ее, сдавать в аренду, иметь скрытые посевы"[4].

В ряде районов (Анчхой-Мартановский, Ачалукский, Пригородный и др.) были случаи, когда лучшие земли оставались в руках единоличников. Размер таких угодий доходил до 19 га на одно хозяйство, в то время как на одно хозяйство колхозника приходилось 2,5 га[5].Существовали карликовые колхозы, по 20/30 хозяйств, которые на деле оставались тейпами, лишь сменившими вывеску.

В горных же районах, где все земли были отнесены в категории террасовых (т. е. расположенных уступами, по склонам и малопригодные), несмотря на наличие 158 колхозов, объединивших 33 205 хозяйств, или 99,8% от всех хозяйств горных районов, индивидуальное землепользование фактически оставалось основной формой уклада жизни.

Из пригодных для пахоты земель было обобществлено сенокосных угодий лишь 32%. Не было обобществлено 152 413 га пастбищ[6].В январе 1940 г. в Чаланчожском, Итум-Каменском и Чеберлоевском районах в личном пользовании колхозников находилось 67% земель, около 90% лошадей и крупного рогатого скота, около 80% овец и коз[7] . Одна девятая часть дворов колхозников горных районов владела до 30% общего поголовья коров (по 9,3 головы в среднем на одно хозяйство, что было в 2,7 раза больше, чем поголовье коров на всех товарных фермах колхозов горных районов) [8].

---

1 Там же, стр. 209.
2 Там же.
3 В.И. Филькин. Чечено-ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Грозный, 1960, стр. 18.
4 Очерки... Указ. соч., стр. 209.
5 Там же, стр. 209.
6 Там же, стр. 210.
7 В.И. Филькин. Чечено-Ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Указ. соч., стр. 17.
8 Там же.

В.И. Филькин, исследователь вдумчивый и глубокий, приводит в одной из своих работ несколько примеров торговли землей в колхозах. В 1937 г. в селении Плиево Назрановского района председатель правления колхоза им. Буденного Плиев продал колхозникам и единоличникам 200 га земли. В том же районе председатель правления колхоза "12 лет РККА" Евлоев продал колхозникам и единоличникам 200 га пахотной земли и 200 га сенокосных угодий[1].

В "Очерках..." откровенно признается, что "... личное хозяйство оставалось основным хозяйством горцев"[2].

Одно из объяснений состоит в том, что в руководство колхозов, мол, проникли кулацко-мулльские элементы. В свою очередь их проникновение объясняется серьезными ошибками местных советских органов. Что это за "серьезные ошибки"? Оказывается, они заключались в неправильной оценке структуры чечено-ингушского общества, в отрицании существования кулачества среди чечено-ингушского населения и как результат такого взгляда сохранение во многих случаях кулацких хозяйств. Не так давно, в 1973 г., на X пленуме Чечено-Ингушского обкома КПСС резко осуждался "внеклассовый подход в оценке исторических явлений, идеализации прошлого..."[3].

Наиболее часто приводимый пример влияния чечено-ингушского кулачества следующий: во время коллективизации из плоскостных районов в горы на хутора перекочевало большинство кулаков. В 1938 г. в горах было официально учтено 3000 хуторских хозяйств, которые, как пишут авторы "Очерков...", "формально состояли в колхозах, а на самом деле владельцы их, пользуясь бесконтрольностью органов власти, самовольно захватили земли, сенокосы, пастбища в лесах местного и государственного значения, имели скрытые посевы и содержали большое количество скота"[4]. В.И. Филькин добавляет к этому, что на хуторах часто скрывались бандитские группы[5].

Другое объяснение заключается в том, что руководящие кадры многих колхозов и сельских советов "были засорены классово-враждебным элементом..."[6]. Из 23 колхозов Ачхой-Мартановского района в 14 председателями были кулаки, торговцы, их сыновья[7].

В конце 50-х и в начале 60-х годов к числу причин, создавших в Чечено-Ингушетии довольно сложную ситуацию, относили также слабость

---

[1] В.И. Филькин. Партийная организация Чечено-Ингушетии в годы борьбы за упрочение и развитие социалистического общества. Указ. соч., стр. 72.

[2] Очерки... Указ. соч., стр. 210.

[3] "Грозненский рабочий", 3 апреля 1973 г.

[4] "Очерки...". Указ. соч., стр. 210-211.

[5] В.И. Филькин. Партийная организация Чечено-Ингушетии в годы борьбы за упрочение и развитие социалистического общества, стр. 70.

[6] Там же, стр. 71.

[7] Там же, стр. 76.

партийной организации в репрессии конца 30-х годов. Первое объяснение сохраняется в урезанном виде до сих пор, что же касается влияния репрессий, то об этом официальная историография упоминает лишь вскользь.

В парторганизации горных районов из 824 коммунистов 50 были элементарно неграмотны, т. е. не знали даже азбуки, 265 не имели начального образования, 275 имели начальное образование и 153 – неполное среднее[1]. В ряде районов парторганизации состояли главным образом из работников районного партийного и советского аппарата и по числу членов не превышали 25 человек. Так, на 1 февраля 1939 г. партийная организация Чеберлоевского района состояла из 25 человек (11 членов и 14 кандидатов), Галанчожская – из 18 человек, Шатоевская – из 23[2].

По В.И. Филькину получается, что в партийном и государственном аппарате немало было корыстолюбцев и карьеристов, т. е. наименее надежных элементов в сложной и опасной ситуации. В ряде районных отделов НКВД, по утверждению В.И. Филькина, оказались "случайные люди". Другие же сотрудники НКВД, даже "многие", как о том свидетельствует решение Чечено-Ингушского обкома партии, "недооценивали силы антисоветских элементов и вред их подрывной работы против мероприятий советской власти". В решении также указывалось, что неправильная оценка классовой борьбы в деревне вела к применению главным образом "пассивных методов" в борьбе с "бандитизмом, с кулацкими и антисоветскими элементами" [3]. Иначе говоря, обком требовал ужесточения методов борьбы.

Но откуда же в партийную организацию проникли корыстолюбцы и карьеристы? Ответ на этот вопрос не сложен. Основной их поток возник после репрессий 1937-1938 годов, когда старые кадры были большей частью изгнаны и уничтожены. В наше время об этом принято говорить скороговоркой, но нет сомнения в том, что грубое администрирование и репрессии являются одной из главных причин той сложной ситуации, которая возникла в Чечено-Ингушетии к началу войны с гитлеровской Германией.

В 1938 г. в Чечено-Ингушетии были сняты все заведующие районными земельными отделами, 14 из 18 директоров МТС, 19 председателей райисполкомов, 22 секретаря райкомов. В 1939 г. снят 21 председатель райисполкомов, 33 заведующих районными земельными отделами. Большинство из них было репрессировано. Репрессиям подверглись и работники областного масштаба[4].

---

[1] В.И. Филькин. Чечено-Ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Указ. соч., стр. 19.

[2] В.И. Филькин. Партийная организация Чечено-Ингушетии в годы борьбы... , стр. 71.

[3] В.И. Филькин. Чечено-Ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Указ. соч., стр. 19.

[4] В.И. Филькин. Партийная организация Чечено-Ингушетии в годы борьбы за упрочение и развитие социалистического общества, стр. 79-80.

К моменту образования Чечено-Ингушской автономной области (январь 1934 г.) партийная организация насчитывала 11 966 членов и кандидатов партии. После обмена партдокументов было исключено 3500 человек, 1500 убыло в другие области. Осталось в областной партийной организации на 1.IV. 1937 г. 6914 членов и кандидатов ВКП (б). В 1937 и в начале 1938 гг. было исключено 822 человека, из них с ярлыком "врагов народа" и "троцкистов" – 280 чел.[1].

Репрессии продолжались и в 1939 г., и в 1940 г., вплоть до самого начала войны. На этот раз производилась чистка в низшем, а также в среднем звене. С марта 1939 г. по март 1940 г. было заменено 129 председателей и 130 секретарей сельсоветов, 19 председателей и 23 секретаря райисполкомов[2].

26 апреля по отчету о деятельности Чечено-Ингушского обкома ВКП (б) было принято решение ЦК ВКП (б). Деятельность обкома подверглась резкой критике[3].

Если принять во внимание тесные тейповые связи, то легко себе представить отношение коренного населения к репрессиям и к власти, которая эти репрессии проводила.

Здесь, где господствовали свои исконные понятия о чести, взаимопомощи, где еще сохранился обычай кровной мести, протест против репрессий принимал обычные патриархальные формы – кровь порождала кровь. Обиженные или их родственники мстили и уходили в горы. Круговая порука, царившая в чечено-ингушском обществе, довольно надежно прикрывала их. В горах создавались вооруженные группы из самых разношерстных элементов и бороться с ними было не так-то просто.

С другой стороны, проводились мероприятия для урегулирования аграрных отношений, которые тесно переплетались с отношениями межнациональными. В связи с постановлением майского (1939 г.) пленума ЦК ВКП (б) "О мерах охраны общественных земель от разбазаривания" было выявлено 31745 хозяйств колхозников, имевших наделы свыше установленной нормы. У них было изъято 8410 га земли. Было проведено также обобществление скота, сельскохозяйственного инвентаря и сбруи, от чего прежде воздерживались. В то же время были приняты решения и о ликвидации уравниловки при оплате труда. Вводилась система дополнительной оплаты за урожайность растений и за повышение продуктивности скота. Но это постановление было издано Совнаркомом и ЦК ВКП (б) буквально накануне войны и не могло уже оказать значительного влияния на положение в ЧИ АССР.

В 1939-41 гг. обескровленная репрессиями партийная организация ЧИ АССР достигла по численности своего состава уровня 1934 года, т. е.

---

[1] Там же, стр. 114.

[2] В.И. Филькин. Указ. соч., стр. 117.

[3] Там же, стр. 118.

значительно выросла. К началу Отечественной войны членов и кандидатов ВКП (б) насчитывалось 11 тысяч[1].

Рассматривая факторы, определявшие положение Чечено-Ингушетии к началу войны, и моральное состояние ее населения, официальная историография решительно подчеркивает как негативный фактор сильное влияние мусульманской религии. Во время коллективизации в Чечении было 2675 мечетей и молитвенных домов, 140 духовных школ, 850 мулл и 38 шейхов находились на содержании духовной паствы[2]. Огромное количество религиозных сект держало под своим влиянием десятки тысяч людей. Мусульманское духовенство, если верить официальной точке зрения, отчаянно боролось против коллективизации и против создания светских школ, ветеринарных и здравоохранительных пунктов, нагнетало вокруг учителей, врачей, ветеринаров атмосферу вражды, подвергало их остракизму. Многие из их жертв не выдерживали морального террора и предпочитали уехать.

В 1937 г. мулла Берсанов в селении Атаги заставил присягнуть на коране значительную группу колхозников, что они не будут работать в колхозах. В селении Валерик Анчхой-Мартановского района секта "Кунта-Хаджи" через председателя колхоза Хасбека Оздемирова принудила колхозников к присяге на коране, "чтобы они всеми мерами вредили колхозному производству"[3]. Возможно, что-то похожее действительно было. Однако причины, побудившие колхозников пойти за муллой, остаются не раскрытыми. Не следует забывать, что большинство сельских мулл было теми же крестьянами. Лишь по пятницам они отправлялись в мечеть, чтобы читать Коран своим односельчанам. Принадлежность к религии в нашей стране считается предосудительной. Но по иронии судьбы,что ли, во многих зарубежных коммунистических партиях членство в них совмещается с верой в Бога. Заяви завтра лидеры коммунистических партий, скажем, Италии и Франции, что после прихода к власти приверженность к религии будет рассматриваться в чисто отрицательном плане, их партии быстро поубавились бы в численности и в силе.

Давно замечено, что репрессивные меры лишь усиливают влияние религии и тягу к ней.

Даже в свете известных нам скупых фактов положение в Чечено-Ингушетии к началу войны представляется необычайно сложным.

Несомненно, что часть коренного населения, особенно в горных районах, была настроена по отношению к советской власти враждебно. Это, однако, не равнозначно тому, что эти люди были настроены дружественно по отношению к гитлеровской армии. Скорее всего они просто хотели бы сохранить свой уклад жизни. Некоторые, возможно, даже мечтали

---

[1] В.И. Филькин. Партийная организация Чечено-Ингушетии в годы борьбы за упрочение и развитие социалистического общества. Указ. соч., стр. 114.

[2] Очерки... Указ. соч., стр. 145.

[3] В.И. Филькин. Указ. соч., стр. 77.

о возврате к легендарным временам до русского завоевания Кавказа. Впрочем, их представление о тех временах было не только романтическим, но далеко недостоверным и одномерным.

Филькин указывает, что с началом войны "остатки разбитых, но недобитых классово враждебных элементов" "усилили сопротивление, перешли к совершению террористических актов над лучшими представителями советского и колхозного актива, к подрыву колхозного строя"[1]. В вооруженные группы, подчеркивает Филькин, были вовлечены "несознательные элементы"[2], т. е. речь идет об участии в вооруженных группах представителей различных слоев местного населения.

С 1940 г. начала свои нападения вооруженная группа Шерипова. Затем появился отряд Израилова, в прошлом коммуниста. Позднее обе группы объединились. Были и другие вооруженные группы или отряды, "возглавляемые, – как писала газета "Грозненский рабочий", – матерыми антисоветчиками, предателями и дезертирами – Бадаевым, Магомедовым, Байсагуровым, Гачировым, Шеуиповым, Мусостовым, Алхасговым, Магомедовым, Дакиевым и другими"[3]. Одно лишь перечисление фамилий главарей как будто указывает на то, что вооруженная борьба в горах не носила единичного или эпизодического характера[4]. Вооруженные группы не ограничивались лишь налетами на колхозы, государственные учреждения, не довольствовались ограблением тех и других, но терроризировали население, срывали мобилизационные мероприятия властей и пр.

В конце 1941 г. Чечено-Ингушский обком ВКП (б) "поставил перед всеми партийными организациями задачу обуздания кулацко-муллъских элементов"[5] В 80 крупных колхозах были введены штатные должности парторгов обкома ВКП (б), председатели крупных колхозов были включены в номенклатуру обкома, что означало усиление центральной власти и одновременно наделение председателей колхозов более широкими правами и привилегиями. 150 человек были направлены из городов в колхозы для проведения агитационно-массовой работы сроком на три месяца. В ноябре 1941 года по исполнению постановления ЦК ВКП (б) о созда-

---

[1] В.И. Филькин. Чечено-Ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Указ. соч., стр. 15.

[2] Там же.

[3] "Грозненский рабочий", 27 июня 1973 г.

[4] О сложности вооруженной борьбы на Чечне свидетельствует история Шерипова, младшего брата известного героя гражданской войны Асланбека Шерипова. По мнению некоторых людей, Шерипов был заслан в горы органами госбезопасности для разложения банды, а затем "случайно" погиб в перестрелке. В течение многих лет его сестра, Айша Шерипова-Ошаева, безуспешно добивалась проведения расследования по этому делу и реабилитации брата.

[5] В.И. Филькин. Указ. соч., стр. 20.

нии политотделов при МТС и совхозах в сельскую местность было направлено более 100 коммунистов[1]. Однако, несмотря на эти чрезвычайные меры, спустя год вооруженная борьба в горах, если верить официальным сведениям, была еще в полном разгаре.

Так, 22 ноября 1942 г. в селении Гуни Веденского района отряд из 34 человек напал на колхозную ферму "Красный животновод". Бой, в котором принимали участие колхозники, продолжался два часа, были убитые. 23 колхозника – участника боя – были награждены почетными грамотами Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР[2].

Против банд и дезертиров были приняты решительные меры – созданы специальные оперативные отряды госбезопасности, повсеместно мобилизован актив для выявления и ликвидации "бандитских групп и различных других контрреволюционных элементов"[3].

Согласно более позднему сообщению газеты "Грозненский рабочий", советское командование было вынуждено снимать с фронта соединения Красной Армии и бросать их против вооруженных групп. Известно, что соединение – это войсковая единица крупного масштаба, от бригады начиная. Отсюда легко сделать заключение и о масштабах борьбы, завязавшейся в горах.

В августе 1973 г. секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС (позднее председатель Верховного Совета ЧИ АССР) Х.Х. Боков говорил на обсуждении "Очерков истории Чечено-Ингушской АССР": "Для патриотического воспитания трудящихся нашей республики важно показать не только образцы, достойные подражания, но и гневно осудить предателей, дезертиров, врагов народа, стремившихся помешать борьбе советских людей с иноземными захватчиками"[4].

Откликаясь на этот призыв, В.И. Филькин выступил со статьей[5], в которой попытался определить позицию чечено-ингушского общества во время войны 1941- 45 гг. Он категорически утверждает, что социальной базой "политического бандитизма" были кулаки, а также муллы, шейхи и... буржуазные националисты (как будто "буржуазные националисты" образуют какую-то особую социальную прослойку!).

По мнению В.И. Филькина, среднее крестьянство, составлявшее значительный процент населения, поддерживало все мероприятия советской власти и оказывало ей помощь в борьбе с "антисоветскими элементами". Другая часть среднего крестьянства, более зажиточная, будто бы соблюдала нейтралитет, но порой оказывала антисоветским элементам "прямую поддержку". Однако эта схема носит довольно абстрактный характер и очень походит на известную схему "Краткого курса" истории ВКП (б)

---

1 Там же, стр. 23.

2 Там же.

3 Там же, стр. 23.

4 "Грозненский рабочий", 4 августа 1973 г.

5 Там же, 19 мая 1974 г.

о роли "кулака" и "середняка". Остается открытым лишь один вопрос, куда же подевались "бедняки", если на Чечне было столь явно выраженное классовое расслоение? Им места в схеме В.И. Филькина не нашлось.

* * *

Уже осенью 1941 г. неудачи советской армии на юге начали болезненно отзываться на положении на Кавказе. Опасения, что Турция может внезапно ударить с юга, ускорили проведение мобилизационных мероприятий. События под Москвой и в самой Москве 15-16 октября, когда десятки и сотни тысяч людей покинули столицу из опасения, что она может вот-вот быть занята гитлеровцами, еще более усилили напряжение.

22 октября в Грозном был создан Городской комитет обороны во главе с первым секретарем Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) В.И. Ивановым. Тысячи людей вышли на строительство оборонительных рубежей вокруг Грозного. Из военнообязанных была сформирована отдельная саперная бригада. Эти усилия не пропали даром: осенью 1942 г. Грозный не пустил немцев, их наступление затормозилось и выдохлось на подступах к городу. В середине ноября 1941 г. началось формирование 255-го отдельного ингушского кавалерийского полка и резервного дивизиона. Следует иметь в виду, что часть военнообязанных была призвана в Красную Армию еще до начала войны и уже сражалась на различных участках гигантского советско-германского фронта. Формирование новых частей происходило в нервозной обстановке, вызванной вооруженной борьбой в горах. В.И. Филькин, в ту пору один из секретарей обкома партии, пишет, что "отдельными" райвоенкоматами были допущены "серьезные извращения". Призывалось в армию все мужское население, включая абсолютно не пригодных к военной службе стариков и инвалидов. Призванные зачастую сидели на голодном пайке и иногда самовольно покидали казармы, чтобы дома вдоволь насытиться. В результате дезертирство приняло такие широкие масштабы, что вызвало тревогу, и в марте 1942 г. призыв в Красную Армию военнообязанных чеченцев и ингушей был прекращен. Позднее это распоряжение было признано ошибочным и, конечно, приписано козням Берии[1].

В августе 1942 г. было разрешено провести добровольную мобилизацию чеченцев и ингушей в Красную Армию, вторая мобилизация была проведена 25 января – 5 февраля 1943 г., третья – в марте того же года.

В постановлении обкома партии и Совета народных комиссаров Чечено-Ингушетии с удовлетворением отмечались "стойкость, мужество и бесстрашие", которые проявили чеченцы и ингуши, мобилизованные в сентябре 1942 г.[2] В мае 1943 г., подводя итоги второй и третьей мобилизаций, специальная комиссия Закавказского фронта дала вполне благоприятный отзыв о поведении чеченцев и ингушей на фронте, и обком констатировал с удовлетворением, что "призыв добровольцев чеченцев

---

[1] В.И. Филькин. Чечено-Ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Указ. соч., стр. 42.

[2] В.И. Филькин. Указ. соч., стр. 42-43.

и ингушей в Красную Армию сопровождался проявлением подлинного советского патриотизма"[1].

Кроме того, в рядах народного ополчения было обучено военному делу 13.363 чеченца и ингуша, что составляло около 40% всех обученных из числа населения автономной республики[2].

В. Филькин приводит данные, которые он считает неполными, о количестве чеченцев и ингушей, призванных в действующую армию. Он называет цифру более 18.500, не считая призванных до начала войны[3].

Несколько сот чеченцев и ингушей было в гарнизоне легендарной Брестской крепости. Но до сих пор об этом стараются умалчивать...

Немедленно после изгнания немцев с Кавказа начались восстановительные работы и в Чечено-Ингушетии, а вместе с тем и чистка рядов партии, государственного аппарата. Выступая на пленуме Грозненского горкома ВКП (б) 19 февраля 1943 г., секретарь горкома Бердичевский требовал "решительно усилить массово-политическую работу среди женщин, молодежи, комсомольцев и в особенности среди чеченцев и ингушей, активно отбирать в ряды партии лучших, до конца преданных делу партии людей"[4]. Важность этого заявления очевидна, ибо в нем фактически содержится положительная оценка роли чеченцев и ингушей в обороне Кавказа. Эта тенденция легко прослеживается и по страницам "Грозненского рабочего" за 1943 год.

В конце года газета опубликовала как итоговою статью Г. Борисова и М. Грин "Дружба народов – источник силы нашей партии", в которой вновь подтверждается самоотверженная борьба всех без исключения народов Кавказа против гитлеровской армии[5]. Газета напомнила о героях войны и о том, что собрано 14 миллионов рублей на строительство бронепоезда имени героя гражданской войны Асланбека Шерипова[6].

23 февраля 1944 г. День Красной Армии. Мужчины повсюду приглашены на митинги к зданию сельсоветов. Никто не подозревает, что беда рядом. Подъезжают "Студебеккеры", полученные по ленд-лизу от американских союзников для помощи Красной Армии. Появляются солдаты с автоматами. Чеченцев держат под их дулами. Повсюду, в каждом ауле, зачитывается Указ Президиума Верховного Совета о поголовном выселении чеченцев и ингушей за измену, за сотрудничество с врагом. Разрешается взять по 20 кг багажа на семью.

Прощаются с родной землей старики, губы шепчут слова молитвы. Велик Аллах! Плачут женщины, одни дети радуются, что их покатают на машине, а другие недоумевают и жмутся к взрослым...

---

1 Там же.

2 Там же, стр. 46.

3 Там же, стр. 43.

4 "Грозненский рабочий", 21 февраля 1943 года.

5 Там же, 24 декабря 1943 года.

6 Там же, 4 февраля 1944 г.

При выселении происходили страшные трагедии. Об одной из них поведал чеченский писатель .

Председатель одного из сельсоветов восьмидесятилетний Туша помогал при отправке своих односельчан, была вывезена и его семья. Осталась с ним только его сноха с грудным ребенком. Туша сказал офицеру-грузину на ломаном русском языке: "Моя здесь родился, моя здесь помирал. Никуда моя не пойдет!"

Туша широко развел руки и стал у ворот своего дома. Сноха поняла. Она закричала и, прижимая дитя к груди, вцепилась в свекра. Она тащила его к нашей партии и кричала:

– Дада, дада! Пойдем! Они убьют тебя.

Все случилось вмиг. Офицер приказал стоявшему с автоматом в руках русскому солдату:

– Огонь! Всех троих!

Солдат побледнел, затрясся, но твердо сказал:

– Я застрелю мужчину, но в женщину с ребенком я стрелять не буду...

В руках офицера блеснул "тете". Солдат не успел досказать слов, как уже лежал на земле с пробитой головой. В ту же секунду офицер убил Тушу, его сноху и ребенка. Нас заторопили и погнали по тропе к шоссейке. Там нас ожидали машины. Отстающих по дороге расстреливали. Так было...[1].

Знал ли этот безымянный русский солдат, что в тот момент, когда он отказался убить женщину и ребенка, он спасал честь русского народа?! Нет, должно быть, он не знал и не думал о том. Просто он был человеком. И все его существо восстало вдруг в тот момент, когда его хотели превратить в зверя. Он остался лежать там, в горах, рядом со стариком, женщиной и ребенком, как символ человеческого братства, нерасторжимости его уз.

Когда-нибудь на этом месте будет сооружен памятник Человеку.

Спускались с гор ленд-лизовские "Студебеккеры"...

... А потом – Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о переименовании районов:

Анчхой-Мартановского – в Новосельский,
Курчалоевского – в Шурагатский,
Назрановского – в Коста-Хетагуровский,
Ножай-Юртовского – в Андалалский,
Саясановского – в Ритлябский,
Урус-Мартановского – в Красноармейский,
Шилинского – в Междуреченский.

---

[1] Нарушители его воли. Рукопись.

"В горах осталось 2000 ослушников. Они кочевали с места на место. За ними охотились, их убивали, но они не сдавались. Горы скрыли многих из них ".

Соответственно были переименованы и районные центры.

Чечено-Ингушская АССР была упразднена. Вместо нее была создана Грозненская область. Коренное население – чеченцы и ингуши, насчитывавшие перед войной 425 тыс. чел. и составлявшие более 58% всего населения автономии, были насильственно вывезены оттуда. Их участь разделили чеченцы и ингуши из Северной Осетии и Дагестана. Чеченцы и ингуши были депортированы также и из других городов и областей Советского Союза. Только в Москве уцелело при депортации двое чеченцев.

Часть территории республики – Пригородный район, населенный прежде главным образом ингушами, был передан Северо-Осетинской АССР. Одновременно по указанию властей в Грозненскую область были переселены десятки тысяч русских, а также аварцев, даргинцев, осетин, украинцев. Цель была одна – сделать в будущем восстановление Чечено-Ингушской АССР невозможным. Была и более близкая, так сказать, утилитарная задача – не допустить развала экономики Грозненской области, прежде всего сельского хозяйства в связи с обезлюдением ее территории[1].

Кабардино-Балкарская АССР

Кабардино-Балкарская автономная область была создана 1 сентября 1921 г. Спустя 15 лет, 5 декабря 1936 г., КБАО была преобразована в Кабардино-Балкарскую Автономную Советскую Социалистическую республику (КБ АССР).

В 1939 г. на территории республики проживало 349,7 тыс. чел. Из них кабардинцев – 150,3 тыс. чел., или 43% населения, русских – 127,1 тыс. чел. (36,3%), балкарцев – 39 тыс. чел. (11,2%)[2].

Война пришла на территорию республики осенью 1942 г. 29 октября немецкие войска заняли столицу Кабардино-Балкарии г. Нальчик. Пользуясь кратким периодом междувластия, бывший советский служащий Селим Зедов назначил себя городским головой города. Затем под эгидой оккупантов была сформирована местная администрация, активную роль в ней играли эмигранты – князь З. Келеметов, князь Шекманов (Шапошников), некто А. Узденов, который в советской литературе характеризуется как кулак[3]. Кроме них в "правительство" входили князь Давлатгери Тавкешев, Махдев, Хощишев и Призенко[4]. Вместе с окку-

---

[1] С.Н. Джугурьянц. Деятельность Чечено-Ингушской партийной организации по осуществлению ленинской национальной политики на основе решений XX и XXII съездов КПСС (1956-1965). Диссертация. Махачкала, 1966. Рукопись, стр. 84.

[2] 50 лет Кабардино-Балкарской АССР. Статистический сборник. Нальчик, 1971, стр. 12.

[3] Х.И. Хутуев. Указ. соч., стр. 76.

[4] "Социалистическая Кабардино-Балкария", 3 января 1943 г.

пантами на территорию республики вступил т. н. "горский батальон" (командир Т. Оберлендер), сформированный немцами из советских военнопленных, уроженцев Кавказа. Состав его был разношерстным, начиная от открытых врагов советской власти и кончая советскими военнопленными, которые были завербованы, не выдержав убийственного режима лагеря для военнопленных[1].

Оккупация территории Кабардино-Балкарии была сравнительно недолгой, от двух до шести месяцев в различных районах, с 12 августа 1942 г. по 11 января 1943 г. Стремясь обеспечить спокойный тыл для своих войск, немецкое командование разрешило контролируемой ею местной администрации открыть мечети и церкви, рассчитывая привлечь таким путем на свою сторону часть населения. 6 декабря 1942 г. оккупанты издали инструкцию о новом порядке землепользования, согласно которому разрешался роспуск колхозов и совхозов в скотоводческих горных районах (где проживали по преимуществу балкарцы) и разделение колхозной собственности; социалистическая собственность ликвидировалась[2]. Стремясь продемонстрировать взаимность якобы дружественных чувств оккупантов и балкарского населения, 18 декабря 1942 г. было организовано празднование мусульманского религиозного праздника курман-байрама в Нальчике. Бургомистру селения Лечинская была дана местным "правительством" инструкция послать для курман-байрама в Нальчик праздничную национальную одежду, лошадь в полном праздничном убранстве, живность, вино, фрукты, сладости, отобрать красивых танцоров и танцовщиц[3]. Позднее празднование курман-байрама послужило одним из обвинений против балкарцев в измене.

Однако под внешней оболочкой дружественности скрывалась жестокая расчетливость завоевателей, рассматривавших народы Кавказа лишь как орудие своих планов и объект для эксплуатации. Вывоз продовольствия и сырья, экономическая эксплуатация края с чисто немецкой методичностью и с фашистской беспощадностью применялись в широком масштабе[4].

За короткое время оккупации немцы и каратели из числа советских граждан, поступивших к ним на службу, убили 2053 военнопленных и 2188 лиц гражданского населения[5]. Лишь в балкарских селениях было убито 500 человек, из них 150 детей[6]. В одном из балкарских селений из 125 домов было сожжено 52, из 512 жителей расстреляно и зверски замучено 63 человека[7].

---

1 См. И.В. Давыдов. Партийная организация Кабардино-Балкарии в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Нальчик, 1961, стр. 80.

2 "Социалистическая Кабардино-Балкария", 3 января 1943 г.

3 "Социалистическая Кабардино - Балкария", 3 января 1943 г.

4 Dallin. Op. cit. p. 248.

5 "Социалистическая Кабардино - Балкария", 5 января 1944 г.

6 Очерки истории балкарского народа. Нальчик, 1961, стр. 199.

7 См. Х.И. Хутуев. Указ. соч., стр. 76.

Еще в самом начале войны 5 тысяч человек ушло в Красную Армию,и многие из них пали, сражаясь за свое отечество против гитлеровской армии. Из одного только балкарского селения Гунделен Баксанского района погибло на различных фронтах Отечественной войны более 600 человек[1]. Ряд источников отмечает участие балкарцев в партизанском движении, и в частности в Объединенном партизанском отряде республики. Сражались они и в сформированной осенью 1941 г. 115 кавалерийской дивизии[2].

В то же время какая-то часть населения сотрудничала с немцами. Существовали планы отделения Балкарии от Кабарды и воссоединения с Карачаем (по принципу мусульманской и языковой общности) под протекторатом Турции – отголоски пантуранских планов[3]. В Балкарии побывало во время войны несколько турецких эмиссаров.

4 января 1943 г. Нальчик был освобожден полком Красной Армии под командованием майора Охмана. 11 января последние гитлеровские части покинули территорию Кабардино-Балкарии.

14 месяцев население республики самоотверженно трудилось, восстанавливая хозяйство, залечивало раны, нанесенные вражеским нашествием.

4 января 1944 г. была торжественно отпразднована первая годовщина освобождения от оккупации[4]. Никто не подозревал, что беда надвигается.

Однако 8 марта балкарские селения были окружены войсками, балкарцы вывезены, погружены в вагоны для скота и отправлены в Казахстан и Киргизию.

Конечно, об этом ни одного слова не появилось в печати. Спустя два дня после депортации балкарцев республиканская газета опубликовала телеграмму Сталина, в которой вождь слал "братский привет и благодарность Красной Армии" за собранные в республике 15.300 тыс. рублей на строительство танковой колонны "Смерть немецким захватчикам"![5]

Спустя месяц после выселения балкарцев ЦК КПСС принял решение сменить партийное руководство Кабардино-Балкарии[6]. Бывший секретарь обкома З.Д. Кумехов переводится на должность председателя Совета Министров[7].

С 16 апреля 1944 г. республиканская газета, именовавшаяся ранее "Социалистическая Кабардино-Балкария", начала выходить под новым

---

[1] Х.И. Хутуев. Указ. соч., стр. 76.

[2] См. И.Т. Хатукаев. Боевой путь 115 кавалерийской дивизии. Нальчик, 1965.

[3] Х.И. Хутуев. Указ. соч., стр. 73.

[4] "Социалистическая Кабардино-Балкария", 4 января 1944 г.

[5] Там же, 10 марта 1954 г.

[6] Очерки истории Кабардино-Балкарской организации КПСС. Нальчик, 1971, стр. 242.

[7] "Социалистическая Кабардино-Балкария", 11 апреля 1944 г.

названием "Кабардинская правда". Отныне газета именуется органом Кабардинского обкома ВКП (б) [1]. Так жители и узнали, что теперь у них другая автономия – Кабардинская. Еще спустя три дня в газете была опубликована, как полагается, "боевая и актуальная" передовая статья "Быть бдительным – долг каждого гражданина" (в это время эшелоны с балкарским населением уже тронулись в путь). Жителей Кабарды предостерегали, что немцы оставляют в освобожденных районах своих агентов, что не единичны факты, когда в колхозах и на предприятиях пробирались на руководящие должности чуждые элементы. Газета призывала разоблачать авторов ложных слухов, привлекать их к суровой ответственности, усилить разъяснительную (о чем? – газета не говорит) работу[2].

Еще спустя месяц, 20 мая 1944 г. (балкарцы расселены в Средней Азии), газета выступила с передовой "Воспитание национальных кадров". Кабарде нужны национальные кадры! Во всей республике всего 3 врача кабардинца. Среди агрономов нет ни одного кабардинца с высшим образованием, на крупнейшем предприятии Нальчика– мясо-комбинате– работает один-единственный рабочий кабардинец.

Среднюю школу в 1944 г. заканчивают всего 62 кабардинца, в пединституте их 26 человек, а подавляющее большинство детей школьного возраста этой национальности учится лишь до 5-6 классов[3].

Но как же так, куда же подевались национальные кадры? Да были ли они на самом деле? А может быть, национальные кадры были вырезаны под чистую во время репрессий 30-х годов?

Призывам к выращиванию национальных кадров сопутствовала жесткая чистка партийного и государственного аппаратов автономии. В сентябре 1944 г. бывшие руководители республики Кумехов и Ахохов были сняты со всех постов. Их обвинили в том, что "в самый ответственный момент для республики – в период боев с немецко-фашистскими войсками на территории Кабардинской АССР и в период временной оккупации они допустили ряд серьезных политических ошибок. После изгнания немцев, вместо того чтобы по-большевистски возглавить борьбу за успешную ликвидацию последствий немецко-фашистской оккупации, очистить наши ряды от чуждых элементов и лиц, не внушавших доверия, тт. Кумехов и Ахохов стали на непартийный путь скрытия этих людей, а нередко выдвигали их на руководящие посты, в том числе своих родственников, совершивших преступления перед Родиной". Бывшие руководители республики обвинялись также в разбазаривании государственных средств[4].

Нет сомнения в том, что это решение, как и последовавшее в ноябре того же года постановление Оргбюро ЦК ВКП (б) о работе Кабардинско-

---

1 "Кабардинская правда", 16 апреля 1944 г.

2 "Кабардинская правда", 19 апреля 1944 г.

3 Там же, 20 мая 1944 г.

4 "Кабардинская правда", 16 сентября 1944 г.

го обкома партии, в котором содержалось требование усилить работу "по ликвидации последствий лживой фашистской пропаганды, оказавшей влияние на отсталую часть населения"[1], имели одну цель – задним числом оправдать поголовную депортацию балкарцев, а моральную ответственность переложить на бывших руководителей Кабардино–Балкарии.

---

[1] Очерки истории Кабардино-Балкарской организации КПСС. Указ. соч., стр. 242.

Глава III. Что происходило в Калмыцкой АССР

Значительная часть территории нынешней Калмыцкой Автономной Социалистической Республики (Калм. АССР) в давние времена входила в Калмыцкое ханство. После исторических перипетий в конце XVIII века Калмыкия была присоединена к Российской империи. Еще накануне революции 1917 г. большая часть коренного населения калмыцких степей вела кочевой образ жизни. Скотоводство было основным источником существования этого немногочисленного народа. Весьма сложным было положение Калмыкии после Октябрьской революции, так как калмыки оказались в центре белого движения, за которым пошла часть населения, прежде всего из зажиточных слоев. Кульминационным пунктом явилось восстание 1919 года во главе с националистическими элементами. После ликвидации восстания в Калмыкии наступила политическая стабилизация и началось хозяйственное восстановление.

В 1920 г. была образована Калмыцкая автономная область, преобразованная в 1936 г. в Автономную республику. Ломка старых патриархальных отношений с их традиционными отношениями (по родовому признаку) в период коллективизации происходила болезненно. К концу 1929 г. было экспроприировано 315 крупных скотоводческих хозяйств, к лету же 1931 г. экспроприированных насчитывалось около 1200 хозяйств. К 1937 г. коллективными хозяйствами было охвачено 95% всех хозяйств автономии[1]. Во время коллективизации в Калмыкии грубо нарушалась законность и совершались насилия. Они завершились массовыми репрессиями конца 30-х гг., жертвами которых стали также и бывшие руководители Калмыцкой автономии, проводившие в свое время коллективизацию. Попытки сломить в кратчайший срок веками укоренившиеся обычаи оказались не только неудачными, но и опасными. "... Представления, обычаи, привычки прошлого оказывались значительно более живучими, чем условия, их породившие. К тому же в Калмыкии не все подкулачники, зайсанги, гелюнги[2] были выселены за пределы республики. Оставшиеся в степи представители ликвидированных эксплуататорских групп в какой-то мере сохранили свое влияние на отсталую, недостаточно утвердившуюся на позициях новой идеологии часть населения, не избавившуюся от религиозных и улусистских предрассудков", –

---

[1] Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма. М., 1970.

[2] Зайсанги – родовая знать; гелюнги – местное ламаистское духовенство.

пишет известный калмыцкий исследователь М.Л. Кичиков[1]. Его заключение важно для нас, так как помогает понять причины сотрудничества некоторой части калмыков с немецко-фашистской армией.

Накануне войны все население Калмыкии и прилегающих районов составляло, согласно официальным данным переписи населения 1939 г., 220.684 чел. Калмыки составляли 48,6% от этого числа[2], т. е. около 107.250 чел.

Грамотность населения Калмыкии возросла с 2% в дореволюционное время до 91% накануне войны. Значительное количество школ, сеть здравоохранительных и ветеринарных учреждений, просветительные учреждения и пр. указывали на рост культуры калмыцкого общества.

В глазах центральной власти калмыки долгое еще время после восстания 1919 года считались ненадежными.

До 1927 г. калмыки в Красную Армию не призывались. В 1927 г. впервые было призвано 90 калмыков. Спустя 10 лет количество призванных калмыков возросло почти в 20 раз – 1746 (в целом по Калмыкии было призвано 2845 чел. всех национальностей) ; в 1938 г. сохранился примерно тот же уровень – 1728 калмыков из 2963 призванных. В 1939-1940 гг. по республике прошел призыв четырех возрастов – 4200 человек. М.Л. Кичиков, приводящий эти данные, сообщает затем, что общее количество находившихся в Красной Армии к началу войны калмыков превышало 5 тыс. чел.[3]

Война приблизилась к Калмыкии еще осенью 1941 г. в связи с боями за Ростов-на-Дону, переходившим из рук в руки, но затем отбитым Красной Армией.

Враг оказался на территории Калмыкии в начале августа 1942 г.

Часть территории Калмыкии была занята при незначительном сопротивлении со стороны Красной Армии, а некоторые улусы и вовсе не защищались. Это важно иметь в виду для того, чтобы оценить умонастроение населения, внезапно оказавшегося под чужеземной оккупацией.

Советские документы донесли до нас отзвуки этой трагической ситуации:

> 1-5 августа 1942 г. незначительные силы вражеских войск при отсутствии серьезного сопротивления со стороны наших воинских частей заняли Западный и Ямалтинский улусы. 10-12 августа 1942 г. были заняты Приютное и северная часть Малодербетовского и Сарпинского улусов и 12 августа 1942 г. – г. Элиста.
>
> В течение 2-3 недель июля-августа вражеские самолеты безнаказанно совершали налеты на села указанных выше улусов и г. Элисту, об-

---

[1] М.И. Кичиков. Советская Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Ленинград. 1972, стр. 58.

[2] Там же. Приложение № 3. Данные из материалов переписи населения 1939 г., стр. 393.

[3] М. Л. Кичиков. Диссертация, стр. 57, 97.

стреливали и бомбили их, зажигали степь и посевы хлеба. Отдельные разведывательные группы танков противника расстреливали население Западного, Малодербетовского и Сарпинского улусов. Этим самым противник дезорганизовал уборку урожая, вывоз хлеба, шерсти и кожсырья, перегон скота к Волге.

По железной дороге Ворошиловск – Дивное противник продвигался на Элисту безо всякого сопротивления, т. к. в этом районе отсутствовали части нашей армии...[1].

Еще до вступления гитлеровских войск на территорию Калмыкии в ряде улусов стали распространяться враждебные советской власти слухи, оказавшие вероятное влияние на умонастроение населения. Кичиков сообщает, что бывший гелюнг М. Базиров распространял, например, слух, что в 1942 г. победит Гитлер, иначе весь народ погибнет. Другие слухи варьировались вокруг неизбежности победы Германии, лояльного якобы отношения немцев к беспартийным и беспощадного по отношению к коммунистам и комсомольцам[2].

В докладной записке секретаря Приютинского улускома ВКП(б) в обком партии сообщалось, что в результате действий враждебных элементов в августе 1941 г. возник пожар в совхозе № 4 и восемь степных пожаров. Некоего бухгалтера Бабенко, в прошлом сына бывшего помещика, обвиняли в том, что пожары возникли не без его влияния, так как "он открыто выражал свои антисоветские настроения"(!)[3]. Эта формула обвинения очень напоминает средневековые обвинения в колдовстве...

Партийная организация взяла "под наблюдение социально опасные элементы" – бывших кулаков, гелюнгов, белогвардейцев и националистов[4]. Однако о количестве "социально опасных" не сообщается.

После первых отступлений Красной Армии в калмыцких степях появились и первые дезертиры. Они начали объединяться в небольшие банды, занимавшиеся грабежами и насилиями. Позднее появились и более крупные вооруженные отряды, такие, например, как банда Бассанга Огдонова, насчитывавшая от 70 до 90 человек[5].

В 1942 г. в связи с быстрым продвижением немецкой армии в южном направлении количество дезертиров возросло. Появились вооруженные группы в неоккупированных улусах: Юстинском, Приволжском, Черно-

---

[1] Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941-1945. Документы и материалы. Элиста. Док. № 90, стр. 141-143. Из докладной записки СНК Калмыцкой АССР и обкома ВКП(б) в ЦК партии и СНК СССР о военном и хозяйственном положении Калмыкии на 15 августа 1942 г. Астрахань. 16 августа 1942 г.

[2] М.Л. Кичиков. Диссертация. Указ. соч., стр. 92.

[3] Там же, стр. 92.

[4] Там же, стр. 92-93.

[5] Muehlen. Op. cit., S. 188.

земельском, Уланхольском. Согласно официальному сообщению, эти группы нападали на партийных и советских работников. По мере отхода советских частей к Волге количество дезертиров продолжало расти. В том же документе руководства Калмыцкой АССР от 15 августа 1942 г. говорится, что "... в калмыцких степях, в камышах по Маныч и Куме и в Приволжском улусе скрываются дезертиры различных национальностей"[1]. Однако не упоминается, ведут ли они вооруженную борьбу против советской власти или нет. Скорее всего дезертиры в то время просто притаились, выжидали дальнейшего оборота событий, не желали рисковать и были озабочены исключительно сохранением собственной жизни.

Поздней осенью 1942 г. установилось сотрудничество банд с оккупантами. Бандиты останавливали население, уходившее за Волгу и угонявшее скот, и выдавали их немцам[2].

Несомненно, что банды были ободрены слабостью частей Красной Армии, оборонявших Калмыкию. Признаки этой слабости были налицо. 1 августа 1942 г., за пять дней до прихода гитлеровских войск, на станции Дивное были взорваны советскими подрывными командами нефтебаза и склады сырья и продовольствия; большое количество бензина было вылито на землю, вопреки возражениям руководства Калмыцкой АССР.

Правительство и обком Калмыкии пытались обратить внимание военных советов Северо-Кавказского и Сталинградского военных округов, что дорога на Элисту и Астрахань открыта для врага. В военные округа были посланы секретари обкома ВКП (б). Устные и телефонные просьбы дать оружие, вооружить коммунистов, беспартийный актив, местные истребительные отряды наталкивались неизменно на отказ. У военного командования не было резервов оружия[3].

Степная Калмыкия была обречена.

В этих условиях действия руководства республики были сбивчивыми и противоречивыми. С одной стороны, 2 августа было принято решение провести эвакуацию всего скота за Волгу[4]. Эвакуации подлежало население угрожаемых улусов. С другой стороны, первый секретарь обкома П.В. Лаврентьев, как сообщает Кичиков, требовал от секретарей улускомов ВКП (б) в Бешанту, Яшалту, Троицком, Приютном приостановить эвакуацию, чтобы продолжить уборку хлеба, и обвинил руководителей улусов в паникерстве и трусости. "Такие противоречивые указания, – констатирует М.Л. Кичиков, – создавали неразбериху и неорганизованность, а тем временем моторизованные отряды противника и бан-

---

[1] Калмыкия в годы Великой Отечественной войны... Указ. соч. Док. № 94, стр. 151.

[2] Там же, № 140, стр. 226. Из докладной записки Калмыцкого обкома партии в ЦК ВКП (б) об итогах партизанского движения в Калмыкии. 2 апреля 1943 г.

[3] Калмыкия в Великой Отечественной войне... Указ. соч., стр. 143.

[4] М.Л. Кичиков. Диссертация. Указ. соч., стр. 217.

дитские группы... пересекали трассы прогона скота, разгоняли гонщиков и забирали скот"[1].

Западный и Яшалтинский улусы были заняты немцами к 5 августа. К 1 ноября 1942 г. из 13 улусов 5 было оккупировано полностью, 3 частично и в 5 сохранилась советская власть[2].

Немецкая армия захватила 670 тысяч голов скота, 711 тракторов из имевшихся в Калмыкии 963, 410 комбайнов из 445, а также много неходовых машин, так как не было горючего, чтобы их вывезти. Немцам досталось также 4 млн. пудов хлеба, большая часть запасов шерсти и кожсырья[3].

Свое господство в оккупированной части Калмыкии гитлеровцы отметили прежде всего уничтожением немногочисленного еврейского населения. Евреи были собраны в Элисте, вывезены за город и расстреляны, все, включая женщин, детей и стариков[4].

Учитывая незначительное количество немецких подразделений на обширной территории Калмыкии, оккупанты старались вести на территории Калмыкии политику, которая бы обеспечила безопасность для немецких войск и коммуникаций. Ставка делалась на то, чтобы посеять антагонизм между калмыками и русскими, перессорить их между собой, заставить и тех и других видеть друг в друге непримиримых врагов.

При штабе дислоцированной в Калмыкии 16 моторизованной пехотной дивизии состояло несколько лиц, владеющих калмыцким языком: профессор барон фон Рихтгофен, офицер генштаба оберлейтенант Хальтерман и, наконец, свободно владеющий русским языком офицер абвера Отто Долль, вокруг которого современная историография Западной Германии пытается создать образ Лоуренса калмыцких степей, якобы почитаемого местными жителями как "полубога". Отто Долль (настоящее его имя Отмар (Рудольф) Верба или Врба), выходец из Судетской области, бывший кавалерийский офицер, служивший во время гражданской войны в России у Петлюры. Позднее Долль был представителем абвера в германском консульстве в Одессе. В середине августа 1942 г. Долль был отправлен во главе небольшого отряда в Калмыкию для установления контактов с местным населением[5].

Доллю удалось повлиять на некоторую часть населения и склонить ее к сотрудничеству. В отличие от оккупационной политики гитлеровцев на русских и украинских территориях здесь, в Калмыкии, немцы обещали создать "свободное калмыцкое государство"[6]. С этой целью в Эли-

---

1 Там же, стр. 218.

2 Калмыкия в Великой Отечественной войне... Указ. соч., Док. № 94, стр. 149-150.

3 М.Л. Кичиков. Диссертация, стр. 222.

4 Hoffman. Op. cit., S. 104.

5 Muehlen. Op. cit., S. 126.

6 Калмыкия в Великой Отечественной войне... Указ. соч. Док. № 94, стр. 151.

сту был доставлен князь Н. Тундутов в качестве главы предполагаемого марионеточного "правительства". Но в то же время в Элисте предполагалось разместить резиденцию рейхскомиссара "Калмыцкой области". Это не очень-то вязалось с обещаниями "свободного Калмыцкого государства". Городским головой Элисты был назначен Б. Цуглинов, в прошлом белоэмигрант, возвратившийся затем в Калмыкию, бухгалтер автоуправления, а его помощником – некто Труба, работавший до того агрономом в одном из колхозов. Активно помогали оккупантам и эмигранты, группировавшиеся вокруг организации "Калмыцкое знамя", во главе с эмигрантом Ш. Балиновым. В 1942 г. ими был создан т. н. "национальный комитет", являвшийся придатком немецких учреждений, ведавших захваченными советскими территориями. Вопреки утверждениям Гоффмана[1], ни этот "национальный комитет", ни подобные ему другие никакой самостоятельностью не пользовались. Его действия полностью контролировались немецкими властями.

С начала 1943 г. "комитет" начал выпускать журнал "Хальмаг" ("Калмык"). Для населения оккупированных улусов печатались листовки и пр. Было открыто несколько школ, но обучение в них сводилось к минимуму. Опасаясь инфекционных заболеваний, гитлеровцы приняли ряд профилактических мер, отправив в Элисту группу медработников[2].

Гитлеровцы повели в Калмыкии хорошо продуманную политику. Ставка была сделана на оживление кочевых инстинктов. Так, они декларировали право калмыков разводить столько скота, сколько они сумеют, и пользоваться пастбищами, какими и где угодно. Был брошен весьма доходчивый и соблазнительный лозунг: "Мы за то, чтобы у каждого было по 100 овец и по 20 голов крупного рогатого скота"[3]. Одновременно было объявлено о роспуске коллективных хозяйств. Калмыков фактически призывали к захвату бывшей колхозной собственности. Гитлеровцы прибегли и к прямому подкупу населения, делая подарки "бедным"[4].

Однако режим, установленный немцами на оккупированной территории Калмыкии, мало чем отличался от режима в других занятых немецкой армией советских областях и районах. Передвижение между населенными пунктами было ограничено системой специальных пропусков, штрафов и наказаний, включая телесные[5]. Действовала широко разветвленная система доносительства[6]. В каждом населенном пункте был не только "избранный" бургомистр, но и назначенный оккупационной властью начальник полиции, имевший под рукой вооруженный отряд полицаев в количестве 15 человек[7].

---

1 Hoffman, Op. cit. S. 76.

2 Ibid. S. 27-28; Muehlen. Op. cit., S. 122.

3 М.Л. Кичиков. Диссертация. Указ. соч., стр. 234.

4 Hoffman, Op. cit., S. 122.

5 М.Л. Кичиков. Диссертация. Указ. соч., стр. 233.

6 Hoffman, Op. cit., S. 180.

7 Ibid., S. 179.

Гитлеровцам удалось склонить часть населения к сотрудничеству[1]. Об этом говорится, например, в докладной записке представителей Центрального штаба партизанского движения, ознакомившихся с обстановкой на месте[2]. Факты сотрудничества отмечаются и в докладной записке Калмыцкого обкома ВКП (б) в ЦК ВКП (б) от 2 апреля 1943 г. В документах констатировался рост бандитских групп и усиление их активности: "Группы бандитов возвращали колхозный и совхозный скот и население, направлявшиеся за Волгу, и выдавали их немцам"[3]. В документах отмечалось также, что часть завербованных была принуждена согласиться на участие в бандах под угрозой смерти или путем шантажа. Но отмечалось также и "одурачивание" отсталой части коренного населения[4], т. е. фактически признавалась действенность вражеской пропаганды.

Какая часть населения Калмыкии была вовлечена в сотрудничество с оккупантами? Вопрос этот не простой. Председатель Совета Министров КАССР Гаряев утверждал, что с немцами сотрудничал 1% населения, т. е. 2200 чел., если речь идет обо всем населении, и чуть больше 1 тыс. чел., если речь идет о калмыках. Цифра эта весьма сомнительна, явно преуменьшена. Кичиков осторожно замечает по поводу 1%, что это – по "подсчетам Гаряева", а не его, Кичикова[5]. Сам исследователь в своих работах приводит противоречивые данные.

С другой стороны, в последние годы в западногерманской историографии появилась явная тенденция к преувеличению фактов сотрудничества с гитлеровцами нерусских народов СССР, и в частности калмыков. Некоторые западногерманские историки пытаются представить оккупационную политику немцев в Калмыкии чуть ли не как благо, а само сотрудничество – в виде некоей идиллии. Характерно, однако, что в этих работах заодно предпринимается попытка поставить под сомнение преступления гитлеровской армии, совершенные на территории оккупированной части СССР. В лучшем случае признаются преступления, совершенные против еврейского населения СССР. Характерной в этом плане является уже упоминавшаяся выше книга Иоахима Гоффмана.

Гоффман утверждает, что дружественные чувства к немцам проявляло будто бы большинство калмыцкого населения, о чем свидетельствуют

---

[1] В докладной записке Калмыцкого обкома ВКП (б) в ЦК ВКП (б) от 12 января 1943 г. указывается: "Чрезвычайно своеобразной была демагогическая политика фашистов в городе и районах..." См. М.Л. Кичиков. О некоторых вопросах истории Калмыкии в годы Великой Отечественной войны. Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Ученые записки. Выпуск 6. Серия историческая. Элиста, 1968, стр. 174.

[2] Там же, стр. 174-175.

[3] Калмыкия в Великой Отечественной войне... Указ. соч., Док. № 94, стр. 150.

[4] Указ. соч., Док. № 140, стр. 226.

[5] М.Л. Кичиков. Во имя победы над фашизмом. Очерки истории Калмыцкой АССР в годы Великой Отечественной войны. Элиста, 1970, стр. 121.

немецкие военные документы того времени[1]. Однако другой немецкий исследователь Патрик фон Мюлен считает утверждения, будто половина калмыцкого населения сотрудничала с оккупантами, неправдоподобными[2].

Попытки представить калмыков как настроенных в своем большинстве дружественно по оношению к немцам (эта версия была пущена в оборот Доллем и Хальтерманом) опровергаются фактами. Прежде всего при подходе немцев около 25% населения республики ушло в неоккупированные улусы и за Волгу[3]. Затем многие из тех, кого немцы пытались завербовать в контролируемые ими калмыцкие военные формирования, бежали в неоккупированные улусы.

Одной из причин бегства населения в неоккупированные улусы были многократные случаи ограбления местного населения военнослужащими румынских частей и вермахта. Гоффман, который стремился изобразить немцев "благонравными" оккупантами, приводит документы, которые открывают возможность свалить все случаи грабежей на немецких союзников – румын. Однако из этих же документов вытекает, что и немецким военнослужащим отнюдь не был чужд дух грабежа и насилия. В частности, в приказе командующего немецким 52 армейским корпусом генералом пехоты Отта от 20 августа 1942 г. признаются факты грабежа со стороны солдат его корпуса[4]. В ряде немецких приказов говорится о грабежах населения со стороны солдат 6 и 7 румынских армейских корпусов. В связи с этим было созвано специальное совещание, поскольку насилия, чинимые солдатами, вызывали возмущение калмыцкого населения[5]. Германское командование прекрасно отдавало себе отчет, что неузаконенное ограбление и насилие ведут к разложению армии и сеют ненависть к оккупантам среди местного населения.

Как и повсюду, с недовольными расправлялись жестоко. На территории Калмыкии гитлеровцами было расстреляно около 2 тыс. мирных жителей и военнопленных[6].

Конечно, правильное представление о масштабах и формах сотрудничества с немцами могли бы дать сведения о социальном лице калмыцких коллаборантов. Но такие данные фактически отсутствуют как в работах советских авторов, большинство из которых калмыцкие историки, так и в работах западных зарубежных исследователей. В работах калмыцких историков говорится, согласно установившемуся трафарету, что с немцами сотрудничали бывшие кулаки, белогвардейцы, часть ламаистского духовенства. Гоффман говорит, например, о том, что большая помощь

---

1 Hoffman Op. cit., S. S. 23, 28, 29.

2 Muehlen. Op. cit., S. 188-189.

3 Калмыкия в Великой Отечественной войне... Указ. соч., Док. № 94, стр. 150.

4 Hoffman Op, cit., S. 62.

5 Ibid. S. 65.

6 М.Л. Кичиков. Указ. соч., стр. 233.

была оказана Доллю со стороны части ламаистского духовенства, которая выступала как бы посредником между оккупационной властью и населением. Существовал план отправки в Тибет к далай-ламе делегации для получения его одобрения сотрудничества с немцами.

Крайне скудны сведения о социальном лице даже ближайших сотрудников Долля по "Калмыцкому кавалерийскому корпусу", сформированному осенью 1942 г. Полностью отсутствуют данные о социальном происхождении среднего офицерского, унтер-офицерского и рядового состава корпуса. Кое-что известно лишь о профессиях лиц из ближайшего окружения Долля. Главным образом это были педогоги – одна из наиболее распространенных специальностей среди интеллигенции малых народов СССР. Большинство из них служило ранее в рядах Красной Армии и затем дезертировало. Среди старшего командного состава лишь один, командир эскадрона Бассанг Огдонов, явно крестьянского происхождения[1].

Формирование гитлеровцами калмыцких кавалерийских эскадронов началось в сентябре 1942 г. По сообщению Калмыцкого обкома ВКП (б) от 18 ноября 1942 г., за два месяца было завербовано 200-250 человек. В том же документе дается и стандартная социальная характеристика завербованным, проверить правильность которой невозможно, – бывшие гелюнги, зайсанги, кулаки и подкулачники, буржуазные националисты, дезертиры и уголовники[2].

В том же документе говорится, что фашисты пытаются опереться на бывших кулаков, попов, белоэмигрантов и дворян[3].

В другом, более позднем, документе Калмыцкого обкома партии[4] указывается, что "в ходе оккупации численность бандитских групп увеличилась и усилилась аактивность их действий".

М.Л. Кичиков в своих опубликованных работах не приводит больше никаких данных о численности "бандитских групп" и ККК. Однако в рукописи диссертации он ссылается на докладную записку Калмыцкого обкома партии в ЦК ВКП (б) от декабря 1942 г., в которой говорилось следующее: "Большинство бандитских групп фашисты свели в так называемый "калмыцкий добровольческий легион" (10 кавалерийских эскадронов – всего 1500 человек)[5]. В документе упоминаются также и разведывательные группы. Исследователь приводит данные, почерпнутые им,

---

[1] Hoffman. Op. cit., S. S. 130-134.

[2] Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Ученые записки. Выпуск 6. Серия историческая. Элиста, 1968 г.; М.Л. Кичиков. О некоторых вопросах истории Калмыкии в годы Великой Отечественной войны, стр. 173.

[3] Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941-1945... Указ. соч., Док. № 94. Из докладной записки Калмыцкого обкома ВКП (б) в ЦК партии о военно-политическом состоянии Калмыцкой АССР. г. Астрахань. 18 ноября 1942 г., стр. 151.

[4] М.Л. Кичиков. Диссертация, стр. 241.

[5] Там же.

как он пишет, из немецкого трофейного документа, согласно которому к лету 1943 г. "Калмыцкий кавалерийский корпус" состоял из 4 кавалерийских дивизионов, каждый из них в свою очередь имел 5 эскадронов, а также другие подразделения[1]. М.Л. Кичиков не указывает общего количественного состава. Это делает Гоффман, который приводит в своей книге ряд документов, одним из них является, очевидно, и использованный Кичиковым. Согласно этим документам, первоначальная численность ККК – 2200 солдат. После ухода из Калмыкии корпус насчитывал 3000 человек. Кроме того, в корпусе было 92 чел. немецкого военного персонала[2]. В июле 1944 г. корпус насчитывал 2917 рядовых, 374 унтерофицера и 147 офицеров, калмыков по национальности. Гоффман полагает, что к концу войны в корпусе было не менее 5 тыс. человек[3]. Однако следует иметь в виду, что после ухода из Калмыкии в корпус влились разнородные враждебные советской власти элементы и они не обязательно были калмыками.

В январе 1943 г. ККК прикрывал отступление с Кавказа части фашистской армии. Затем – охрана и переправа через Днепр и участие в карательных операциях против партизан. На Украине ККК зверствовал, особенно "отличился" Огдонов. Позднее он руководил немецкой диверсионной группой в тылу советских войск и был убит при ликвидации этой группы. Свой бесславный путь ККК завершил в Люблине: там грабил, убивал, насильничал в таких масштабах, что немецкое военное командование решило расформировать ККК и поставило во главе полковника немца (Долль к тому времени умер). После разгрома ККК в середине января 1945 г. советскими войсками и польскими партизанами в районе Радом-Кельце остатки его эвакуировались в Баварию[4].

Вместе с ККК на запад двигались и семьи личного состава, а также часть насильственно угнанного населения (только из Элисты и Сарпинского улуса было угнано 4 тыс. чел.)[5]. Перед отступлением из Калмыкии гитлеровцы и коллаборанты распространяли слухи о жестокой расправе, которая ожидает всех калмыков со стороны Красной Армии. Некоторая часть населения в страхе и смятении оставила свои дома и подалась на запад. Подавляющее большинство из них возвратилось позднее на свою родину, в Калмыкию. Незначительная кучка эмигрантов, многие из которых обвинялись советскими войсками в различного рода преступлениях, создали в Мюнхене т. н. "Калмыцкий комитет по борьбе с большевизмом"[6].

---

1 Hoffman. Op. cit. S.,136; 187-188.

2 Ibid., S. S. 188. Заметки о беседе с Доллем генерал-лейтенанта Шартова, полковника Хана и др. 20. 6. 43 в Днепропетровске относительно Калмыцкого соединения д-ра Долля. 21. 7. 1943.

3 Ibid., S. 136.

4 Hoffman. Op cit.,S. S. 118, 121, 148, 153.

5 Калмыкия в Великой Отечественной войне..., стр. 227.

6 Hoffman. Op. cit.,S. 168.

Сразу же после освобождения началось восстановление экономики Калмыцкой АССР и залечивание ран, нанесенных войной. Все материалы свидетельствуют об исключительно дружной и интенсивной работе на протяжении всего 1943 г.

Началась и чистка партийного и государственного аппарата, охватившая без исключения все слои населения, все звенья; выявлялись изменники, лица, сотрудничавшие с оккупационными властями; проводилась замена старых кадров, в улусы были посланы доверенные лица, чтобы разъяснить "отсталой части населения" действительное положение и получить от него помощь в ликвидации еще действовавших на территории автономии банд. Для их разложения были посланы в банды родственники бандитов.

Чистка коснулась всех. 26-27 февраля 1943 г. пленум обкома партии освободил от обязанностей первого секретаря П.В. Лаврентьева. В решении указывалось, что Лаврентьев не обеспечил партийного руководства как в период эвакуации населения, скота и имущества, так и в период оккупации части территории. Ему также вменялись в вину недостатки и просчеты в организации подпольной работы и партизанского движения[1].

В решении пленума далее говорилось, что "многие руководители улускомов, горкома ВКП (б), первичных организаций, не имея достаточной теоретической подготовки, проявляя политическую близорукость и беспечность, в самый ответственный момент военной и политической борьбы запустили массовую политическую работу, особенно среди коренного населения и женщин. Это привело к тому, что вражеская агентура, враги советской власти пытались повлиять на незначительную часть крестьянства, возродить былую национальную рознь, возбудить шатания и неуверенность среди политически отсталой части населения"[2].

В партийной организации Калмыкии была проведена индивидуальная проверка поведения во время оккупации каждого члена и кандидата ВКП (б). На июньском (1943 г.) пленуме ВКП (б) были доложены результаты проверки. Они были ошеломляющими.

В 1939 г. калмыцкая парторганизация насчитывала 5574 коммуниста и 1981 кандидата в члены ВКП (б). По социальному составу они представляли 1433 рабочих, 2255 крестьян и 2085 служащих. Калмыков среди них было 60,5%[3], т. е. около 4500 чел.

Оказалось, что 78 коммунистов были расстреляны гитлеровцами, 125 коммунистов ушли вместе с оккупантами (!), 478 остались в улусах после освобождения, остальные переменили место жительства (большинство находилось в действующей Красной Армии).

До 5 мая 1943 г. было рассмотрено 430 персональных дел и исключено из партии 181 ее членов[4], как не оправдавших доверия. Формулировка

---

[1] М.Л. Кичиков. Диссертация. Указ соч., стр. 312.

[2] М.Л. Кичиков. О некоторых вопросах истории Калмыкии... Указ. соч., стр. 177.

[3] М.Л. Кичиков. Диссертация. Указ. соч., стр. 66.

[4] Там же, стр. 319-320.

эта несколько туманная, под ней может подразумеваться все что угодно. Однако к этим цифрам имеется очень существенное примечание калмыцкого историка: "Среди исключенных из партии оказались лица, не избавившиеся от мелкобуржуазных взглядов, поддавшихся пропагандистской демагогии национал-социалистов"[1].

Выходит, что гитлеровская пропаганда оказалась в Калмыкии довольно действенной...

Это подтверждается и фактом продолжающейся вооруженной борьбы в ряде улусов, особенно опасной в Кетчмеровском, Черноземельском, Троицком и Юстинском. Пленум Калмыцкого обкома ВКП(б) (12-15 июня 1943 г.) признал, что, увлекшись восстановлением хозяйства, партийные организации устранились от борьбы с бандами, ошибочно полагая, что это дело лишь НКВД. Со своей стороны на пленуме резко критиковались и органы НКВД за недостаточно эффективные действия. Борьбу с бандитизмом пленум призвал сочетать с усилением политико-воспитательной работы среди населения, подчеркнув, что она должна проводиться дифференцированно с учетом "этнических, социальных, возрастных и других особенностей"[2]. В результате целого комплекса оперативных и идеологических мероприятий вооруженные группы были осенью 1943 г. в основном ликвидированы[3].

Но трагическая развязка неотвратимо приближалась. Еще осенью 1942 года, вскоре после занятия немецкими войсками ряда улусов, поползли слухи о массовом бандитизме на территории Калмыкии и о якобы массовом активном сотрудничестве калмыцкого населения с оккупантами. Реакция руководства Калмыцкой республики была быстрой: "Необходимо сообщить Центральному комитету ВКП(б), что вопрос о бандитизме в Калмыкии сильно раздувается вражескими шпионами", – сообщалось в Москву. Приводился пример со слухом, будто 2 тыс. чел. из личного состава 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии ушли в банды. На самом же деле дивизия в это время в полном составе сражалась на фронте[4]. Конечно, выражение "вражеские шпионы" вполне было в духе времени, но вряд ли соответствовало действительности. Эти слухи, назовем их информацией, поступали в Москву через разнообразные каналы: партийные, государственные, военные, госбезопасности. Ответственность была позднее возложена на Берию. Неясной остается роль командования военных округов и фронтов.

Вряд ли, однако, расформирование 27 января 1943 г. 110-й дивизии могло произойти без непосредственного участия военного командования. Ведь одновременно были ликвидированы и другие национальные и региональные военные формирования кавказских народов. Хотя официальной

---

1 Там же, стр. 320.

2 М.Л. Кичиков. Указ. соч., стр. 190.

3 Очерки истории Калмыцкой АССР..., стр. 306.

4 Калмыкия в годы Великой Отечественной войны... Указ. соч., Док. № 94, стр. 152.

причиной было выдвинуто резкое сокращение основного национального состава дивизии, легко представить себе беспокойство, охватившее калмыцких руководителей.

Отражением этого беспокойства явилась упоминавшаяся выше суровая чистка партийных рядов и государственного аппарата сразу же после ухода оккупантов, резкая критика и самокритика на пленумах обкома в январе, феврале, апреле, июне 1943 г. Завершение операции по ликвидации бандитизма на территории Калмыкии не предотвратило рокового развития событий.

Летом 1943 г. некалмыцкая часть руководства КАССР начала проявлять недоверие к калмыкам вообще. Кичиков витиевато характеризует это как "одностороннее нездоровое отношение к недостаткам и трудностям и к проявлению политической и культурной отсталости среди калмыцкого населения"[1].

В августе 1943 г. секретарь Калмыцкого обкома партии по кадрам П.Ф. Касаткин направил в ЦК ВКП(б) докладную записку, в которой, судя по изложению ее в диссертации Кичикова, связывал в один узел выступления части калмыцкого населения во время гражданской войны на стороне белых и сотрудничество части населения Калмыкии с гитлеровцами. При этом, по словам Кичикова, он не проводил никакой классовой дифференциации между белой контрреволюцией и трудящимися Калмыкии, выступившими с оружием в руках против внутренней и внешней контрреволюции во время гражданской войны. Касаткин не делал различия между сотрудничеством с гитлеровцами "антисоветских, кулацких, националистических и уголовных элементов" в отношении основной массы калмыцкого населения, оставшегося верной советской власти[2].

В изложении Кичикова П.Ф. Касаткин интерпретировал пережитки, связанные с особенностями быта и исторического развития калмыцкого общества,как проявление "буржуазного национализма"[3]. Докладная записка Касаткина была положена в основу обвинения, выдвинутого вскоре правительством СССР и ЦК ВКП(б) против калмыцкого народа в целом.

Калмыцкий историк обвиняет бывшего секретаря обкома в том, что он ставил вопрос о политической неблагонадежности калмыков и о политической и деловой неполноценности большинства руководителей калмыцкой национальности. Кичиков обвиняет Касаткина также и в искажении фактов. Касаткин в своей докладной записке умолчал, например, о том, что планы некоей фашистской диверсионной организации были сорваны при помощи калмыцкого населения[4].

---

[1] М.Л. Кичиков. Диссертация. Указ. соч., стр. 324. Архивные данные этого документа – ОПА КАССР, ф. 1. оп. 3. д. 456. лл. 166-194. Кичиков крайне лаконично излагает этот 28-страничный документ.

[2] Там же, стр, 324-325.

[3] Там же, стр. 325.

[4] М.Л. Кичиков. Указ. соч., стр. 326. Не совсем понятны претензии Кичикова в связи с данным фактом. Если докладная была написана Касаткиным в августе 1943 г., то вряд ли его можно упрекнуть, что он замалчивает факты... октября 1943 г.! Другое обстоятельство привлекает

Слухи о том, что в Москве принято или предполагается принятие решения об общегосударственной репрессии против калмыков в целом, достигли Элисты. 25 декабря Калмыцкий обком ВКП (б) обратился с письмом в ЦК ВКП (б), в котором сообщал о мерах, принятых для борьбы с бандитизмом и о фактической ликвидации последнего[1]. Однако неизвестно, попал ли этот документ в ЦК до выселения калмыков, поскольку он датирован всего двумя днями ранее.

27 декабря партийным и советским работникам калмыкам было сообщено в устной форме о переселении калмыцкого народа безо всяких изъятий и исключений. Причем, согласно утверждению Кичикова, мотивы упразднения "Калмыцкой АССР соответствовали основному содержанию негативной части" докладной записки Касаткина[2].

В течение четырех дней, с 27 по 30 декабря, войска МВД провели насильственное выселение всего калмыцкого народа. Потянулись эшелоны в Сибирь и Среднюю Азию...

Однако дело не ограничилось лишь территорией Калмыкии. На всех фронтах солдат и офицеров калмыков стали вызывать из частей на сборные пункты, а затем направлять в трудовые батальоны. Исключение, однако, было сделано для генерального инспектора кавалерии Красной Армии, героя гражданской войны, генерал-полковника О.И. Городовикова, и для его племянника – командира 184-й стрелковой Духовищинской дивизии генерал-майора Б.Б. Городовникова[3].

Заканчивая этот раздел, необходимо сказать о вкладе калмыцкого народа в войну против гитлеровской Германии.

О том, что большинство калмыков осталось не только лояльными советской власти, но и с оружием в руках защищало ее, свидетельствуют следующие факты.

К 30 июня 1941 г. в военкоматы Калмыкии поступило до 2000 заявлений добровольцев. Было сформировано ополчение, в котором на 30 июля 1941 г. числилось 8664 чел. (из них 3458 коммунистов и комсомольцев)[4].

В сентябре 1941 г. был сформирован 189 калмыцкий кавалерийский полк (1200 сабель) 70-й кавалерийской дивизии[5]. За первые 8 месяцев войны в армию было отправлено 20.032 чел. К началу 1943 г. в армии насчитывалось 23 тысячи солдат из Калмыцкой АССР[6].

С июля 1942 г. по январь 1943 г. в боевых операциях принимала участие 110-я Отдельная калмыцкая кавалерийская дивизия, сражавшаяся

внимание: сообщение о существовании на территории Калмыкии некоей диверсионной организации, оставленной гитлеровцами.

[1] Там же, стр. 326 (ОПА КАССР, ф. 1. оп. 3. д. 456. л. 274).

[2] Там же, стр. 333.

[3] Там же, стр. 334.

[4] М.Л. Кичиков. Диссертация, стр. 74.

[5] Там же, стр. 90.

[6] Там же, стр. 152.

на Дону и на Северном Кавказе. Многие воины калмыки воевали на различных фронтах советско-германского фронта. Калмыки были также участниками подпольных групп и партизанских отрядов как на территории самой автономии, так и за ее пределами.

Калмыки считались в Красной Армии хорошими солдатами, и когда в начале 1944 г. последовал приказ о снятии с фронтов военнослужащих калмыцкой национальности, то находились командиры, которые быстро меняли национальность своим солдатам и офицерам и таким образом оставляли их в своей части. (Кичиков пытается интерпретировать это как проявление дружбы народов и интернационализма, якобы благодаря которым "значительная часть офицеров и некоторая часть младших командиров калмыков" осталась в действующей армии.) Объяснение, конечно, более простое – нежелание расстаться с хорошими солдатами их командиров, в иных случаях личная дружба людей.

Калмыцкий историк называет цифру около 4 тыс. калмыков, находившихся в Красной Армии к концу войны[1], но не указывает источника этой цифры.

Были случаи, когда солдаты-калмыки, отправленные в строительные батальоны, бежали на фронт и там вновь становились в ряды армии[2].

Несколько сот калмыков были награждены за доблесть орденами и медалями СССР, некоторые стали Героями Советского Союза[3].

Если даже принять как достоверную цифру, приводимую во многих работах западных исследователей, 5 тысяч калмыков, служивших в военных формированиях гитлеровской армии, то окажется, что подавляющее большинство калмыков, проживавших на территории СССР – их насчитывалось в 1939 г. 134 тысячи[4], – остались верными советской власти.

После второй мировой войны неоднократно предпринимались попытки идеализировать политику фашистских оккупантов на Кавказе и в Калмыкии. На самом же деле сущность германской оккупационной политики оставалась неизменной повсюду, где устанавливалась оккупационная власть гитлеровцев. Коротко ее можно было бы охарактеризовать так: массовые зверства, насилия, угнетение и порабощение местного населения, организованное ограбление национального богатства.

Александр Даллин, историк высокого профессионального класса, писал в своем исследовании:

> Несмотря на специальную политику, было бы исторически неверным изображать германское управление на Кавказе как идиллию, незапятнанную плохим обращением и жестокостью. Грабеж, физическое насилие и дикриминация были широко распространены. Экономиче-

---

1 Там же, стр. 335.

2 М.Л. Кичиков. Указ. соч., стр. 334.

3 Очерки..., стр. 309.

4 С. Сулькевич. Территория и население СССР. М., 1940, стр. 16.

ская эксплуатация была предпринята в широком масштабе. В сомнительных случаях военные требования имели приоритет над местными интересами. Германские репрессии за убийство или ограбление армейских складов были столь же быстрыми и кровожадными, как и повсюду в оккупированной Европе[1].

Если преступления, совершенные гитлеровцами на территории Кавказа, и были количественно меньшими, чем, скажем, на Украине, в Центральной России и в Крыму, то это объяснялось лишь их кратковременным там пребыванием. Гитлеровцам не удалось завоевать на свою сторону кавказские народы.

---

[1] Dallin. Op. cit. p. 248.

Глава IV. Спецпоселение

... Были отправлены в изгнание сотни тысяч жителей Кавказа и Крыма. Растянулись вагоны по тысячекилометровым железнодорожным магистралям в восточном направлении. На узловых станциях, где меняли паровозы и заправлялись водой, пассажиры встречных поездов, железнодорожники да случайно оказавшиеся поблизости местные жители с удивлением и страхом смотрели на этих несчастных.

Дмитрий Гулиа, просветитель Абхазии, направлялся в ту пору в Москву вместе с женой своей Еленой Андреевной. На одной из станций Северо-Кавказской железной дороги "они увидели невообразимое: длиннющий железнодорожный состав из теплушек, битком набитый людьми, напоминающими кавказских горцев. Их везли куда-то на восток, с женщинами, детьми, стариками. Очень грустные, убитые горем... это чеченцы и ингуши, а едут они не по доброй воле. Их выселяют. Они совершили "тягчайшие преступления перед Родиной"...

– И эти дети? – вырвалось у Гулиа.

– Дети едут с родителями...

– А старики и старухи?

– Со своими детьми.

– Это вроде виновного населения, стало быть... Но я этого термина не слыхал вот уже лет шестьдесят...

Значит, высылают почти миллион! В чем все-таки их вина? Об этом нигде не писалось, не говорилось!"[1]

Это верно, об этом нигде не писалось.

Любопытный историк, открой местные газеты – "Грозненский рабочий", "Социалистическую Кабардино-Балкарию", "Калмыцкую правду", "Ставропольскую правду", "Красный Крым" за 1943 и 1944 гг. Из газет за 1943 г. ты узнаешь о радости народов по случаю их освобождения от вражеской оккупации, о ратных подвигах сынов Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачая и Черкесии, Калмыкии; ты прочтешь о подвигах партизан Крыма, о воинах Красной Армии – о славном летчике, дважды Герое Советского Союза,крымском татарине Султан-хане, о снайпере чеченце Ханашпе Нурадилове, Герое Советского Союза Ибрайхане Бейбулатове, балкарце Герое Советского Союза Конкошеве и о многих и многих других. Запомним эти имена. Они вновь появятся лишь спустя 14 лет, в газетах 1957-1958 гг.

Из газет же 1944 года узнаешь немного. И не найдешь там ни одного слова о выселении – ни в центральной, ни в местной печати.

---

[1] Георгий Гулиа. Дмитрий Гулиа. Повесть о моем отце. М., 1962, стр. 214-215.

Кое-что все-таки из газет узнать можно. Так, 25 февраля 1944 года исполнилось 25 лет Чечено-Ингушской Автономной ССР. Но нет приветствий из Москвы[1]. Это несомненно дурной знак...

И действительно, 3 марта 1944 года вышел последний номер "Грозненского рабочего" как органа областного и Грозненского городского комитетов ВКП (б) и Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР[2]. В субботу 4 марта 1944 г."Грозненский рабочий" именуется лишь органом Грозненского областного и городского комитетов ВКП (б)[3].

Куда же исчез Верховный Совет Чечено-Ингушской АССР? Его депутаты вместе с избирателями проследовали в места не столь отдаленные...

Как раз в эти дни в Москве собралась сессия Верховного Совета РСФСР. В Российскую Федерацию входили, как известно, и Чечено-Ингушетия, и Кабардино-Балкария, и Карачаевская, и Калмыцкая автономии. Но ни один из депутатов Верховного Совета РСФСР не поднимается со своего места, чтобы спросить, куда же девались коллеги-депутаты из автономий Северного Кавказа, зачем такой массовый переезд избирателей и по какой причине, наконец, ликвидированы автономии? Молчат депутаты в Москве, избранники несокрушимого блока коммунистов и беспартийных.

Для перевозки к местам нового поселения народов Северного Кавказа и Крыма потребовалось 40.200 вагонов. Не надо быть военным специалистом, чтобы представить себе масштабы операции "Депортация" и понять, что означало в условиях войны осени 1943 и первой половины 1944 года отрыв такого огромного количества транспорта от нужд военных перевозок и как это отразилось на ходе боевых операций. Коменданта железнодорожной станции за задержку на час эшелона с военными грузами могли предать суду военного трибунала и осудить как за саботаж по всей строгости законов военного времени. Какое же наказание присудить коменданту, задержавшему на несколько месяцев сотни эшелонов?

Мы не знаем и никогда, наверное, не узнаем, какие последствия имела нехватка транспорта для наших войск, какое влияние оказала она на положение на фронтах и сколько военнослужащих погибло из-за недоставленных вовремя боеприпасов, застрявшей военной техники и несвоевременно проведенной передислокации войск.

Бывший заместитель начальника Генштаба Советской Армии С.М. Штеменко довольно ясно дает понять в своих мемуарах о трудностях, например, переброски войск из Крыма после его освобождения на другие фронты, возникших в связи с насильственным вывозом крымских татар. Штеменко находился в Крыму с 14 по 23 мая 1944 года, т. е. в момент подготовки и осуществления операции по вывозу крымских татар. Вот что он пишет:

---

1 "Грозненский рабочий", 25 февраля 1944 г.

2 Там же, 3 марта 1944 г.

3 Там же, 4 марта 1944 г.

Особенно сложно было с перевозкой войск. На сосредоточение их автотранспортам и железнодорожным станциям не хватало горючего. Распределением вагонов и перевозок в Крыму всецело распоряжался тогда заместитель Наркома внутренних дел Серов. Брать их у него приходилось с боя. Основная станция погрузки находилась в районах Херсона и Снегиревки, куда войска следовали преимущественно пешим порядком [1].

Слово "специальный" означает что-то особое, отличное от другого, свойство, присущее только данному предмету, обстоятельствам, ситуации.

Во время гражданской войны в России это слово, подобно многим другим словам в русском языке, начали сокращать. Сначала появилось слитное слово "военспец", т. е. военный специалист, затем нахлынула целая лавина слов и понятий, где частица слова "спец" обрела очень важное, особенное значение. Так появилась "спецовка", т. е. рабочая одежда, "спецотдел" – учреждение секретное, ведающее кадрами, режимом предприятия и пр., "спецпаек" – специальная норма продовольствия для отдельных категорий рабочих, служащих, но чаще всего для сотрудников аппарата. Таких словообразований с частицей "спец" очень много. Даже и сама частица получила самодавлеющее значение и обозначала "специалистов", но не всех, а лишь инженерно-технический персонал старого, дореволюционного закала.

Так дошла очередь и до того, чтобы отличать и места заключения и ссылки для проштрафившихся советских граждан.

Родилось на свет и слово "спецпоселение", т. е. "специальное поселение". Им были обозначены места ссылки или депортации, где жизнь протекала не в соответствии с обычными нормами и законами, а в условиях особого, специального режима, определяемого жесткими правилами и инструкциями, утвержденными Советом Министров СССР и Министерством внутренних дел СССР.

Режим спецпоселения начал устанавливаться еще во время коллективизации, когда сотни тысяч "раскулаченных" были лишены имущества, гражданских прав и отправлены в Сибирь.

На жизнь в условиях "спецпоселения" и были обречены народы, вывезенные с Кавказа и из Крыма.

И вот что еще важно иметь в виду: депортация миллиона человек не могла бы быть осуществлена, если бы соответствующие государственные органы не накопили колоссального опыта по управлению людскими массами в концлагерях, не проверили бы сотни раз мельчайшие подробности поведения человека в местах ссылок и заключения, если бы не знали, что цена жизни депортированного равна нулю, если бы не были уверены во всех звеньях карательного аппарата, в полной безнаказанности.

---

[1] С.М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. М., 1968, стр. 221-222.

Каковы были мотивы и причины насильственного переселения народов? Вопрос этот далеко не так прост, как может показаться с первого взгляда.

Официально против депортированных народов было выдвинуто обвинение в сотрудничестве их подавляющего большинства с врагом, гитлеровской армией и немецкими оккупационными властями.

Но речь, очевидно, должна пойти о некотором "теоретическом" обосновании этой и подобных акций против целых народов, выдвинутых главой советского государства и коммунистической партии, главным и непререкаемым авторитетом мирового коммунистического движения по национальному, а также всем другим вопросам. Надо ли называть его имя?

Документы крайне немногочисленны: это указы и законы Верховных Советов СССР и РСФСР об упразднении автономных республик, официально опубликованные, или изложение неопубликованных законов в диссертациях и историях отдельных республик или в историях партийных организаций этих республик. Значительная работа по выявлению такого рода документов, систематизации и частичному анализу их была проведена Х.И. Хутуевым и Р.И. Музафаровым. Помимо указов еще большее значение имеют инструкции о режиме "спецпоселения" и его модификации.

25 июня 1946 г. задним числом, два года спустя после фактически свершившегося события, Президиум Верховного Совета РСФСР издал Указ "Об упразднении Чечено-Ингушской АССР и преобразовании Крымской АССР в Крымскую область". Приведем полностью текст Указа:

> Во время Великой Отечественной войны, когда народы СССР героически отстаивали честь и независимость Родины в борьбе против немецко-фашистских захватчиков, многие чеченцы и крымские татары по наущению немецких агентов вступали в организованные немцами добровольческие отряды и вместе с немецкими войсками вели вооруженную борьбу против частей Красной Армии, а также по указке немцев создавали диверсионные банды для борьбы с советской властью в тылу, причем основная масса населения Чечено-Ингушской и Крымской АССР не оказывала противодействия этим предателям Родины.
>
> В связи с этим чеченцы и крымские татары были переселены в другие районы СССР, где они были наделены землей с оказанием необходимой государственной помощи по их хозяйственному строительству. По представлению Президиума Верховного Совета СССР Чечено-Ингушская АССР была упразднена, а Крымская АССР преобразована в Крымскую область.
>
> Верховный Совет Российской Советской Социалистической Республики постановляет:
>
> 1. Утвердить упразднение Чечено-Ингушской АССР и преобразование Крымской АССР в Крымскую область.

2. Внести соответствующие изменения и дополнения в статью 14 Конституции РСФСР.

Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР
И. Власов
Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР
П. Бахмуров

Москва, Кремль, 25 июня 1946 года[1].

Против балкарцев было выдвинуто обвинение в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1944 г. Им вменялось в вину, что они в период оккупации территории Кабардино-Балкарской АССР немецко-фашистскими захватчиками в основной своей массе изменили Родине, вступали в организованные немцами вооруженные отряды, вели подрывную работу против частей Красной Армии, оказывали фашистским оккупантам помощь в качестве проводников на Кавказских перевалах, а после изгнания немецких оккупантов вступали в организованные ими банды для борьбы против советской власти[2].

Ч.С. Кулаев сообщает в своей диссертации о подобных же обвинениях, выдвинутых против карачаевцев:

> Карачаевский народ был обвинен в том, что в период оккупации области якобы в основной своей массе изменил Родине, вступил в организованные немцами отряды, оказывал фашистским оккупантам помощь в качестве проводников на Кавказских перевалах, а после освобождения Кавказа вступал в организованные немцами банды для борьбы против советской власти[3].

Утверждения, содержащиеся в Указах об упразднении автономий, не выдерживают критики. Если речь шла о крымских татарах, то как можно было их обвинять в участии в диверсионных бандах после ухода немцев, если татары все поголовно были выселены из Крыма спустя неделю после его освобождения?

Совсем уже абсурдно обвинение в том, что "основная масса населения Чечено-Ингушской АССР и Крымской АССР не оказывала противодействия этим предателям Родины". Если это так было, то означало бы, что в первую очередь этого противодействия не оказывало русское население Крыма и Чечено-Ингушетии, так как основную массу населения в Крыму (около половины) составляли русские, а татары были четвертой частью населения. В Чечено-Ингушетии же помимо 50% чеченцев проживало около 35% русских. И они входили в понятие "основной массы населения". Следовательно, согласно логике составителей Указа, одновременно с чеченцами и ингушами (кстати, об ингушах в Указе вообще нет ни слова, но все же их выселили. Вот на каком уровне у нас находится право!), а также крымскими татарами следовало выселить и русских. Но, слава богу, этого сделано не было.

---

1 "Известия", 26 июня 1946 г.

2 Хутуев. Указ. соч., стр. 97.

3 Кулаев. Указ. соч., стр. 180.

Разве татары, чеченцы, ингуши не отстаивали во время войны "честь и независимость Родины", что их нужно было противопоставить "народам СССР", разве они не входили составной частью в это понятие? Ведь они были в Красной Армии в равном процентном соотношении с другими народами нашей страны.

Наконец, обстоятельства войны, как признал это Н.С. Хрущев на XX съезде КПСС, совсем не требовали выселения народов, ибо враг откатывался под ударами Красной Армии.

Эти обвинения были не только абсурдны, но и глубоко безнравственны, ибо нельзя распространять обвинения в измене на всех поголовно, включая грудных младенцев, женщин и немощных стариков.

Откуда же эти обвинения в измене Родине целых народов взялись? Ведь такого рода обвинения звучали убийственно против первого в мире многонационального социалистического государства, в котором, согласно официальной и тысячу раз повторяемой доктрине, господствует идеология интернационализма, братства и дружбы.

Может быть, выступления Сталина прольют некоторый свет на эту проблему, позволят нащупать теоретическое обоснование актов произвола и беззакония против целых народов.

Во время великих репрессий 30-х годов для оправдания их был выдвинут, как известно, тезис об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Это послужило обоснованием для осуждения и убийства отдельных лиц или даже целых категорий. В 1944 году Сталин внес кое-что новое, "обосновав" возможность репрессий против целых наций. Он разделил нации на "агрессивные" и "миролюбивые"[1]. (Одновременно это служило цели оправдания неготовности к войне против гитлеровской Германии в июне 1941 г.)

В 1949 году в связи с другими конъюнктурными соображениями И.В. Сталин назвал германский и советский народы – народами, которые "обладают наибольшими потенциями в Европе для совершения больших акций мирового значения"[2]. Бедные другие европейские народы!

Надо ли говорить теперь, что такого рода деление наций совершенно неправомерно? Но если можно делить нации таким образом, то почему нельзя различать и по другим признакам, например, революционные и нереволюционные, патриотические и антипатриотические, лояльные и изменнические и т. д. и т. п.?

Впрочем, Карл Маркс во время революции 1848 года (тогда он еще не подозревал, что станет классиком марксизма!) не раз писал с раздражением о нереволюционных народах, относя к ним, в частности, чехов. Следовательно, принципиальная возможность классификации наций по признакам, отвечающим тем или иным конъюнктурным соображениям, всегда имеется в арсенале марксизма. Справедливости ради следует отметить, что В.И. Ленин

---

[1] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, том II, М., 1946, стр. 50.

[2] Приветствие И.В. Сталина Пику и Гротеволю по случаю образования ГДР, 13 октября 1949 г. Внешняя политика Советского Союза.

отвергал такого рода классификацию и в своих работах фактически поправил Маркса .

С другой стороны, обвинения в измене и предательстве, возможности и способы их применения занимали Сталина на всем протяжении его долгой политической карьеры. Во время гражданской войны он не постеснялся распространить это обвинение на лояльных военспецов, в межвоенный период он отправил в лучший мир по обвинению в предательстве сотни тысяч людей, среди которых политические оппоненты занимали ничтожное по численности место. Во время Отечественной войны, стремясь снять с себя ответственность за неудачи начального периода войны, он распространил обвинение в предательстве на всех советских солдат и офицеров, имевших несчастье очутиться в плену. Он вычеркнул их из числа живущих на земле. На Тегеранской конференции, отвечая на тост Черчилля (дело происходило 30 ноября 1943 г. на торжественном обеде по случаю 69-летия британского премьера) ,Сталин сказал, что в России даже люди не слишком храбрые и даже трусы стали героями. А тот, кто не стал героем, был убит[1].

Однако нам следует отбросить примитивное представление, будто решения, принимавшиеся и принимаемые на высшем уровне, выскакивают неожиданно, лишь потому, что Сталину или кому-нибудь другому так захотелось. В таком государстве, как наше, чей исторический опыт бюрократического управления уходит своими глубокими корнями в Византию и где московские дьяки привыкли годами тянуть волокиту, не принимая никаких решений, важнейшую роль играет заведенное "дело", бумага, информация (по-современному) или донос.

Такое важное решение, как насильственное выселение народов, должно было явиться и на самом деле было как бы подведением черты под большой поток сообщений о положении в различных районах. Сообщения поступали по параллельным каналам: партийно-государственному, военному, госбезопасности, Центрального штаба партизанского движения.

Достаточно прочесть документы, опубликованные в сборниках, посвященных Калмыкии и Крыму во время Отечественной войны, чтобы убедиться в том. Но мы, благодаря изысканиям историков, располагаем и неопубликованными документами партийного руководства Крыма и Калмыкии, которые свидетельствуют о том, что первоначальные обвинения исходили от партийных инстанций этих автономий. Как выше уже говорилось, обвинение крымских татар в поголовном предательстве исходило от руководства партизанским движением Крыма. Но очевидно, что первоначально эта информация, направленная Крымскому обкому ВКП (б), принималась им как достоверная и переправлялась дальше. Только позднее, когда выяснилось, что в этой информации таится изрядная доля дезинформации, руководство Крымского обкома партии попыталось корректировать свою прежнюю точку зрения, но, увы, "дело" уже было заведено, и оно двигалось по своим собственным бюрократическим законам к неумолимому бюрократически логи-

---

[1] Foreign Relations of The USA. The Conference at Cairo and Teheran 1943. Washington, 1961, p. 583.
Заметки майора Беттигера.

ческому завершению. То же происходило и в Калмыкии и, надо полагать, в других автономиях.

Так, имеются сведения о том, что на выселении калмыков настаивали Астраханский и Сталинградский обкомы ВКП (б), а в основе "дела" против калмыков лежала итоговая докладная записка секретаря Калмыцкого обкома ВКП (б) по кадрам П.Ф. Касаткина. Информация о позиции партийных органов других ликвидированных автономий крайне скудна.

Информация по принципу правдоподобия, содержащая лишь часть правды и сдобренная изрядной долей дезинформации, узаконенное очковтирательство были одной из самых существенных черт явления, неточно названного сталинизмом.

По-видимому, на заключительном этапе и Крымский, и Калмыцкий обкомы ВКП (б) пытались предотвратить роковую развязку. Но, увы, оказались бессильными. Пришлось самим руководителям автономий, не всем, правда, а лишь по национальному признаку, отправиться в дальнюю дорогу. Однако благодаря другой особенности советской системы – кастовости – руководители Калмыкии поехали на спецпоселение не в вагонах для скота, а в классных вагонах, некоторым же руководителям Крыма было даже разрешено прибыть на вокзал на собственном транспорте.

Об обстоятельствах принятия окончательного решения на самом высоком уровне мы достоверными данными не располагаем. Имеется лишь свидетельство полковника Токаева, перебежчика на Запад, осетина по национальности, которое было первоначально опубликовано в 1951 г. в "Социалистическом вестнике" (орган Социнтерна), а затем использовано в ряде работ западных исследователей, в том числе и в книге Конквеста .

В утверждениях Токаева содержатся два момента, заслуживающих внимания: во-первых, рекомендация советского генштаба, высказанная еще в 1940 г. о ситуации, при которой в подходящее время необходимо будет принять "специальные меры" на Северном Кавказе; во-вторых, что принятие окончательного решения о выселении чеченцев было не результатом единоличного действия Сталина, а итогом обсуждения этого вопроса на совместном заседании Политбюро и Главного командования 11 февраля 1943 г.

Токаев сообщает о двух основных мнениях, высказанных на этом заседании: одно (Молотов, Жданов, Вознесенский, Андреев и др.) – за немедленную и публичную ликвидацию Чечено-Ингушской АССР. Другое (Ворошилов, Каганович, Хрущев, Калинин, Берия) – к ним присоединился и Сталин – заключалось в том, чтобы подождать с выселением до изгнания немцев. Лишь один Микоян, соглашаясь в принципе, что чеченцы должны быть наказаны, высказал опасение, что депортация повредит репутации СССР за рубежом. По другим сведениям, когда речь зашла в Политбюро о выселении чеченцев и ингушей, был поставлен вопрос, не нанесет ли их выселение ущерба нефтяной промышленности. Ответ последовал самый успокоительный: весь инженерно-технический персонал русский, а незначительное число рабочих чеченцев и ингушей занято на работах, не требующих высокой квалифи-

кации. Мы не имеем возможности проверить эти сообщения и поэтому воздерживаемся от комментариев.

На XX съезде КПСС, через три года после смерти Сталина, было официально объявлено, что депортация кавказских народов, калмыков и крымских татар, а также немцев Поволжья была актом произвола, сопутствующим "культу личности Сталина". Признание это, впрочем, растянулось на 11 лет (1956-1967 гг.), а исправление содеянного зла не завершилось еще и поныне.

Однако мы запамятовали, что депортация стала одним из методов политики не в 1943 или 1944 годах, а гораздо раньше, в годы коллективизации, когда из центральных районов страны, с Украины и с Северного Кавказа были высланы в Сибирь и в Среднюю Азию кулаки, вернее, миллионы крестьян, причисленных к "эксплуататорам". Кто может точно сказать, кто он есть, этот самый "кулак"? Да никто. Как известно, жертвами коллективизации стали не только крестьяне, пользовавшиеся наемным трудом, но и масса других, по тем или иным причинам огулом "раскулаченных". Вот эта-то масса обездоленных, лишенных имущества и всех прав людей и положила начало спецпоселениям. Тогда-то и появились первые инструкции о спецпоселенцах. Почти одновременно стали депортировать и по национальному признаку.

Еще в начале 30-х годов с Дальнего Востока были переселены китайцы и корейцы, были они удалены и из центральных областей России. Часть из них прямо была обвинена в том, что они являются японскими агентами. Позднее, в 1939-1941 гг., потянулись на восток эшелоны с "классово чуждыми элементами" из вновь присоединенных земель, прибалтийских стран, Западной Украины, Западной Белоруссии, Северной Буковины и Бессарабии. Летом 1941 г. появились в Средней Азии немцы, граждане СССР, подавляющее большинство которых было из упраздненной АССР Немцев Поволжья. Ко времени Отечественной войны против гитлеровской Германии режим спецпоселения сложился окончательно, хотя эта система и продолжала подвергаться различным модификациям, но непременно в сторону ужесточения.

В 1948-49 гг. Среднюю Азию и Сибирь достигла новая волна депортированных из Прибалтики и Молдавии, где в это время проводилась кампания по сплошной коллективизации и соответственно "ликвидации кулачества как класса". Эти жестокие меры, может быть, и привели, по мнению власти, к созданию в Латвии, Литве и Эстонии более классово однородного общества, но прежде всего они ослабили там коренной национальный элемент.

Заметим, что эти обе волны депортации коснулись народов, населяющих пограничные области Советского Союза. На их место приехали переселенцы из Центральной России и с Украины.

Заселение опустевших после депортации 1943-44 гг. местностей производилось также главным образом за счет русского населения, хотя частично и за счет местных национальностей, считавшихся лояльными.

Если корейцев и китайцев в свое время подозревали или обвиняли в том, что они были агентурой Японии, то почему нельзя было считать буддистов

калмыков потенциальной агентурой Китая? Сам Сталин в одном из своих выступлений на XII съезде ВКП(б) в 1923 году говорил: "Стоит допустить маленькую ошибку в отношении маленькой области калмыков, которые связаны с Тибетом и Китаем, и это отзовется гораздо хуже на нашей работе, чем ошибки в отношении Украины"[1].

Было ли это понимание взаимосвязанности национальных и международных отношений пониманием интеранационалиста или великорусского шовиниста?

В.И. Ленин в одной из своих последних работ[2] дает на этот счет ясный и недвусмысленный ответ. Вождь русской революции рассматривал Сталина как великорусского шовиниста.

Именно его, а также Орджоникидзе он подразумевал, когда писал о некоем грузине, "... настоящим и истинным не только "социал-националом", но и грубым великорусским держимордой"[3]. Ленин требовал отличать национализм нации угнетенной от национализма нации угнетающей, национализм большой нации и национализм маленькой нации и писал, что по отношению к этому национализму "... мы, националы большой нации, оказываемся виноватыми в бесконечном количестве насилий и оскорблений"[4]. И далее:

> Поэтому интернационализм со стороны угнетающей или так называемой "великой" нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически... нужно возместить так или иначе своим обращением или своими уступками по отношению к инородцу то недоверие, ту подозрительность, те обиды, которые в историческом прошлом нанесены ему правительством "великодержавной" нации[5].

Дело здесь было, конечно, не в идеализме или альтруизме Ленина, хотя и это нельзя совершенно сбрасывать со счетов при оценке его действий. Ле-

---

1 И.В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 272.

2 В.И. Ленин. К вопросу о национальностях или об "автономизации". Полн. собр. соч., т. 45, стр. 356-362. Эта статья, вернее, заметки, являются последними высказываниями Ленина по национальному вопросу. Заметки были продиктованы 30 и 31 декабря 1922 г. Поводом для них послужил конфликт между Закавказским краевым комитетом РКП(б) (Г.К. Орджоникидзе) и руководством компартии Грузии (П.Г. Мдивани) по вопросу, входить ли Грузии в СССР непосредственно или через Закавказскую федерацию. Орджоникидзе, отстаивавший вторую точку зрения, повел себя по отношению к оппонентам настолько грубо, что применил рукоприкладство. Ленин, возмущенный поведением Орджоникидзе, а также Сталина и Дзержинского, фактически поддержавших Орджоникидзе, написал эту статью, которая затем попала в Политбюро. Сталин вынужден был внести некоторые положения из письма Ленина в резолюцию съезда. Но это было сделано для проформы.

3 Там же, стр. 360.

4 Там же, стр. 359.

5 Там же.

нин был озабочен сохранением многонационального государства и того влияния, которое оно может оказывать в будущем на народы Азии. Реалист в политике и в определенной мере прагматик, глава советского государства отчетливо понимал, что "грубость и несправедливость" (выражение самого Ленина) "к нашим собственным инородцам" отрицательно отозвалось бы на авторитете советского государства среди азиатских народов[1]. Даже Ленин пользовался до конца дней своих термином "инородцы", имевшем в политическом звучании явный шовинистический привкус. Так царское правительство именовало все народы Российской империи, кроме русского.

На XII съезде РКП(б) Сталин, вынужденный принять упрек Ленина, в одной из своих речей выступил с предостережением об опасности перерождения ответственных работников партийного и государственного аппарата, об опасности великодержавного шовинизма как "силы укрепляющейся", назвал ее "основной опасностью", "опаснейшим врагом", которого "необходимо свалить"[2]. Однако Сталин добился включения в резолюцию съезда пункта о необходимости борьбы и против "местного национализма", термина, широко использованного против любых попыток проявления самостоятельности не местах. Словно домоклов меч тяготела опасность обвинения в местном национализме над головами работников.

История последующих лет показала, что Сталин укрепился на позициях великорусского шовинизма. Интернационализм, который он публично провозглашал, служил на деле прикрытием великодержавной политики.

В то же время на интернационалистской идеологии воспиталось несколько поколений советских граждан, и именно теми, кто сформировался в 20-е и 30-е годы, разрыв между словом и делом был воспринят наиболее болезненно. Возникает вопрос, не было ли усиление великодержавного шовинизма одним из следствий реализации идеи строительства социализма в одной, отдельно взятой стране?

Во второй половине 30-х годов лавина русского ура-патриотизма была обрушена на культурную жизнь нашего общества. Поиски "великих предков", волна кинофильмов, в которых прославлялись русские полководцы прошлого – Александр Невский, Суворов, Кутузов, русские цари – Петр Первый и Иван Грозный, поток литературы, воспевавшей деяния Ивана III, Дмитрия Донского, превозносилось все "истинно русское" и высмеивалась "иностранщина", обращение по преимуществу к сюжетам русской литературы в музыке, оперном искусстве и драматургии – все свидетельствовало о том, что развитие культуры нашего общества отныне будут жестко лимитировано потребностями политики и великорусского конформизма.

Последствия этого наше общество испытало на себе уже потом, после окончания войны с гитлеровской Германией, после поражения фашизма, после нашей победы. То были "великие дни" борьбы с космополитизмом, воинственные кампании против культуры других народов под видом борьбы с местным национализмом (кампания против эпосов "Джангар", "Манас" и др.), огульное отрицание прогрессивности национально-освободитель-

---

[1] Там же, стр. 362.

[2] И.В. Сталин. Собр. соч., т. 5, стр. 282.

ного движения народов России против царского самодержавия (движение Шамиля, Андижанское восстание и др.).

Убийство Михоэлса и дело "врачей-отравителей" показали, что процесс нравственной деградации нашего общества находится в апогее. "Опаснейшего врага" свалить не удалось. Он восторжествовал, на время во всяком случае.

Таким образом, депортация народов Кавказа и Крыма, калмыков и частично прибалтов предстает перед нами не только как проявление беззакония и произвола режима Сталина, чем оно, конечно, было само собой, но, что более важно, неотъемлемой составной частью истории советского государства и общества, его духовной культуры.

Переселение народов имело и прагматическую цель – заселения приграничных окраинных областей "надежным" русским населением. Такая цель отнюдь не является чем-то новым, необычным. Русское государство испокон веков стремилось создать на своих границах надежный заслон из числа "верных" народов и поселенцев против возможного вражеского нашествия.

Хотя времена изменились, но в принципе мотивы остались прежними. Выселение мусульманских народов Кавказа и крымских татар было несомненно связано и с напряженными отношениями между СССР и Турцией во время второй мировой войны, и с пантуранскими планами турецких шовинистов, получивших на какое-то время ободрение со стороны гитлеровской Германии. Подавляющая часть мусульманского населения, разумеется, и понятия не имела ни о пантуранизме, ни о великогерманских амбициях. Однако несколько турецких эмиссаров побывали в Крыму и на Кавказе во время германской оккупации, сколько-то тысяч из числа позднее переселенных народов изменило советской власти в дни войны и принимало участие в гитлеровских военных формированиях. Этого оказалось достаточным для обвинения в государственной измене целых народов, в приписывании им массового сотрудничества с врагом.

Если корейцев и китайцев можно было считать потенциально опасными, имея в виду Японию, а калмыков, имея в виду Китай, то и сотрудничество мусульманских народов Кавказа с мусульманской Турцией также могло рассматриваться и рассматривалось как потенциальная возможность. Бесспорным подтверждением репрессий против мусульманских народов служит выселение в 1947 году из Грузии в Среднюю Азию около 80 тысяч грузин-мусульман. Некоторые рьяные пропагандисты 40-х годов именовали крымских татар крымскими турками, смыкаясь в этом с татарскими эмигрантами-националистами. Так легко доказывалась необходимость очищения приграничных районов от "враждебного населения".

Как можно иначе объяснить выселение в 1944 г. с Черноморского побережья в Среднюю Азию греков? Они-то ведь наверняка не имели никакого отношения к турецким проектам. Однако исторической родиной греков является, естественно, Греция. А что такое Греция? Капиталистическое государство с монархической формой правления, связанное союзническими отношениями с империалистической Англией. Как же оставлять после этого греков на морских рубежах нашего государства?!

А курды, этот непоседливый народ, который только и делает, что кочует, пересекая государственную границу СССР, когда ему заблагорассудится. Тут уж для шпионов полное раздолье! Ну, а если речь идет и об оседлых курдах тоже? Ну и что с того, курды – они и есть курды... И поехали курды в Среднюю Азию... Заодно и хемшины с ними, народ, правда, оседлый, но большая-то его часть проживает в Турции.

А вообще-то – космополиты безродные... Простите, это уже было потом, да не про хемшинов, а про евреев!..

Мы приходим к выводу, что депортация народов во время войны рассматривалась государством как превентивная мера (немцы Поволжья, курды, турки, хемшины, греки), как мера карательная (чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы, крымские татары), но и как мера военно-стратегического характера, имевшая целью создание более "надежного" слоя пограничного населения. С полным основанием можно рассматривать депортацию 1943-1944 годов и как составную часть внешней политики СССР: едва окончилась война, как от Турции было потребовано возвращения Карса, Ардагана и др. земель, отошедших к ней после первой мировой войны. На случай вооруженного конфликта приграничная зона уже была очищена от "неблагонадежных" мусульманских народов Кавказа и Крыма.

Депортация времен войны не была случайным актом, совершенным при чрезвычайных обстоятельствах военного времени. Ведь она осуществлялась и до Отечественной войны, и после нее.

В конце 40-х и в начале 50-х годов было приступлено к подготовке выселения евреев из главных промышленных и политических центров страны в Сибирь. Для удобства пропаганды евреев обозначили словом "космополит". А "космополиты" изображались агентурой американского "сионистского" империализма. Уже началась политическая, идеологическая и материальная подготовка к депортации.

В Прибалтике прошла еще одна массовая высылка коренного населения по классовому признаку, связанная со сплошной коллективизацией в этих районах. В Среднюю Азию были переселены греки из других районов страны. Из Армении были вывезены несколько десятков тысяч армян-репатриантов[1]. На Черноморском побережье готовилось выселение абхазцев.

Таким образом, трагический поворот в политике по отношению к малым народам Кавказа и Крыма был на самом деле продолжением процесса, начавшегося задолго до войны и с тех пор не прекращавшегося.

Депортация целых народов превратилась на закате сталинской эры в инструмент национальной политики, и это было одним из важнейших симптомов и свидетельств глубокого политического и нравственного кризиса, переживаемого советским государством и обществом.

В то же время депортация не была совершенно новым явлением в истории России, хотя никогда раньше не принимала такого массового характера.

Вскоре после Крымской войны (1854-1855) против крымских татар бы-

---

[1] Многие армяне-репатрианты, прибывшие в Советскую Армению, были поселены в городке, носившем имя Берия! История не раз устраивала такие каверзы...

ли выдвинуты царскими чиновниками огульные обвинения в предательстве, в том, что крымские татары будто бы помогали Турции. Эти обвинения должны были прикрыть бездарность, проявленную во время войны, царского правительства, его чиновников и военачальников. "Козлом отпущения" и были выбраны крымские татары. В результате 100 тысяч татар были изгнаны тогда из Крыма.

Вся прогрессивная общественность того времени осудила этот акт великодержавного шовинизма и дикости. 22 декабря 1861 г. в герценовском "Колоколе" была опубликована статья под названием "Гонение на крымских татар". В ней, в частности, говорилось:

> И вот правительсгво вытеснило из Крыма преданное ему татарское население, с тем чтобы заселить в Крыму русских, – и только, когда не стало 100.000 татар, догадалось оно, что русские в Крым не пойдут... Едва ли самая кровопролитная война, общий голод или мировая язва могли бы в столь короткое время обезлюдить край – его опустошило, самою администрацией ускоренное, переселение татар[1].

Известный русский историк последней четверти XIX в. Е. Марков решительно опровергал ложь, возведенную тогда на всех крымских татар поголовно, будто они во время Крымской войны изменили России и переметнулись на сторону Турции. Вот что он писал:

> Странная вещь! Вместо того чтобы гнать и расстреливать на месте воров-чиновников, у нас гнали и расстреливали самое честное из крымских племен – татар. Никого так не обидели в эту войну, как это тихое и полезное племя. Его опозорили изменою; его заставили покинуть древнюю родину, где только один татарин может жить счастливо и безо нужды. Кто был в Крыму лишь один месяц, – тотчас же узнает, что Крым погиб после удаления татар. Они одни переносили этот сухой зной степи, владея тайнами извлечения и проведения воды, разводя скот и сады... Но, может быть, татары действительно изменили, и уход их сделался необходимым, как бы он ни был достоин сожаления? Я думал так, въезжая в Крым... Но здесь я не встретил ни одного старожила, который не презирал от души этих гнусных нареканий на татарина, сделавших несчастье целого края. В один голос говорят, что без татар мы пропали бы в Крымскую войну: все перевозочные средства и все жизненные припасы были исключительно в их руках[2].

Вскоре после Крымской войны среди горцев Кавказа началось, не без подстрекательства связанных с Турцией местных феодалов и мусульманского духовенства, движение за переселение в Турцию. Царское правительство не только не препятствовало этому, но и поощряло переселенцев, надеясь с их уходом использовать земли, принадлежавшие горцам, для наделения ими создаваемых здесь казачьих станиц. В 1858-1865 годах в Турцию переселилось около 500 тысяч горцев. Половина из них погибла от болезней в пути, а треть, женщины и дети, были проданы в рабство[3]. Оставшиеся же в живых старались поскорее возвратиться в Россию, как только они убедились в том,

---

[1] Академия наук СССР. Институт истории. Колокол. Выпуск четвертый, 1861, № 17, стр. 976-977. Москва, 1962.

[2] Е. Марков. Очерки Крыма. СПб. Москва, 1902, стр. 103-104.

[3] Н.А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI – XIX веках, М., 1958.

что их бессовестно обманули. Особенно настойчивы были чеченцы, многие из них были готовы даже принять православную веру – только бы жить на родине. Однако царское правительство всячески затрудняло возвращение горцев, но сломить их несокрушимую волю к возвращению на родину не смогло. Основная масса чеченцев возвратилась из Турции после русско-турецкой войны 1877-1878 гг. С тех пор царская администрация культивировала представление о чеченцах не только как о "диких" (об этом неустанно твердил еще генерал Ермолов – "покоритель Кавказа"), но и как об изменниках, предавшихся Турции. Между тем жизнь в Турции вспоминалась горцами как проклятые годы. Тем не менее этот стойкий стереотип кавказского горца, который будто бы только и ждет случая, чтобы переметнуться на сторону врагов России, оказал немалое влияние на тех, кто снабжал информацией верхи, кто принимал решение об их судьбе.

Опыт истории подсказывает, что на принятое решение определенное влияние оказывает стереотип представлений о событиях, людях, народах. Немалое значение для принимающего какое-либо решение имеет и его собственный внутренний мир, его духовная культура. Нет сомнения в том, что в решении судьбы чеченцев и крымских татар определенную роль сыграл и опыт взаимоотношений этих народов с русским государством в прошлом.

Так, дважды в течение одного столетия чеченцы, ингуши и другие горские народы, крымские татары очутились перед опасностью физической гибели.

* * *

Общее руководство депортацией всех народов осуществлял член Политбюро ЦК ВКП(б), член Государственного Комитета Обороны, нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия. Непосредственными руководителями операций по насильственному переселению были его заместители Б. Кобулов и И. Серов[1].

Операция по выселению готовилась весьма тщательно. Их основным принципом была ... внезапность! Возможно, урок внезапного нападения гитлеровской Германии на СССР был здесь учтен... Заблаговременно подведены войска, собран транспорт, утверждены маршруты движения автоколонн. Операция осуществлялась войсками НКВД, т. е. внутренними, конвойными и пограничными. Во время войны, несмотря на колоссальные потери и острую нужду в людях на фронте, в тылу находилось немало войск особого назначения.

---

[1] У Кобулова и Серова был накоплен немалый опыт по депортации народов Кавказа, Бессарабии, западных областей Украины и Белоруссии, Прибалтики. За выдающиеся "заслуги" в деле депортации и, надо полагать, большое "полководческое искусство", проявленное при операции "Депортация", Серов был награжден высшим полководческим орденом – Суворова I-й степени. Таким образом награждались военачальники за успешное проведение операций масштаба не меньше фронта.

Кобулов был расстрелян вместе с Берия. Серов же, благодаря своему участию в аресте Берия и покровительству Н.С. Хрущева, стал во главе госбезопасности страны, а позднее был назначен заместителем начальника Генштаба. Он достиг звания генерала армии и стал Героем Советского Союза. Впоследствии он был понижен в чине и уволен в отставку. Благоденствует и поныне.

Однако помимо войск НКВД в Чечено-Ингушетии уже за несколько месяцев до выселения дислоцировались три армии, одна из них танковая.

Операции намечалось осуществить в максимально сжатые сроки. Войска были готовы воспрепятствовать сопротивлению или немедленно подавить его, если такое возникнет. Реализация задачи облегчалась тем, что подавляющая часть мужского населения находилась вне территории, где происходила депортация, в рядах Красной Армии, в партизанских отрядах или частично в немецком плену. Эти люди, разумеется, и не подозревали, какая участь уготована их семьям и тем из них самих, кто останется жив.

При переселении никаких исключений не допускалось. Незадолго до выселения на места были отправлены ответственные работники партийного аппарата Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) для оказания помощи в осуществлении депортации своих земляков. Они были предупреждены, что за разглашение тайны готовящейся операции будут привлечены к самой суровой ответственности.

На Чечне мужчин взяли прямо с конноспортивного праздника, посвященного годовщине Красной Армии, а женщин и детей в аулах. В Крыму все мужчины были вызваны в военкоматы, где задерживались до тех пор, пока их семьи вывозились к местам погрузки. Затем они были отправлены в строительные батальоны. В Кабардино-Балкарии русским, украинским, грузинским женщинам, состоявшим в браке с балкарцами, предлагалось либо отказаться от семьи и остаться на месте, либо разделить участь своих мужей и детей. Не все могли выдержать это испытание: дети оставались без матерей, мужья без жен. Какие только терзания не выпадают на долю человека и сколько мук терпит он от себе подобных.

... В Евпатории во время расправы, учиненной гитлеровцами над населением после неудачного советского десанта в январе 1942 г., произошла такая история. Во рвах за городом расстреливались тысячи. Земля была пропитана кровью. Наспех засыпанные гитлеровскими палачами могилы иногда шевелились – видно, побросали во рвы еще живых – словно сама земля стонала от нестерпимых мук. Один из расстрелянных остался в живых, но был ранен. На рассвете он добрался до крыльца своего дома. Жена открыла дверь и увидела своего мужа, отца ее детей, окровавленного, приползшего к своему порогу. Чго же сделала эта женщина? Она вызвала полицая, и тот на ее глазах пристрелил несчастного...

Вернемся, однако, к тем, кого сейчас будут вывозить, а, может быть, уже и вывозят.

Тензила Ибрагимова, крымская татарка, проживающая в настоящее время в г. Чирчик Ташкентской области, сообщает:

> На выселили из Фрейдорфского района, из деревни Аджиатман 18 мая 1944 года. Выселение происходило очень жестоко. В три часа утра, когда дети еще спали, вошли солдаты и потребовали, чтобы мы за пять минут собрались и вышли из дома. Нам не разрешали брать с собой ни вещи, ни продукты. С нами так грубо обращались, мы думали, что нас на расстрел ведут. Выгнав из деревни, нас продержали голодными целые сутки; голодали, но из дому ничего не разрешили брать. Стоял сплошной плач голодных детей. Муж сражался на фронте. Я была с тремя детьми.

Наконец-то нас погрузили в автомашины и повезли в Евпаторию. А оттуда погрузили в товарные вагоны, битком набитые, как скот. Везли нас 24 суток в Самаркандскую область, на станцию Зерабулак, оттуда вывезли в Хатырчинский район, в колхоз "Правда"[1].

А вот что рассказал на приеме в ЦК КПСС (1957 г.) известный крымскотатарский писатель, участник Великой Отечественной войны Шамиль Алядин:

Теперь позвольте обрисовать подлинную картину выселения татар из Крыма, которая, на наш взгляд, для членов Президиума (имеются в виду члены Президиума ЦК КПСС – А.Н.), возможно, еще не совсем ясна.

В 2 часа ночи 17 мая 1944 г. внезапно ворвались в квартиры татар оперативные работники и вооруженные автоматчики войск НКВД, вытащили спавших женщин, детей, стариков из постелей и, наставляя на их груди автоматы, приказали в течение 10 минут покинуть квартиры; не дав возможности опомниться, они выгнали жильцов на улицы, грузовые машины вывезли их на железнодорожные станции, погрузили их в вагоны, предназначенные для скота, отправили в отдаленные районы Сибири, Урала, Средней Азии.

Людям не дали как следует одеться. Брать с собой одежду, вещи, деньги не разрешали. Автоматчики и оперативные работники шарили по квартирам, забирали у людей деньги, драгоценности и все, что им понравилось, при этом обзывали татар "сволочами", "проклятыми предателями", "свиньями" и т. д.

Выехали люди голые и голодные, ехали месяц, в закрытых душных вагонах возникли тифозные болезни: дети, старики стали умирать от голода и болезни. Солдаты войск НКВД хватали мертвецов, выбрасывали их в окна вагона.

Порядка, дисциплины в пути следования не было. Эшелоны, предназначенные для Узбекистана, отправляли в Сибирь или на Алтай. Но основное население попало в Узбекистан[2].

Аналогичным образом происходило выселение и других народов.

Сколько переселяемых погибло в пути? Вероятно, в Министерстве внутренних дел имеются данные. Однако такого рода статистика у нас не публикуется.

... В "Обращении крымско-татарского народа", которое мы уже выше цитировали, называется цифра погибших татар – 46% от всего населения. Эти данные, очевидно, преувеличенные. Что известно точно? 17-18 мая 1944 г. из Крыма было вывезено 194.111 крымских татар[3]. Затем известно из уголовного дела, возбужденного в 1968 г. прокуратурой Уз.ССР против участников движения крымско-татарского народа Э. Маметова, Ю. Османова и

---

[1] Из "Обращения крымско-татарского народа к XXIII съезду Коммунистической партии Советского Союза". Музафаров. Указ. соч., стр. 105.

[2] Там же.

[3] Из докладной записки первого секретаря Крымского обкома ВКП (б) Тюляева в ЦК ВКП (б) от 14 октября 1944 г. Музафаров. Указ. соч., стр. 67.

др., что прокурор оспорил утверждение, содержащееся в одном из документов крымско-татарского движения о гибели во время депортации 46% крымских татар. Суду обвинение представило два важных документа[1]. Оба затем были опубликованы сначала Самиздатом, а затем, в 1974 году, в Нью Йорке[2].

Воспроизводим оба документа.

Первый документ

Уз.ССР. Министерство охраны общественного порядка
г. Ташкент
№ 7/3-2026. 15 февраля 1968 г.

Секретно
экз. №
Следственный отдел КГБ
при СМ Уз.ССР
Здесь

На № 3/184 от 14 февраля 1968 г.

Отчетных данных об изменениях контингента лиц, высланных из Крыма за период мая-июня 1944 г. по 1 января 1945 г., в архивных материалах 9 отдела КГБ и 4-го спецотдела НКВД Уз.ССР нет.

В одной из докладых записок о хозяйственно-бытовом устройстве спецпоселенцев крымского контингента от 9 апреля 1945 г. указано, что с момента выселения в Уз.ССР спецпоселенцев из Крыма с мая 1944 г. по 1 января 1945 г. умерло 13.592 человека, что составляло 9,1%.

Начальник 1 спецотдела МООП Уз.ССР полковник Кравченко
Начальник 3-го отделения Стокова

Получено 20 февраля 1968 г.

Второй документ

Уз.ССР. Министерство охраны общественного порядка
г. Ташкент
№ 7/3 – 373, 8 февраля 1968 г.

Секретно
Председателю КГБ при СМ Уз.ССР
генерал-лейтенанту Киселеву С.И.
Здесь

На № 3/99 от 29 января 1968.

Сообщаю, что прибытие в Уз.ССР спецпоселенцев – татар из Крыма началось 29 мая 1944 г. и в основном закончилось 8 июля 1944 г. В архивных документах 9-го отдела КГБ и 4-го спецотдела МВД Уз.ССР первые данные о численном составе прибывших на спецпоселение крымских татар имеются на 1 июля 1944 г. На эту дату прибыло 35.750 семей в количестве 151.424 человека.

---

[1] Уголовное дело № 103 Прокуратуры Уз.ССР, т. 17, л. 101, 102. В связи с этим делом в Ташкент был вызван, затем задержан и отправлен на принудительное лечение в психиатрическую больницу тюремного типа один из замечательнейших людей нашего времени бывший генерал Советской Армии П.Г. Григоренко, кавалер многих орденов, командовавший во время Отечественной войны дивизией, а затем преподававший в Военной академии им. М.В. Фрунзе. П.Г. Григоренко пробыл в "психушке" около 6 лет и был освобожден не в последнюю очередь благодаря нажиму мирового общественного мнения.

[2] "Хроника текущих событий", Нью Йорк, № 31, 1974, стр. 126.

На 1 января 1945 г. спецпоселенцев – крымских татар в Узбекистане находилось 36.568 семей, что составляло 134.742 человека, в их числе 21.619 мужчин, 47.537 человек женщин, 65.586 человек детей до 16 лет.

По состоянию на 1 января 1946 г. значится 34.946 семей, что составляет 120.129 человек, из них 21.332 мужчин, 42.071 женщин и 56.726 детей до 16 лет.

За период с 1 января 1945 г. по 1 января 1946 г. умерло 13.183 человека, из них 2.562 мужчин, 4.525 женщин и 6.096 детей до 16 лет.

Изменение количества спецпоселенцев – крымских татар объясняется также убытием за пределы республики, снятием с учета, побегом с мест поселения, арестом за совершенные преступления.

Первый зам. министра ООП Уз.ССР

генерал вн/службы III ранга М. Беглов

Получено 9 февраля 1968 г.

Из этих документов следует, что количество умерших крымских татар в Узбекистане составило с июля 1944 г. по 1 января 1946 г. "всего-навсего" 17,7 от числа прибывших туда. О судьбе остальных говорится здесь довольно глухо. Но согласно данным крымско-татарского движения, количество бежавших или подвергшихся заключению женщин составляло 1000 человек и детей – 2700 человек.

Вероятно, многие отправились с разрешения властей на соединение со своими семьями. Х.И. Хутуев сообщает, например, следующее: "В первые дни послевоенного года в результате долгих мытарств" для соединения с семьями из Казахстана в Киргизию переехало около 40 тыс. чел., а из Киргизии в Казахстан – более 30 тыс. чел.[1]. Мы не располагаем сведениями по другим районам переселения, но очевидно, что и в Сибири, в Узбекистане и на Урале было много аналогичных случаев.

Крымские татары были поселены в основном в Узбекистане, но попали также и в Киргизию, Казахстан и на Урал. Кавказские народы были расселены главным образом в Казахстане и в Киргизии. Калмыки попали в Сибирь и на Урал. О расселении последних имеются более подробные сведения. Они были отправлены в Красноярский, Алтайский края, в Новосибирскую, Омскую, Тюменскую, Кемеровскую и Хакасскую области, небольшая их часть была поселена в Сахалинской области, а также в Средней Азии и в Казахстане.

В 1944 г. в Новосибирской области было поселено 17,1 тыс. калмыков, в Тюменской области 14.174 (4.700 семей), в Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком и Тобольском округах было поселено 8587 человек (2878 семей) (май-июнь 1944 г.). Всего же только в Ханты-Мансийский округ в 1944 г. было завезено 5891 калмыков. 18.718 калмыков было направлено в Омскую область. 3 тыс. чел., а затем еще 2100 семей (количество людей неизвестно) – в Красноярский край, 900 семей было направлено на Таймыр[2].

---

1 Хутуев. Указ. соч., стр. 106.

2 Очерки истории Калмыцкой АССР. Указ. соч., стр. 317-318.

Таким образом, калмыцкий народ был расселен на огромном пространстве, и достойно удивления, что, понеся значительные людские потери (об этом ниже), он спустя 14 лет возвратился на свои родные места, сохранив внутреннюю целостность.

Сколько же всего людей было депортировано в 1943-1944 гг.? Х.И. Хутуев сообщает обобщенные данные о количестве спецпереселенцев в Казахстане и в Киргизии, почерпнутые из архивных данных министерств охраны общественного порядка этих республик. В Казахстане было поселено 507.480 человек, в Киргизии 137.298 человек[1]. В Узбекистан прибыло 151.424 человека лишь из числа крымских татар. Нет обобщенных данных о количестве спецпоселенцев по Узбекистану и по РСФСР, однако, зная данные переписи 1939 г. и учитывая, что со временем количество спецпоселенцев пополнилось за счет демобилизованных военнослужащих, разделивших участь своих родных, можно с изрядной долей достоверности считать, что общая цифра депортированных в 1943-44 гг. несколько больше 1 млн. человек.

Половину из них, если не больше, составляли дети в возрасте до 16 лет.

Среди крымских татар Узбекистана мужчины спецпоселения составляли 15%, женщины – 32%, дети – 53%. У балкарцев, проживавших в Киргизии, мужчины составляли 18%, женщины – 29%, дети – 52%[2]. Такие же сведения и о соотношении у карачаевцев[3]. В Ошской области Киргизской ССР женщины и дети – балкарцы составляли свыше 70%, во Фрунзенской области – около 80% всех спецпоселенцев[4].

Гнев Государства обрушился главным образом на детей и женщин, неужели они и были "изменниками" и "предателями"?

Что это – просто мстительность Власти, самодовольство Силы над слабыми и беззащитными, Система наказания для целых народов?!

Эти вопросы отнюдь не риторические. Ведь XX съезд КПСС, осудив выселение народов как акт произвола и беззакония, не дал глубокого анализа происшедшего, его причин и последствий для всей системы внутринациональных отношений в нашей стране. Не было этого сделано и на XXII съезде КПСС. И до тех пор, пока суровый и нелицеприятный анализ не будет проведен и не последуют практические выводы из такого анализа (рано или поздно, но это неизбежно), нельзя говорить о торжестве справедливости. И ведь не случайно, что до сих пор татары Крыма живут вдали от своей родины и не решены проблемы немецкого населения нашей страны.

Переселение производилось поголовно, безо всяких исключений. Как писал Х.И. Хутуев:

---

1 Хутуев. Указ соч., стр. 106-107.

2 Хутуев. Указ. соч., стр. 103.

3 Кулаев. Указ. соч., стр. 181.

4 Хутуев. Указ. соч., стр. 103.

Репрессиям фактически подверглись все: активные участники гражданской и Великой Отечественной войн, инвалиды войны и труда, жены и дети тех, кто был на фронте, коммунисты и комсомольцы, руководители партийных и советских организаций, депутаты Верховных Советов СССР, РСФСР и Кабардино-Балкарской ССР[1].

В равной степени это относилось и к другим упраздненным автономиям.

Самыми тяжелыми для спецпоселенцев были первые годы их оседлой жизни на новом месте. Голод и болезни обрушились на них, унося в могилы тысячи и тысячи людей.

Вот как описывает жизнь татар спецпоселенцев та же Тензила Ибраимова:

Нас заставляли ремонтировать частные кибитки. Мы работали, голодали. Многие от голода с ног валились. Из нашей деревни вывезли 30 семей, из которых остались в живых неполных 5 семей. И в этих семьях остались 1-2 человека, остальные погибли от голода и болезней.

Моя племянница Шейхисламова Манубе с 8-ю детьми была выслана с нами, а муж ее был с первых дней войны в Советской Армии и там погиб. А семья погибшего воина погибла в ссылке в Узбекистане голодной смертью, только одна девочка по имени Пера осталась в живых, но от перенесенного ужаса и голода стала калекой.

Наши мужья были на фронте, и некому было хоронить умерших, и часто трупы лежали несколько суток вместе с живыми.

У Аджимамбетовой Аджигульсум мужа схватили фашисты. С ней осталось трое детей: одна девочка и двое мальчиков. Семья тоже голодала, как и мы. Никто не помогал им ни материально, ни морально. В результате от голода сначала умерла девочка, а потом в один день два мальчика. Мать не могла двигаться от голода. Тогда хозяин дома выбросил два детских трупика на улицу, на берег арыка. Тогда дети – крымские татары выкопали могилки и похоронили несчастных мальчиков. Разве можно рассказать? Такая тяжесть на сердце, трудно вспоминать. Скажите мне, почему допустили до таких ужасов?[2]

Свидетельствует Шамиль Алядин:

По приезде, например, в гор. Беговате по 50-100 человек загнали в землянки, в которых до татар жили немецкие пленные. В таких ужасных условиях татары начали гибнуть...[3]

Свидетельствует Х.И. Хутуев:

В результате неудовлетворительных бытовых условий, истощения, резкой перемены климата, неприспособленности к местным услови-

---

[1] Х.И. Хутуев. Балкарский народ в годы Великой Отечественной войны (восстановление автономии балкарского народа). Автореферат диссертации. Ростов-на-Дону. 1965, стр. 12.

[2] Музафаров. Указ. соч., стр. 104-105.

[3] Там же, стр. 105.

ям, распространения эпидемических заболеваний, в основном сыпного тифа,в Казахстане и Киргизии умерло большое количество переселенцев...[1]

Утверждает А. Дудаев:

Самый страшный и непоправимый удар по чечено-ингушскому народу был нанесен в первые два-три года, когда от голода и самых страшных болезней ему пришлось похоронить в степях Средней Азии десятки и сотни тысяч своих соплеменников[2].

Следует ли распространить цифру смертности в первые полтора года депортации среди крымских татар, т. е. 17,7% на других спецпоселенцев? Сомнительно, так как одни пострадали от спецпереселения больше, другие меньше.

Ниже мы попытаемся определить численные потери этих народов.

Спецпереселенцы утратили не только свой кров и имущество, но и основные гражданские права, гарантированные Конституцией СССР. Их лишили также права на образование. Они не имели возможности читать, издавать и получать литературу и периодическую печать на своем родном языке. Их духовная жизнь замерла.

Жесткий режим спецпоселения сковывал по рукам и ногам.

26 ноября 1948 года, спустя четыре года после депортации, был издан Указ Верховного Совета СССР (он не был опубликован), в котором объяснялось, что все эти народы высланы навечно, без права возвращения на прежние места жительства.

За нарушение установленного режима и порядка передвижения грозило тюремное заключение или каторжные работы – до 25 лет. Приговор выносился Особым совещанием при Министерстве внутренних дел СССР. За пособничество или укрывательство можно было получить 5 лет каторжных работ[3].

Согласно правилам режима, установленного для спецпоселенцев, все они, начиная с грудных младенцев,... становились на так называемый специальный учет. Ежемесячно спецпоселенцы обязаны были отмечаться по месту жительства в спецкомендатурах МВД. Ни один спецпоселенец не мог выехать из пункта своего проживания без ведома и санкции коменданта МВД. Например, чеченцы и ингуши могли передвигаться лишь в радиусе 3 км от своего места проживания[4]. Любопытно, что на партийные собрания спецпоселенцы (некоторых из них оставили в партии) доставлялись на грузовиках в сопровождении вооруженного охранника. После окончания собрания охранник доставлял их к месту проживания. Населенные пункты, в которых проживали спецпоселенцы, были разбиты на

---

[1] Хутуев. Диссертация, стр. 103.

[2] А. Дудаев. Возникновение и основные этапы становления ингушской национальной государственности. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 1964, стр. 186 (рукопись).

[3] Дудаев. Указ. соч., стр. 186.

[4] Там же.

десятидворки, во главе которых были поставлены старшие. Каждые 10 дней они отчитывались о положении дел во вверенной им десятидворке перед комендантом[1].

Между населенными пунктами, районами и областями, в которых проживали спецпоселенцы, были установлены шлагбаумы, учреждены комендатуры, а также посты внутренних войск. На границах же республик и краев "были воздвигнуты своеобразные китайские стены"[2].

Для спецпоселенцев, особенно для тех, кто работал не по месту жительства, а в других пунктах, была установлена система пропусков, которые предъявлялись по первому требованию проверяющего. Отсутствие пропуска могло навлечь на нарушителя серьезные неприятности, от денежного штрафа до ареста с последующим тюремным заключением.

"Если на вопрос коменданта, остановившего автобус у шлагбаума, – есть ли здесь чужие? (имелись в виду переселенцы), следовал отрицательный ответ, то все пассажиры без исключения подвергались проверке"[3].

В 1948 г. режим ужесточился. Теперь даже офицеры Советской Армии, ранее состоявшие на учете в военкоматах, были поставлены на спецучет переселенцев[4].

"Власть на местах" в лице комендантов МВД толковала правила режима в зависимости от своих индивидуальных наклонностей и полета воображения. Самодурство и произвол градоначальников, обессмерченные Салтыковым-Щедриным, воскресли здесь с большим размахом и изощренностью.

Комендант селения Каракундуз Джамбульской области Казахской ССР арестовал во время свадьбы невесту, гражданку Шеваеву Кенетат Харуновну за то, что она вышла замуж за гражданина Эльбаева Ануара Месостовича без его, коменданта, ведома[5].

В Карадаговской роще (Казахстан) 2 мая 1948 г. во время семейного праздника спецвзвод МВД во главе с капитаном проверил документы у всех присутствующих. Документы оказались в порядке. Тогда капитан запретил играть и танцевать... лезгинку (!), назвав ее "бандитской музыкой"[6].

Не все, разумеется, спецпоселенцы смирялись со своим унизительным положением. Некоторые пытались протестовать, иные бежали, стремясь добраться до родных гнезд и укрыться в горах; их ловили, сажали в лагеря, они снова бежали.

Весной 1945 г. в Боровом восстали ингуши. Активное участие принимали чеченцы в знаменитом восстании заключенных в октябре 1954 г.

---

1 Там же.

2 Хутуев. Указ. соч., стр. 102.

3 Там же.

4 Там же, стр. 112.

5 Там же, стр. 102.

6 Там же.

в лагерях, известном под названием "восстание на стройке 521". Известны выступления татар в Чирчике (Узбекистан) [1].

Но наиболее распространенной формой протеста были письма к товарищу Сталину, поскольку он, как известно, был лучшим другом всех народов, а также и Отцом их. Газеты без устали печатали обращения трудящихся к Вождю с рапортами, обязательствами и патриотическими излияниями. Поэтому обращение к Сталину было также и наиболее естественной формой жалобы. Однако одно дело приветствия, а другое – требование справедливости, жалобы на обиды, чинимые представителями власти, а это уже легко могло быть объявлено властью клеветой на советский государственный и общественный строй.

... А за клевету известно, что полагается...

За обращение с письмом на имя Сталина в лучшем случае следовала "разъяснительная работа" сотрудника органов, то есть "промывание мозгов" автору письма. Так, на заявление балкарского писателя Керима Отарова, инвалида войны, просившего отменить несправедливость, допущенную по отношению к балкарцам, сотрудником МВД Киргизии была наложена следующая резолюция: "По аналогичному заявлению я с Отаровым лично беседовал. Переписку в дело"[2].

Но мог быть вариант и похуже: тюрьма или лагерь. Боевой офицер балкарец А. Соттаев, удостоенный многих правительственных наград, за жалобу, адресованную Сталину, в которой он просил прекратить издевательства (не больше – не меньше!) по отношению к переселенцам, получил 25 лет лагерей. Другой его соплеменник Башиев также попал в тюрьму за жалобу и там окончил свои дни. Третий балкарец Караев по аналогичному "преступлению" отсидел в тюрьме 6 месяцев[3]. Таких случаев было немало.

* * *

Как приняли спецпереселенцев местные власти и местные жители, как сложилась в дальнейшем жизнь новоприбывших?

Разумеется, местные власти не были подготовлены к такому колоссальному наплыву людей. Ведь в Средней Азии, в Сибири, на Урале и так уже было много эвакуированного люда, приехавшего с заводами, учреждениями, частным образом. Жилья не хватало. Все помещения были за-

---

[1] Вот что писал об этом известный деятель движения за гражданские права в СССР писатель А.Е. Костерин (ныне покойный) :"В Чирчике (Узбекистан) крымские татары хотели по-своему отметить день рождения В.И. Ленина. У них есть много оснований по-особому относиться к имени этого человека, который дал им автономию, восстановил и укрепил их национальное достоинство, их язык и культуру. И что же? Органы нашего порядка пустили против мирно беседующих татар струи отравленной воды из пожарных брандспойтов, дубинки. Было арестовано до 300 человек" (А.Е. Костерин. Раздумья на больничной койке. М., 1968, стр. 13 (рукопись).

[2] Хутуев. Указ. соч., стр. 105.

[3] Там же, стр. 103.

няты. Немудрено поэтому, что вновь прибывших ожидали условия ужасные, прямо скажем, нечеловеческие.

На 1 сентября 1944 г. в Киргизии из 31 тыс. семей переселенцев только 5 тыс. были обеспечены жильем. Во Фрунзенской области на 8950 семей нашлось только 1675 комнат, т. е. по пять семей в одну комнату[1]. В Каменинском районе для 900 семей было приготовлено 18 квартир, т. е. по 50 семей в одну квартиру! В Таласской области 116 семей жили попросту под открытым небом. В Ленинопольском районе этой же области для 625 семей нашлось только 163 комнаты[2]. В Куршабском районе в комнатах площадью от 6 до 12 кв. м жили по 2-3 семьи, а в каждой до 10 человек, т. е. по 20-30 человек на комнату[3].

Поистине нужно обладать незаурядным воображением, чтобы представить себе весь ужас повседневной жизни спецпереселенцев, которых только в Казахстане и Киргизии насчитывалось около 645 тыс. человек. Они были размещены в 4036 колхозах, 254 совхозах, 167 городах и рабочих поселках, где работали на 2500 промышленных предприятиях[4]. Лишь спустя 14 лет, в 1958 году, постоянную жилищную площадь получили 93,8% всех семей, насильственно переселенных в Казахстан и Киргизию[5]. Но тут пришла пора им возвращаться...

Работа, которую получали спецпереселенцы, была чаще всего тяжелая. Калмыки, например, были отправлены в рыбопромысловые районы Омской области Красноярского края (здесь они работали и на лесоповале), в Ханты-Мансийский округ, на Таймыр. Климат здесь был холодный, суровый, совсем иной, чем знойный климат Каспия. И калмыки гибли.

Гибли спецпоселенцы на разных работах от дистрофии и других болезней, от холода, недоедания и просто от тоски по родине.

Шла война, и повсеместно ощущалась нехватка рабочих рук. Местным властям было предписано максимально использовать вновь прибывших на предприятиях и в сельском хозяйстве. Союзным республикам Средней Азии, Казахской ССР, краевым и областным властям севера и северо-востока РСФСР были выделены средства для строительства жилья и оказания минимальной помощи спецпоселенцам в одежде и продовольствии.

Средний заработок переселенцев был на 20-30 % ниже среднего заработка кадровых рабочих на тех же предприятиях. Вновь прибывшие зачастую не обладали нужной квалификацией, и работа для них была непривычной. То же самое происходило и в колхозах. В 1945 г. количество трудодней, выработанных в среднем на одного спецпоселенца в колхозах Казахстана, составляло 133,3, местные же жители вырабатывали в среднем 220-240 трудодней. Причины оставались теми же: ненормальные

---

1 Хутуев. Указ. соч., стр. 107.

2 Там же.

3 Там же, стр. 108.

4 Хутуев. Указ. соч., стр. 106-107.

5 Там же, стр. 134.

бытовые условия, незнакомая большинству работа, непривычный климат[1].

И все же тем, кто получил постоянную работу, повезло. В Узбекистане, например, крымских татар зачастую просто не брали на работу, едва устанавливали их национальную принадлежность, а те, кому все же удавалось устроиться, вскоре с работы изгонялись[2].

Из числа трудоспособных тяжело пришлось людям умственного труда, интеллигенции. Татарский писатель Джавтобели стал каменщиком, другой известный крымский писатель А. Джерменджи – кладовщиком совхоза в Гурьеве. ... Дерменджи, не выдержав постоянных преследований за свою национальную принадлежность, повесился[3].

И поэтесса русская, гордость наша, Марина Цветаева, тоже наложила на себя руки во время войны в Елабуге, не выдержав тягот жизни, голода и унижений. Нет, не была она на спецпоселении, в эвакуации жила. Вокруг нее были писатели, знаменитые писатели, и их жены тоже. Кто из них протянул ей руку помощи, кто попытался помочь ей, кто своей природной писательской интуицией почувствовал в ту проклятую ночь, что вот сейчас погибнет человек редкого, богом данного таланта?!

Шла война...

Спецпереселенцы были голодны, разуты и раздеты. Покрывали ли ассигнования для их поддержки и последующая материальная помощь имущественные потери, понесенные в результате депортации? На родине, откуда их насильственно выселили, они потеряли свои дома, усадьбы, скот, хозяйственную утварь, домашнюю обстановку, библиотеки, ценности и одежду. Фактически миллион человек был подвергнут в 1943-44 годах не то что экспроприации, а скорее пауперизации. Они были низведены в первые годы спецпоселения на уровень бесправных и преследуемых нищих. Домами выселенных завладели новые поселенцы. Имущество депортированных подверглось разграблению. Их личные вещи были присвоены теми, кто осуществлял депортацию, – сотрудниками бериевского министерства внутренних дел и солдатами, производившими выселение. Из общественного же имущества, ликвидированного в результате выселения, государством была использована лишь половина, другая половина была безвозвратно утеряна. В период острой нехватки продовольствия в стране скот в обезлюдевших районах остался без всякого присмотра и ухода, большая часть его погибла[4].

В Казахстане и Киргизии материальные трудности первых месяцев препятствовали активному участию спецпереселенцев в производстве. В 1944 г. из учтенного в Казахстане трудоспособного переселенческого населения – 219.665 человек не работало 85 тысяч. В Киргизии не работало 14.216 человек из лиц, считавшихся трудоспособными[5].

---

1 Хутуев. Указ. соч., стр. 144.

2 Музафаров. Указ. соч., стр. 107.

3 Там же.

4 Хутуев. Указ. соч., стр. 198.

5 Там же, стр. 110.

Центральные комитеты компартии союзных республик и обкомы, а также облисполкомы обязаны были регулярно докладывать в ЦК ВКП (б) сведения о трудовом и бытовом устройстве переселенческого населения.

В течение долгих лет принудительного поселения местные партийные и государственные органы не раз принимали постановления о хозяйственном и трудовом устройстве спецпоселенцев.

Так, в постановлении СНК и ЦК КП (б) Киргизии "О состоянии хозяйственного и трудового устройства переселенцев" от 11 сентября 1944 года осуждались те руководители местных партийных и государственных органов, которые не давали переселенцам выделенного для них из республиканских и местных фондов продовольствия. Этим в постановлении объяснялись участившиеся случаи смерти среди переселенческого населения от истощения и инфекционных заболеваний[1].

В постановлении от 12 октября 1945 г., т. е. спустя год, руководство Киргизии продолжало требовать принятия мер и усиления борьбы с массовым распространением эпидемических заболеваний, вызвавших большую смертность[2]. В постановлении СНК и ЦК Киргизии от 21 ноября 1946 г. о выполнении Быстровским райкомом партии постановления ЦК КП (б) Киргизии "О состоянии хозяйственного и трудового устройства переселенцев в Киргизской ССР" хотя и констатировалось, что переселенцы полностью трудоустроены, но тут же отмечалось, что выделенных средств для нормализации их жизни, а именно – обеспечения продовольствием, одеждой, жильем, борьбы с эпидемическими заболеваниями, явно недостаточно.

В декабре 1945 г. СНК и ЦК КП (б) Казахстана обратились лично к Молотову с просьбой об оказании помощи республике в завершении хозяйственного и трудового устройства переселенцев, находящихся на территории Казахстана. Но Молотов даже не стал рассматривать этой просьбы. Точно так же поступил и секретарь ЦК ВКП (б) Маленков с аналогичной просьбой Киргизского СНК и ЦК[3].

Даже спустя четыре года после переселения в Акмолинской, Актюбинской, Кокчетавской, Кустанайской, Северо-Казахстанской и Семипалатинской областях Казахской ССР было учтено 118.259 переселенцев, остро нуждающихся в продовольствии. Среди них 2590 человек страдали дистрофией из-за недоедания и истощения[4].

Дети! Они составляли половину в контингенте спецпереселенцев. Тысячи их умирали. Тем же, кто выжил, нужно было учиться. Но дело со школьным образованием обстояло довольно сложно.

В Казахстане в 1944 г. из 50.323 детей спецпоселенцев школьного возраста посещали школу всего 16 тысяч, а в Киргизии в 1945 г. из 21.015 детей ходили в школу лишь 6643[5].

---

1 Хутуев. Указ. соч., стр. 118.
2 Там же, стр. 124.
3 Там же, стр. 132.
4 Хутуев. Указ. соч., стр. 138.
5 Там же, стр. 113.

Школ, в которых преподавание бы велось на родных языках переселенцев, не было. Прекратился выпуск учебников и пособий на этих языках. Других же языков большинство детей не знало. Были и другие препятствия. В одном из партийных документов того времени говорилось:

> Положение со школьным обучением детей переселенцев по сравнению с первым периодом несколько улучшилось, однако до сих пор остается неудовлетворительным. Объясняется это незнанием большинством детей языков, на которых ведется преподавание в местах расселения, отдельными фактами противодействия обучению со стороны родителей, а также раздетостью и разутостью, вследствие чего в зимние периоды большинство детей, привлекаемых к обучению, вынуждено посещение школы прекратить[1].

В Новосибирской области, например, не посещало школы до 35% детей калмыцкой национальности[2].

Но даже те дети, которым посчастливилось окончить начальную, в лучшем случае семилетнюю школу, не могли рассчитывать на продолжение образования, так как спецпоселенцы были ограничены в передвижениях, а полные средние школы были не повсюду. Это было не единственным препятствием. Были и другие. Опасение директоров школ навлечь на себя недовольство вышестоящих инстанций за прием детей репрессированной национальности, проблема жилья, содержания и пр.

Тем же, кто, преодолев все препятствия, поступал в высшее или среднее специальное учебное заведение, часто не давали стипендий, не предоставляли общежития, преследовали за национальную принадлежность. Так, студент Киргизского педагогического института М. Бабаев был выселен из общежития за то, что он балкарец. Учитель Ш. Чеченов (позднее министр просвещения Кабардино-Балкарской АССР) был снят с уроков в школе и арестован на 5 суток за то, что он просрочил пропуск, задержавшись на экзаменационной сессии в педагогическом институте г. Фрунзе[3].

В своей диссертации, а также в ряде опубликованных работ Д. Номинханов, стараясь показать, как в условиях спецпереселения калмыкам предоставлялась возможность учиться в высших учебных заведениях, приводит убийственные цифры, свидетельствующие как раз о противоположном. По данным, приводимым им, в 1947 г. Абаканский государственный учительский и педагогический институт окончило... названо 4 фамилии и добавлено "и др." За 5 лет, 1948-1953 гг., окончили ВУЗы еще четверо, а также "др." Омский педагогический институт окончил 1 калмык. Заочно окончили пединституты в 1953 г. 3 человека, в 1954 – один, впрочем, "и др."![4]

В Научно-исследовательском институте языка, литературы и истории Хакасии работал один калмык в должности старшего научного сотруд-

---

1 Номинханов. Диссертация, стр. 177.
2 Там же.
3 Хутуев. Указ. соч., стр. 114-115.
4 Номинханов. Диссертация. Указ. соч., стр. 184.

ника. В упомянутом Абаканском институте работал старшим преподавателем 1 калмык, кандидат наук. Один калмык защитил кандидатскую диссертацию в Омске. В Казанском государственном университете защитил диссертацию на степень кандидата филологических наук 1 калмык – писатель Аксен Сусеев[1].

В "Очерках истории Калмыцкой АССР" приводится список окончивших высшие учебные заведения калмыков в годы высылки – в основном по 1 чел. в каждом высшем учебном заведении[2].

После столь "ободряющих" данных Номинханов приходит все же к далеко не оптимистическому выводу: "Несомненно, переселение приостановило культурное развитие калмыцкого народа..."[3]. Это заключение справедливо и в отношении других репрессированных народов.

* * *

Режим режимом, но надо было работать, зарабатывать на семью, на себя, чтобы прожить, вернее, чтобы выжить.

Желание выжить, сохранить не только своих близких и самого себя, но и свой народ, чтобы, может быть, когда-нибудь возвратиться в родные места, было и подсознательным инстинктом, и вполне осознанной целью.

Так уж устроен человек, что даже в условиях ужасающей скученности, нужды, голода, морального подавления спецпоселенцы не утратили человеческого облика. У них, так же как и у других, относительно более свободных людей, шла жизнь с не одними ее горестями, но и с радостями. Не только хоронили и оплакивали своих мертвецов, но создавали новые семьи, рожали детей. Спецпоселенцы строили машины, добывали уголь в шахтах.

Труд, как бы он ни был тяжел, помогал выжить и горцам, и степнякам.

Подавляющее большинство спецпоселенцев оставалось покорным власти, которая вырвала их из земли отцов, оскорбляла и унижала без конца, и, несмотря на это, если они и помышляли о чем-нибудь, то лишь о справедливости, которую восстановит та же самая власть.

Да, в этом смысле спецпереселенцы оставались патриотами. Они не восставали, бунтовали лишь изредка и трудились, становились ударниками, отличниками производства, победителями в социалистическом соревновании. Постепенно местные привыкли к ним, считали за своих товарищей, премировали за хорошую работу, ставили в пример другим и (хвала Аллаху!) даже писали об их трудовых патриотических делах не только в стенгазетах или в многотиражках, но и в районной , и областной печати...

Подрастало новое поколение, не видевшее ни кавказских гор, ни степей Прикаспия, ни теплого моря. Это новое поколение несло в себе такой сильный заряд любви и нежности к земле отцов и матерей своих,

---

1 Там же, стр. 190.

2 Очерки истории Калмыцкой АССР. Указ. соч., стр. 330-331.

3 Номинханов. Диссертация. Указ. соч., стр. 191.

чго, пройди еще тысяча, нет, две тысячи лет, но тяга эта, подобно силе земного тяготения, все равно сохранится и все препятствия на пути домой из рассеяния будут преодолены.

А Власть в общем-то была довольна: спецпереселенцы постепенно включились в трудовой процесс, обживаются на новых местах, смиряются и привыкают.

Из Алма-Аты, из Фрунзе, из Ташкента, из дальних сибирских краев, областных и окружных центров сообщали в Москву регулярно о положении и политико-моральном состоянии спецпереселенческого населения.

В одном из документов, посланных из Казахстана в Москву, так писалось о спецпереселенцах:

> Большинство из них, как занятые в промышленности, так и в сельском хозяйстве, к делу относятся добросовестно, принимают участие в социалистическом соревновании, число ударников и стахановцев систематически увеличивается[1].

В "Истории Кабардино-Балкарской АССР" констатируется:

> Балкарцы были переселены – в Казахстан и Киргизию. Но, несмотря на эту несправедливость, балкарцы показали высокое чувство патриотизма. Они активно включились в трудовую жизнь. Подавляющее большинство их работало честно и добросовестно[2].

"Балкарцы патриотически трудились в Киргизии и Казахстане" – отмечается в другом официальном издании[3]..

* * *

Смерть Сталина в марте 1953 г. и устранение Берии в июле того же года сказались на положении спецпереселенцев лишь спустя год. В июле 1954 г. вышло постановление Совета Министров СССР "О снятии некоторых ограничений в правовом положении переселенцев". Тем, кто занимался общественно полезным трудом, было разрешено свободно проживать в данной области, крае, республике, они получили право свободного передвижения по служебным (но не по личным!) делам на территории страны на общих основаниях. Явка на регистрацию в органы МВД теперь стала ежегодной вместо ежемесячной.

Власть проявила неслыханную до того гуманность... разрешила снять с учета спецпереселенцев детей в возрасте до 10 лет включительно... Наконец-то малолетние дети освобождались от административного надзора и от ограничений!

Снимались с учета юноши и девушки старше 16 лет (т. е. те, кому по закону полагалось выдать паспорт) в том случае, если они зачислялись

---

[1] Номинханов. Диссертация. Указ. соч., стр. 164.

[2] История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до нашего времени. Том 2. М., 1967, стр. 287.

[3] Очерки истории кабардино-балкарской организации КПСС, Нальчик, 1971, стр. 242.

в учебные заведения. Им разрешался выезд к месту учебы в любой пункт страны.

Штрафы и аресты как мера наказания за нарушение режима в местах поселения были отменены.

Одновременно предписывалось вовлекать переселенцев в профсоюзы и в комсомол, поощрять их наряду с другими трудящимися, использовать в соответствии с образованием и специальностью[1]. Нет сомнения в том, что это постановление значительно улучшило положение спецпоселенцев. Но оно одновременно служило и свидетельством узаконенного произвола, который применялся по отношению к спецпоселенцам в прошедшие годы. Уже один тот факт, что нужно было специальным пунктом указать в постановлении Совета Министров СССР, что снимаются со спецучета дети в возрасте до 10 лет, говорит сам за себя.

Теперь для власти было важно смягчить ожесточенные сердца тех, кто был насильственно вырван из обычной жизни. Надо было помочь поскорее залечить глубокие кровоточащие раны. Что же сделать для этого? Усилить среди спецпереселенцев воспитательную работу!

Да, именно так стоял вопрос еще спустя два года после смерти Сталина: не о немедленном возвращении обиженных народов на родину, а "Об усилении агитационно-массовой и культурно-воспитательной работы среди переселенцев" – так и называлось новое постановление Совета Министров СССР, изданное 26 июня 1955 года[2]. Возвращение на родину еще дебатировалось тогда в верхах, быть ему или не быть. Шла подготовка к съезду партии, который должен был все решить для нашей страны: пойдем ли мы вперед со старым страшным грузом наследия Сталина и его времени или сбросим эту ношу и шагнем в будущее. То было время, когда на заседаниях Президиума ЦК КПСС нет-нет да возникали ожесточенные схватки между верными соратниками Покойного и тем, кто поддерживал Н.С. Хрущева в его стремлении избавиться от преступлений прошлого. Эта борьба, как свидетельствует сам Н.С. Хрущев, достигла своего апогея в дни, когда заседал XX съезд КПСС[3].

К этому времени участились случаи самовольного появления на Кавказе горцев, приехавших из Средней Азии и заявлявших права на свои дома. Однако возвращению на родину должна была предшествовать необходимая подготовка. Да и вопрос о том, кого возвращать, был далеко не ясен. Пока что о чеченцах, ингушах и крымских татарах и речи не было. Однако постановление Совета Министров касалось всех. После постановления появились плакаты, газеты, а затем и книги на национальных языках, из запасников на книжные полки были водворены произведения художественной литературы местных писателей и переводы классиков русской и мировой литературы. Многие переселенцы из молодого поколения впервые брали в руки книги на своем родном языке.

---

1 Хутуев. Указ. соч., стр. 163.

2 Хутуев. Указ. соч., стр. 164-168.

3 Khrushchev Remembers. Op. cit.,p. p. 346-349.

Было рекомендовано выдвигать переселенцев в местные органы власти, на должности не очень-то важные, но все-таки выдвигать[1].

В период интенсивной подготовки к XX съезду партии последовало новое постановление Совета Министров СССР, вызванное непрекращающимся и все растущим нажимом со стороны спецпереселенцев. Среди них многие были в прошлом партработниками, партизанами, участниками Отечественной, а то и гражданской войны. Они требовали полного устранения несправедливости, т. е. возвращения на родину и восстановления автономии. Самовольное возвращение чеченцев, ингушей и карачаевцев участилось. Никакими силами нельзя было изгнать возвратившихся. В ряде случаев происходили инциденты с насилием и кровью. Среди руководства партии курс Хрущева начал обозначаться более четко. Подавляющее большинство партийных масс этот курс поддерживало. Только бескомпромиссный отказ от сталинского наследия, публичное осуждение сталинских методов и практики могли укрепить положение группы Хрущева, нравственно оправдать ее претензии на власть.

Еще одно постановление Совета Министров СССР (от 20 ноября 1955 г.) отражало борьбу в партийном руководстве и боязнь полного разрыва с прошлым его влиятельной части и потому носило компромиссный характер.

Снимались со спецучета:

– участники Отечественной войны, награжденные орденами и медалями, семьи погибших фронтовиков, преподаватели учебных заведений;

– женщины переселенки, вступившие в законный брак с местными жителями;

– женщины национальностей, не подлежащих выселению, но последовавшие за своими мужьями в ссылку, по признаку их супружеских отношений, которые к моменту издания этого постановления прекратились, т. е. речь шла о вдовах и разведенных;

– одинокие инвалиды, неизлечимо больные, не могущие самостоятельно обеспечить свое существование[2].

Казалось бы, что эти категории автоматически получали теперь право возвратиться к прежнему месту жительства. Но, как говорится, не тут-то было.

Время привело в движение новые силы, новые факторы. С одной стороны, массовый отъезд из Средней Азии, Казахстана и Сибири переселенцев должен был неблагоприятным образом отразиться на состоянии экономической жизни этих районов. С другой, массовое возвращение на прежние места таило опасность обострения межнациональных отношений, а также и хозяйственного уклада. Ведь дома, усадьбы, рабочие места выселенных уже давно были заняты переселенцами из других республик. Поэтому на первых порах Совет Министров СССР возвращение запретил[3].

---

1 Хутуев. Указ. соч., стр. 168.

2 Хутуев. Указ. соч., стр. 170.

3 Хутуев. Указ. соч., стр. 171

Как видно из этого постановления, снятие со спецучета некоторых категорий выселенных не распространялось на их семьи. Среди спецпоселенцев бурлило недовольство. Откладывать и дальше решение этой проблемы казалось в тех конкретных условиях совершенно невозможным, ее надо было решить хотя бы частично. Так и было сделано.

В известной, хотя и неопубликованной в СССР, речи Н.С. Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС он назвал выселение карачаевцев, балкарцев и калмыков "грубым попранием национальной политики советского государства". Он подчеркнул массовый, поголовный характер выселения. Характерно, что Хрущев не упомянул о том, что подавляющее большинство выселенных были дети и женщины, но не забыл подчеркнуть, что среди них были коммунисты и комсомольцы. Он отклонил довод, будто при выселении руководствовались военными соображениями, так как на самом деле в то время уже определился прочный перелом в ходе войны в пользу СССР. Хрущев не забыл упомянуть о намерении Сталина выслать украинцев, но их оказалось "слишком много и некуда выслать. А то бы он и их выслал". В заключение Хрущев упомянул все-таки о женщинах и детях, но сделал это в весьма своеобразной форме:

> Не только марксист-ленинец, но и просто здравомыслящий человек не может себе представить, как можно сделать ответственными целые народы, включая женщин, детей, стариков, коммунистов и комсомольцев, обрушить на них массовые репрессии и обречь их на унижения и страдания за враждебные действия отдельных людей или групп людей[1].

Легко заметить, что возмущение Хрущева почему-то не коснулось трех наиболее многочисленных народов из числа репрессированных: немцев, чечено-ингушского народа и крымских татар. Ни единым словом не обмолвился он о судьбе турок, курдов, греков, хемшилов, многих десятков тысяч армян, о депортированных прибалтах, жителях Западной Украины, Западной Белоруссии, Молдавии и Буковины. Таким образом большая часть депортированного населения оказалась как бы вне поля зрения партийного руководства.

И все же публичное осуждение массовых репрессий против народов Кавказа и Калмыкии на XX съезде КПСС имело огромное принципиальное значение для судьбы всех депортированных народов. Оно свидетельствовало также и об искреннем желании нового руководства, во всяком случае ведущей части его, исправить извращения в национальной политике, ликвидировать назревший кризис в этой сфере.

То было доброе начало, предвестник важных перемен в жизни нашего многонационального общества.

Спустя месяц после съезда, 13 марта 1956 г., последовало еще одно постановление Совета Министров СССР, согласно которому семьи спецпереселенцев, указанных в предыдущем постановлении, также снимались с учета спецпоселенцев, а инвалидам было разрешено возвратиться на

---

[1] Речь Н.С. Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС излагается в обратном переводе с английского языка.

прежние места жительства. Еще спустя 10 дней спецпереселенцам была возвращена почетная конституционная обязанность – быть призванными на военную службу. Переселенцев-призывников снимали со спецучета и теперь ставили на военный учет[1]. На этом события не задержались.

28 апреля 1956 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР "О снятии ограничений по спецпоселению с крымских татар, балкарцев, турок – граждан СССР, хемшилов и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны"[2].

Лед действительно тронулся, если такой опытный и осторожный государственный деятель, как А.И. Микоян, принял летом 1956 г. представителей чеченцев и ингушей, а Л.И. Брежнев, в то время первый секретарь ЦК КП Казахстана, делегацию балкарцев, с которой дружески беседовал[3]. Из Москвы на места проживания поселенцев были отправлены ответственные работники центрального аппарата, которые проводили собрания переселенцев и закрытые партсобрания. На собраниях открыто дискутировался вопрос о возвращении на родину.

В верхах вокруг возвращения чеченцев и ингушей разгорелась острая борьба. Сначала была предпринята попытка организовать массовую вербовку чеченцев и ингушей на работы в другие районы страны. Но чеченцы и ингуши дружно игнорировали это предложение. Было запрошено мнение руководителей Грозненской области – первого секретаря обкома КПСС А.И. Яковлева и председателя облисполкома Коваленко. Мнения разделились: Яковлев высказался против возвращения[4], Коваленко же решительно выступил за возвращение чеченцев и ингушей и восстановление Чечено-Ингушской АССР. Затем при помощи партийного актива чеченцев и ингушей начали уговаривать согласиться на создание автономной республики с центром в г. Чимкенте (Узбекистан). Когда же и этот план провалился, то был выдвинут новый: чеченцы и ингуши возвратятся на Кавказ, но центром республики будет не Грозный, а Кизляр.

Между тем,уже в 1954 году на Чечню начали "прорываться" выселенные в Среднюю Азию чеченцы. Их изгоняли, арестовывали, но приезжали другие, и все начиналось сначала. В 1955 году самовольно вернувшихся стало больше, а после XX съезда партии десятки тысяч чеченцев и ингушей двинулись на родину. Обеспокоенные тем, что Хрущев в докладе на XX-ом съезде не упомянул о них, чеченцы и ингуши направили делегацию в Москву. Тысячи чеченских семей скопились на железнодорожных

---

[1] Хутуев. Указ. соч., стр. 171.

[2] Хутуев. Указ. соч., стр. 175.

[3] Там же, стр. 176.

[4] Джебраил Картоев, инженер-химик, участник Отечественной войны, уполномоченный по Киргизии по организации возвращения чеченцев и ингушей на родину быд свидетелем того, как Яковлев, чтобы наглядно продемонстрировать невозможность возвращения чеченцев и ингушей, наполнил графин водой до краев и спросил: "Можно ли еще налить в графин воды?" Картоев взял графин, отлил половину, а затем чашкой долил графин водой доверху. "Вот видите, – сказал Картоев, – так можно..." (о судьбе обоих см. ниже).

станциях, но было отдано категорическое распоряжение не продавать им железнодорожных билетов. Вопреки всем призывам и препонам в 1956 г. возвратилось 25-30 тысяч чеченцев и ингушей. Их не пускали в принадлежавшие им до выселения дома. Они рыли рядом землянки и селились в них. Но прежде всего возвратившиеся восстанавливали кладбища, где были похоронены их предки, ставили ограды, очищали памятники, хоронили привезенных с собой из Средней Азии умерших родственников. Когда русское население увидело, что восстанавливаются кладбища, оно поняло, что чеченцы возвращаются надолго...

Решимость, проявленная чеченцами и ингушами, сделала свое дело. Не считаться с ними нельзя было. Ведь вместе они составляли около 500 тысяч. Так чеченцы и ингуши добились своего включения в постановление ЦК КПСС от 24 ноября 1956 г. "О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов". В постановлениях отмечалось, что ранее принятые меры по восстановлению прав высланных народов недостаточны. Сама высылка осуждалась как акт произвола и беззакония. Отмечалось также, что уже принятые меры не решают задачи полной реабилитации и восстановления равноправия выселенных народов среди других народов Советского Союза. При большой территориальной разобщенности и отсутствии автономного объединения нет необходимых условий для всемерного развития этих наций, их экономики и культуры. ЦК считал необходимым восстановить национальную автономию, разрешить возвращение, но исключительно на добровольных началах, желающие могли оставаться на новых местах поселения.

Возвращение предполагалось провести в организованном порядке, чтобы не создавать затруднений с трудоустройством и размещением. Для калмыков, карачаевцев и балкарцев (т.е. для малочисленных народов – А.Н.) срок был установлен 1957-1958 гг., а для чеченцев и ингушей – 1957-1960 гг.[1]

9 января 1957 г. последовали Указы Президиума Верховного Совета СССР "О преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР", "О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР", "Об образовании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР", "О преобразовании Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую автономную область". 11 февраля 1957 г. эти указы обрели силу законов[2].

Но о крымских татарах, о немцах Поволжья – ни слова, будто их и на свете нет.

---

[1] Хутуев. Указ. соч., стр. 178.

[2] Ведомости Верховного Совета СССР, 24 февраля 1957 г., № 4 (871), стр. 134.

Глава V. Возвращение наказанных народов Северного Кавказа и Калмыкии

Выселенные в 1943-44 гг. кавказцы начали возвращаться на родину уже в 1954 году. Делали они это, как выше уже упоминалось, на свой собственный страх и риск, так как самовольное возвращение каралось тюремным заключением или лагерем.

Но всему свое время. Наступило время возвращения, и теперь ни угрозы, ни страх не могли помешать или воспрепятствовать этому движению нарсдов на свою историческую родину. Самовольное возвращение ускорило принятие официальных решений о восстановлении упраздненных автономий.

Если бы крымские татары, подобно кавказцам, двинулись бы в то время тысячами в Крым, то, вероятно, и они добились бы восстановления своей автономии в рамках Украинской ССР. В этом смысле крымские татары, по-видимому, потеряли свой исторический шанс.

Нет, далеко не все возвращались к своим погасшим очагам.

Выселенные народы потеряли к моменту возвращения значительную свою часть. Официальная статистика на этот счет если и существует, то запечатана за семью печатями. Однако имеющиеся отдельные демографические данные позволяют произвести приблизительный подсчет потерь. Попытаемся представить эти потери в виде таблиц. Исходными данными послужили сведения о переписях населения 1926, 1939, 1959 и 1970 гг., данные о процентном соотношении численности наказанных народов к численности всего населения Советского Союза, а также о потерях населения страны в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Таблица № 1

Изменение численности населения среди депортированных народов Северного Кавказа и Калмыкии (по материалам всесоюзных переписей населения /в тыс. чел./).

	1926	1939	1959	1970
чеченцы	319	408	419	613
калмыки	129	134	106	137
ингуши	74	92	106	158
карачаевцы	55	76	81	113
балкарцы	33	43	42	60

Даже эта таблица дает общее представление о катастрофе, которая про-

изошла с этими народами между 1939 и 1959 гг. Истинные же размеры этой трагедии мы представим в виде другой таблицы.

Таблица № 2

Чистые потери депортированных народов между 1939 и 1959 гг. (после вычета военных потерь /в тыс. чел./).

1939 =100%	Ожидаемый рост населения в 1959 г.		Чистые потери	
	В абсолютных цифрах	в %	В абсолютных цифрах	в %
чеченцы	590	38	131	22
калмыки	142	7	22	14,8
ингуши	128	38	12	9
карачаевцы	124	63	37	30
балкарцы	64	49	17	26,5

Эти цифры приближаются к минимальным, но не к максимальным.

Восстановление Карачаевской Автономной области

Спустя месяц после восстановления Карачаево-Черкесской автономной области собрался вновь избранный Ставропольский Совет депутатов трудящихся. Из 162 депутатов было 4 карачаевца, 3 калмыка и 139 русских[1].

Состав населения Карачаево-Черкесской области изменился с 1939 г. до следующей переписи населения в 1959 г. незначительно.

Число карачаевцев в автономии сократилось с 70,9 тыс. чел. до 67,8 тыс. чел., т. е. с 28,8% от всего населения автономии до 24,4%. Русские по-прежнему составляли большинство населения – 141,8 тыс. чел. или 51% населения по сравнению со 119,8 тыс. чел. и 48,7% в 1939 г. Возросло также черкесское население, примерно на треть[2].

В марте 1957 г. бюро Карачаево-Черкесского обкома КПСС и исполкома областного Совета депутатов приняли решение о размещении карачаевского населения на территории области[3]. В том же году было куплено и построено 6,5 тыс. индивидуальных домов и 2644 времянок. 2805 семей карачаевцев были размещены в коммунальных квартирах и временных жилых помещениях[4]. Намечался приезд около 7500 карачаевских семей в 1958 г. Для организованной отправки в Казахстан и в Среднюю Азию выехала оперативная группа во главе с заместителем председателя

---

1 "Ставропольская правда", 22 марта 1957 г.

2 См. Коркмасова. Указ. соч., стр. 498.

3 "Ставропольская правда", 27 марта 1957 г.

4 М.М. Бекижев. Партийное руководство культурным строительством в Карачаево-Черкесии (1920-1967 гг.). Диссертация. Рукопись. Пятигорск, 1969, стр. 164.

облисполкома. Возвращение карачаевцев было в основном завершено в 1959 г. На жилищное строительство было выделено более 47 млн. рублей и на другую помощь – около 7 млн. руб. (в новом исчислении). Развернулось строительство всякого рода культурных учреждений. С 10 апреля 1957 г. вновь начала выходить областная газета на карачаевском языке – "Къызыл Карачай" ("Красный Карачай"), начали возрождаться литература и искусство[1].

Восстановление Кабардино-Балкарской АССР

После принятия Верховным Советом СССР закона о преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую (февраль 1957 г.) сразу же началось плановое переселение балкарцев из Казахстана и Киргизии.

28 марта 1957 г. на заседании Верховного Совета Кабардино-Балкарской АССР первый секретарь обкома Т.К. Мельбахов, сообщив о полной реабилитации балкарцев и восстановлении объединенной автономии, предупредил: "Переезд балкарцев в Кабардино-Балкарскую АССР должен производиться только организованно и в порядке очередности". Одновременно депутаты узнали, что переезд запланированных на 1957 г. 20 тыс. балкарцев уже состоялся. На 1958 г. было назначено окончание переселения.

Возвратившихся было намечено разместить в Советском, Эльбрусском и Чегемском районах и в некоторых населенных пунктах плоскостных районов. Ожидалось, что во вновь созданных колхозах балкарцы создадут большое общественное животноводческое хозяйство[2].

Балкарцы возвращались в фактически разоренные места. Председатель госплана КБ АССР И. Казмахов в своей статье "Быстрее восстановить экономику и культуру Балкарии" откровенно признавал, что после переселения балкарцев в Казахстан и Киргизию районы, в которых они раньше проживали, оказались в течение 14 лет заброшенными.

> Как известно, – писал он, – в настоящее время Верхняя и Средняя Балкария, Карасу и Безенги, Верхний Чегем и Актопрак, Верхний Баксан, Терскол и Хабаз почти пустуют, а громадные природные ресурсы в этих местах, в частности богатейшие альпийские луга и сенокосы, на базе которых в прошлом развивалось крупное животноводческое хозяйство, развивались плохо. В связи с этим встает задача освоения этих районов и восстановления экономики и культуры всей Балкарии[3].

В республике развернулось строительство домов, школ, ветеринарных пунктов. Возвращающимся семьям балкарцев предоставлены кредиты 10 тыс. рублей на семью на строительство домов с погашением после тре-

---

[1] Там же, стр. 166.

[2] Заседание Верховного Совета Кабардино-Балкарской АССР четвертого созыва (пятая сессия). Стенографический отчет. Нальчик, 1957, стр. 4-5.

[3] "Кабардино-Балкарская правда", 10 апреля 1957 г.

тьего года вселения в построенный дом. Отпускаются кредиты на ремонт старых домов – до 3 тыс. рублей в кредит на три года, на приобретение коров – 1,5 тыс. рублей[1] (в старом исчислении).

В 1957-59 гг. возвратилось 9.522 балкарских семьи или 35.982 человека, из них трудоспособных – 14.075[2].

По всей республике происходит восстановление в правах балкарского народа. 20 марта 1957 г. выходит последний номер "Кабардинской правды"[3], а 22 марта первый номер "Кабардино-Балкарской правды"[4]. Правда торжествует...

Восстанавливаются прежние наименования: Заречное снова становится Лашкутой, а Иалбузи – Эльбрусом[5].

Заместитель председателя Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР пишет, нимало не смущаясь, такие прочувствованные слова:

> Нигде и никогда, ни в одной стране, переселенцы не пользовались таким вниманием и не получали от государства такой поистине великой помощи. Только в нашей стране, обладающей высокоразвитой индустрией и могучей экономикой, возможны такие материальные и денежные расходы на нужды переселенческого населения[6].

Оказывается, балкарцы всего-навсего переселенцы!

> В годы войны, – с печалью отмечает Х.И. Хутуев, – погибли тысячи людей. Среди них были и представители балкарской интеллигенции. Значительное количество умерло в годы пребывания балкарцев в Средней Азии. Фактически создание балкарской интеллигенции было прекращено[7].

Тем самым затормозилось и культурное развитие балкарского народа, лишенного в течение 14 лет своих национальных атрибутов: культуры, школ, литературы, искусства.

К началу возвращения балкарцев на родину в 1957 г. в Кабардино-Балкарской АССР из 5243 лиц с высшим образованием балкарцев насчитывалось всего 74 человека, а из 6915 лиц, имеющих среднее образование, балкарцев было лишь 140[8]. Среди них не было ни одной женщины. Спустя пять лет, в 1962 г., число балкарцев, получивших высшее образование, возросло в 2,6 раза (193 чел.), а со средним образованием в 3,3 раза (466 чел.), женщин среди тех и других было 247[9]. Эти данные свидетель-

---

1 Там же, 21 мая 1957 г.

2 Х.И. Хутуев. Указ. соч., стр. 237.

3 "Кабардинская правда", 20 марта 1957 г.

4 "Кабардино-Балкарская правда", 22 марта 1957 г.

5 Там же, 24 августа 1957 г.

6 Там же, 24 сентября 1957 г.

7 Х.И. Хутуев. Указ. соч., стр. 306.

8 Народное хозяйство Кабардино-Балкарской АССР. Статистический сборник. Нальчик, 1964, стр. 131.

9 Там же.

ствуют не только о быстром развитии культуры после возвращения, но и о колоссальном ущербе, нанесенном образованности балкарцев в годы депортации.

... Живописны дороги Кабардино-Балкарии. Много автомашин мчится по ним, и среди водителей много балкарцев. Загляните в их кабины, и вы увидите Его фотографию. С ласковой, отеческой, заботливой сталинской улыбкой он смотрит на водителя...

Поистине, неисповедимы пути Господни!

Калмыцкая АССР

11 февраля 1957 г. Верховный Совет СССР утвердил закон об образовании Калмыцкой автономной области в составе Ставропольского края РСФСР[1]. В июле 1958 г. Калмыкии был возвращен ее прежний статус – автономной республики[2].

Итак, спустя 14 лет после насильственного выселения калмыки возвращались на родину. Возвращение началось в конце 1956 года.

В 1957-1958 гг. было намечено переселить в Калмыкию 14 тысяч калмыцких семей. На самом же деле возвратилось больше, многие самостоятельно, так сказать, в неорганизованном порядке – 15.400 семей или 62 тыс. чел., из них 23.650 трудоспособных[3].

К концу 1959 г. переселение было в основном закончено. Вернулось 18.158 семей или 72.665 чел., из них трудоспособных 30.056[4].

Как они были встречены местным населением? На этот счет даже официальные мнения или близкие к официальным расходятся.

В "Очерках истории Калмыцкой АССР", опубликованных издательством Академии наук СССР "Наука" в Москве в 1970 г., утверждается: "Русское население тепло их (т. е. калмыков – А.Н.) встречало..."[5]

Однако на самом деле отношение к возвратившимся было разное. Многие семьи, занявшие дома калмыков во время их изгнания и частично завладевшие их имуществом, старались как можно скорее покинуть пределы Калмыкии. Другие, основательно напичканные за эти годы официальной пропагандой и разговорами об этих "предателях и бандитах", просто не желали жить бок о бок с калмыками. Иные смотрели на них, как на инородный элемент, досадно вторгшийся в их общество.

Вероятно, антикалмыцкие настроения были достаточно широко распространены, если никто иной, как заведующий сектором отдела партий-

---

[1] Ведомости Верховного Совета СССР, 24 февраля 1957 г., № 4 (871), стр. 134.

[2] Там же, 7 августа 1958 г.,№ 17 (912), стр. 694.

[3] Заседания Верховного Совета Калмыцкой АССР 2-го созыва, 1-я сессия (28 октября 1958 г.). Стенографический отчет. Элиста, 1958, стр. 31. Из доклада председателя Совета Министров Калмыцкой АССР Э.А. Сатаева.

[4] Очерки истории Калмыцкой АССР. Указ. соч., стр. 353.

[5] Там же.

ных органов ЦК КПСС по РСФСР, позднее первый секретарь Калмыцкого обкома КПСС М.А. Пономарев, говорил на сессии Верховного Совета Калмыцкой АССР 28 октября 1958 г.:

> Встречаются отдельные проявления нездоровых взаимоотношений между прибывшим населением и теми, кто проживал здесь... Недопустимо, что у нас уходят учителя, агрономы, врачи и другие специалисты. Совершенно ненормально, что из одного только совхоза № 108 за два года выбыло около 200 семей... Неправильно поступают те русские товарищи, которые пытаются уехать из республики, вместо того чтобы в содружестве с калмыцким народом восстановить автономную республику...[1].

Возвратившимся в Калмыкию семьям было выплачено к концу 1958 г. более 55 млн. рубл. ссуды на строительство домов, приобретение скота и единовременную помощь[2], т. е. в среднем на каждую семью пришлось около 3 тыс. руб. Поскольку никогда и никем не была произведена оценка имущества, утраченного калмыками в результате их насильственного переселения, то трудно судить в целом о компенсации, тем более что цены на строительные материалы, скот, утварь, другие предметы резко возросли по сравнению с довоенными. То же самое произошло и с ценами на носильные вещи, не говоря уже о ценах на предметы украшения и пр.

В первые годы после возвращения не хватало жилья, плохо обстояло дело со строительством новых домов. В Каспийском районе, например, вновь прибывшие селились в землянках. 6400 семей не имели коров, т. е. основного источника питания[3].

Однако материальное благосостояние – дело, как известно, наживное. Гораздо сложнее поднять культурный уровень народа.

В "Очерках истории калмыцкого народа" говорится:

> Период пребывания в восточных районах не прошел бесследно. Однако он не сломил духа и преданности калмыков делу социализма и коммунизма... Естественно, выселение основной рабочей силы из большинства районов лишило возможности быстрого их экономического и культурного подъема, задержало в какой-то мере развитие производственных мощностей Калмыкии, приведение в действие ее природных экономических ресурсов. Произошло некоторое отставание экономического и культурного развития на территории Калмыкии от соседних областей[4].

Этот отрывок многим примечателен и прежде всего отношением к людям, пострадавшим от насилия, несправедливости и беззакония. Здесь

---

1 Заседания Верховного Совета Калмыцкой АССР. Указ. соч., стр. 7.

2 Там же, стр. 73.

3 Там же, стр. 31.

4 Очерки... Указ. соч., стр. 366.

они рассматриваются как некое отвлеченное понятие – "рабочая сила", от отсутствия которой пострадало экономическое развитие района.

А как же быть с попранным человеческим достоинством, с горем людей, с судьбой подрастающего поколения, хотя бы тех, кому при выселении было от 1 года до 5 лет, а после возвращения – от 15 до 20 лет? Как сложилась жизнь тех, кто в пору мужания должен был сесть за парту, чтобы обучиться грамоте родного языка?

Однако пойдем дальше. Авторы книги пишут:

> К сожалению, в связи с выселением калмыков в Сибирь и Среднюю Азию *учебный процесс* как школьников, так и студентов средних специальных и высших учебных заведений был *несколько нарушен* (курсив мой – А.Н.).

А вот и причины этого:

> Долгий путь передвижения, трудности с жильем, слабое знание русского языка *отдельными* (курсив мой – А.Н.) школьниками и другие причины помешали успешно закончить 1943-1944 учебный год многими учащимися, и лишь незначительное число школьников продолжало учебу...[1].

Никогда не знаешь, откуда берется такое изложение трагедии депортации: от равнодушия ли, от цинизма или еще от чего... Все дело оказывается в том, что "учебный процесс был несколько нарушен", а жизнь людей, тех же школьников , разве не была смята, оплевана этим насилием, жестокостью и равнодушием к их судьбе теми, кто приказал изгнать их и конвоировать к месту поселения?

В 1940 г. в Калмыкии насчитывалось 302 школы всех типов, с числом учащихся 45.357. Получили среднее специальное и высшее образование 1628 человек и вне пределов автономии – 160[2].

Со времени же ликвидации Калмыцкой АССР и до ее восстановления количество учащихся сократилось почти в два раза, число школ – на четверть и число учителей – на 16%[3].

За 14 лет депортации было выпущено из педагогических учебных заведений около 450 учителей калмыцкой национальности[4]. Цифра эта не маленькая. Очевидно, в это число включены также и учителя, окончившие педагогические училища, т. е. получившие среднее образование. В "Очерках..." приводится длинный список окончивших высшие и средние специальные учебные заведения за годы изгнания и дискриминации.

---

[1] Очерки... Указ. соч., стр. 329.

[2] Четвертая юбилейная сессия Верховного Совета Калмыцкой АССР, 2 ноября 1940 г. Стенографический отчет. Элиста, 1941, стр. 23. Из выступления председателя Совета Министров Калмыцкой АССР Н.Л. Гаряева.

[3] Народное хозяйство Калмыцкой АССР. Статистический сборник. Элиста, 1960, стр. 117.

[4] Д. Номинханов. В семье единой. Элиста, 1967, стр. 67.

Подсчет этого списка показывает, что речь идет всего лишь о 52 лицах[1].

Со времени возвращения калмыков многое было сделано для восстановления образования, учреждений культуры, здравоохранения, включения представителей калмыцкой национальности в государственные и партийные органы. Ожила калмыцкая литература, печатное дело, успешно развиваются науки.

Были предприняты всевозможные меры, чтобы изгладить из памяти народной годы изгнания и произвола.

Насколько болезненна тема спецпоселения, свидетельствует тот, например, факт, что на юбилейной сессии Верховного Совета Калмыцкой АССР, посвященной 40-летию установления советской власти в Калмыкии, 29 октября 1960 г. ни в официальном документе, ни в приветственных речах ни разу не было упомянуто о трагическом событии последних дней декабря 1943 года. Лишь один из выступавших, секретарь Кабардино-Балкарского обкома КПСС Х.И. Хутуев, позволил себе напомнить об этой трагедии в приличествующей случаю форме:

> Ваш праздник – наш праздник... Путь, пройденный калмыцким народом, не всегда был легок. На его историческом пути были горе и печали. Мы знаем, какие бураны в течение столетий пролетали над мирными калмыцкими кибитками, стремясь разорить их и погасить огонь родного очага[2].

Спустя несколько лет Х.И. Хутуев напишет кандидатскую диссертацию, в которой расскажет о жестоком, бесчеловечном режиме спецпоселения. Увидит ли эта работа когда-нибудь свет?

Восстановление Чечено-Ингушской АССР

С наибольшими трудностями происходило возвращение чеченцев и ингушей как из-за многочисленности, так и в связи с их непреклонной решимостью поселиться в своих родных жилищах. Осложняло положение довольно плотное заселение территории, на которой ранее проживали чеченцы и ингуши, переселенцами из других областей и республик, осуществленное с 1944 г.

Переселение чеченцев и ингушей было решено растянуть на 4 года и производить его небольшими группами[3]. Был создан организационный комитет по возвращению под председательством М.Г. Гайрбекова (позднее – председатель Совета Министров ЧИ АССР). Прибывало же гораздо больше семей, чем планировалось. Это вызывало осложнения и инциденты, связанные как с проблемой жилья, так и с резким обострением межнациональных отношений на территории Грозненской области и в Северной Осетии.

---

[1] Очерки... Указ. соч., стр. 330-331.

[2] Юбилейная сессия Верховного Совета Калмыцкой АССР, 29 октября 1960 г. Стенографический отчет. Элиста, 1961, стр. 57-58.

[3] "Грозненский рабочий", 24 декабря 1957 г.

В 1957 г. планировалось возвращение в г. Грозный 450 семей, прибыло 2692[1]. Всего в 1957 г. возвратилось 48 тысяч семей. Но одноквартирных домов было подготовлено лишь 33 тысячи. В 1957 г. на нужды переселенцев было потрачено около 500 млн. рублей[2] (в старом исчислении).

Значительная часть этих средств ушла на создание 11 совхозов с животноводческим уклоном[3].

Индивидуальная помощь возвращавшимся семьям кажется по сравнению с теми материальными потерями, которые понесли чеченцы и ингуши при насильственном переселении, не очень значительной: долгосрочный кредит каждой семье в размере одной тысячи рублей на строительство домов, до 300 руб. – на ремонт домов, 150 руб. – на приобретение коров (в новом исчислении). В год возвращения семья освобождалась от уплаты налога и поставок сельскохозяйственных продуктов. Одновременно снимались недоимки по прежнему месту жительства. Незначительные суммы (до 50 руб.) выдавались в качестве безвозмездного пособия.

Первый год возвращения был особенно напряженным. В ряде районов автономии мало обращалось внимания на трудоустройство вновь прибывших, медленно развертывалось жилищное строительство. В запущенном состоянии, согласно официальным отчетам, находилась культурно-массовая работа[4]. Особенное беспокойство вызывало у местных руководителей "недостаточная пропаганда дружбы народов". В середине июля 1957 г. обкомом КПСС и Оргкомитетом было принято специальное решение в связи с неудовлетворительным обеспечением возвращающихся жильем[5].

Трудно было урегулировать отношения между чеченцами и ингушами и переселенцами, обживающимися на их земле. Возвращение чеченцев и ингушей было принято местным населением, говоря мягко, без особого восторга.

Например, в Междуреченском (Шалинском) районе из 400 семей (669 человек трудоспособных), прибывших на 1 февраля 1957 г., только 10 семей было принято в колхозы и 21 человек устроен на работу на предприятия и в учреждения[6].

Но меры по осуществлению над возвратившимися идеологического влияния принимались энергичные. Со второй половины июля 1957 года начала выходить республиканская газета "Ленинский путь" на чеченском языке и газета "Свет" на ингушском. В сельской местности было прочитано лекций и проведено бесед о дружбе народов более 10 тысяч[7]. Шел

---

1 "Грозненский рабочий", 24 декабря 1957 г.
2 Там же, 7 декабря 1957 г.
3 Там же.
4 "Грозненский рабочий", 15 июня 1957 г.
5 Там же, 12 июля 1957 г.
6 С.Н. Джугурьянц. Деятельность Чечено-Ингушской партийной организации по осуществлению ленинской национальной политики на основе решений XX и XXII съездов КПСС (1956-1965 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Махачкала, 1966. Рукопись, стр. 60.
7 "Грозненский рабочий", 18 августа 1957 г.

отбор и выдвижение новых кадров из числа чеченцев и ингушей.

12 августа 1957 г. собрался VI-й пленум Чечено-Ингушского обкома КПСС, на котором с докладом "О ходе выполнения постановления ЦК КПСС от 24 ноября 1956 г. о восстановлении национальной автономии чеченского и ингушского народов" выступил первый секретарь обкома А.И. Яковлев. В Грозный приехал секретарь ЦК КПСС П.Н. Поспелов, чтобы разъяснить местным работникам задачи, вытекающие из восстановления упраздненных в 1943-1944 гг. автономий. Поспелов побывал в ряде районов, где выступал на собраниях населения. Его приезд был связан с обострением межнациональных отношений на Кавказе. На пленуме произошла острая перепалка, о которой, конечно, в печати не упоминалось, но она стала известна позднее из работы С.Н. Джугурьянца[1].

С.Н. Джугурьянц, в распоряжении которого была стенограмма VI пленума обкома, так описывает этот инцидент:

> Член организационного комитета Д. Мальсагов пытался на основе отдельных эпизодических фактов неправильного отношения к чеченцам и ингушам приписать такое отношение руководящему партийному органу республики. По поводу этого выступления П.Н. Поспелов сказал, что в нем прозвучала неверная нотка, не в пользу дружбы народов. Глубоко ошибочным было заявление и другого члена Оргкомитета, Тангиева, требовавшего пересмотра решения о передаче Пригородного района Северо-Осетинской АССР[2].

Нет сомнения в том, что обострение межнациональных отношений на Чечне было одним из проявлений кризиса в области национальной политики, являвшегося составной частью общего кризиса сталинского режима, наступившего в конце второй мировой войны и усилившегося в первые послевоенные годы.

К моменту возвращения чеченцев и ингушей на территории Грозненской области уже проживало свыше 540 тыс. жителей. В течение же ближайших четырех лет предполагалось возвращение еще 500 тысяч. Уже в апреле 1957 г. ряд переселенцев из числа кавказских народностей – аварцы, даргинцы, осетины, которые прекрасно отдавали себе отчет в том, что значит самовольно поселиться на земле соседа и завладеть его домом, обратились с просьбой переселить их в Дагестан и в Северную Осетию, откуда они и прибыли в 1944 г. Их было 77 тысяч[3].

Возвратились в Дагестан тамошние чеченцы (ауховцы). Но места их древнего поселения были заняты лаками, и был образован Новолакский район. Ауховцев поселили на землях кумыков. Ни те ни другие не возражали.

Гораздо сложнее обстояло дело с устройством возвратившихся в Северную Осетию ингушей. При восстановлении Чечено-Ингушской АССР было решено оставить Пригородный район, с трех сторон примыкающий

---

[1] См. сн. 6 на стр. 118.

[2] С.Н. Джугурьянц. Указ. соч., стр. 66.

[3] С.Н. Джугурьянц. Указ. соч., стр. 91.

к центру Северо-Осетинской АССР Орджоникидзе (быв. Владикавказ), в составе Северной Осетии.

Для того чтобы понять суть вопроса, заглянем в прошлое...

... Владикавказ был основан на правом берегу Терека на месте трех ингушских аулов, из которых наиболее крупным был аул Заур. Осетины же жили на левом берегу. В конце XVIII в. русские военные власти для увеличения гарнизона Владикавказа привлекли туда осетин, живших в горах. В начале XIX века была восстановлена крепость у входа в Дарьяльское ущелье, и осетины возвратились на свои старые места. Позднее их выселили, и они обосновались неподалеку от Владикавказа в Ольгинской. Во время советской власти Владикавказ стал центром Горской республики. В конце 1928 года Сталин предложил присоединить Ингушскую область к Осетии, но ингушам удалось доказать нецелесообразность этого. В 1932 г. город был передан Осетии. Половина ингушей проживала в селении Ангушит в 8 км. от города.

... Возвратившиеся из депортации ингуши выразили готовность откупить принадлежавшие им до их выселения дома у новых владельцев[1], но осетинские власти предложили местному населению ингушам домов не продавать. По отношению к ингушам применялась дискриминация при приеме на работу, в учебные заведения. Но ничто не смогло сломить их решимости поселиться на прежнем месте.

Не в силах противостоять стремлению чеченцев и ингушей селиться там, где они проживали до 1944 г., власти вынуждены были ,"чтобы облегчить и ускорить их (т. е. чеченцев и ингушей – А.Н.) размещение", переселить 2574 семьи, по преимуществу русских, в районы, расположенные за Тереком[2]. Делали это нехотя, так как стремились избежать распространения ложных слухов, будто чеченцы выселяют русских.

И все же за пределы Чечено-Ингушетии, согласно приводимым в диссертации С.Н. Джугурьянца архивным данным, выехало 36 тысяч человек русского населения[3].

В той же работе Джугурьянц сообщает о распространении среди определенной части русского населения шовинистического, враждебного по отношению к возвращающимся чеченцам и ингушам настроения.

> Отдельные члены партии, – пишет Джугарьянц, – допустили антипартийные выступления по национальному вопросу, пытались доказать невозможность совместного проживания русского и чечено-ингушского населения на территории республики, отрицательно относились к восстановлению автономии[4].

---

[1] После выселения чеченцев и ингушей их дома, кроме находившихся в горных аулах, которые были взорваны или разрушены, стали предметом спекуляции и успели переменить 15-20 владельцев.

[2] С.Н. Джугурьянц. Указ. соч., стр. 93.

[3] Там же, стр. 92.

[4] Там же, стр. 278.

Оказывается, в первых рядах покидающих Чечено-Ингушетию были... коммунисты – руководящие работники, специалисты по сельскому хозяйству, врачи, учителя. Делали они это вопреки указаниям вышестоящих партийных органов. Например, в Шалинском районе в течение 1957 года снялись с учета более 300 членов партии[1].

Дальнейший ход событий показал, что присоединение Пригородного района к Северной Осетии было ошибкой, источником непрекращающегося и по сей день недовольства ингушей.

В момент массового возвращения чеченцев и ингушей в 1958 г. положение было настолько напряженным, что любой инцидент мог вызвать острый межнациональный конфликт.

Один из таких конфликтов вспыхнул в Грозном в августе 1958 г. Повод никакого отношения к политике не имел: русский моряк отпускник пригласил на танец девушку, на которую имел виды ингуш. Началась драка, во время которой моряк был убит. А на следующий день похороны моряка вылились в побоище, начатое русским населением.

Волнения вспыхнули 24 августа 1958 г. и продолжались четыре дня. Это было одно из самых крупных межнациональных столкновений в Советском Союзе после окончания войны.

Толпа, сопровождавшая гроб и целиком состоявшая из русских, подошла к зданию обкома КПСС и потребовала, чтобы руководство обкома и правительство Чечено-Ингушетии провели траурный митинг. Была сделана попытка внести гроб в здание обкома. Однако прибывшая милиция создала оцепление и никого к зданию обкома не допустила. Откуда-то появилась грузовая машина с микрофоном, и какой-то чернявый парень открыл митинг. Между тем, толпа смела милицию и ворвалась в здание обкома. На грузовике появились двое секретарей обкома и заместитель председателя Совета Министров (русские), которые также выступали и что-то говорили. Площадь Ленина, на которой происходили эти события, была запружена. По мнению очевидцев, было там тысяч десять народа. Какие-то ораторы призывали присоединиться к забастовке, которую якобы объявили рабочие крупнейшего в Грозном нефтехимического завода. Дали слово представителю завода. Но когда тот сказал, обращаясь к толпе, что ее неверно информировали и рабочие завода не бастуют, оратора ударом сбили с машины. Рабочие не позволили, однако, учинить расправу. Затем на платформе грузовика появилась какая-то женщина, которая заявила, что она будто бы была в обкоме и в Совете Министров и предложила принять резолюцию, требующую:

1. Выселения чеченцев и ингушей.
2. Повального обыска у всего чечено-ингушского населения и расстрела на месте всех, у кого будет обнаружено оружие.
3. Образования власти русских.

Женщина призывала идти на вокзал, останавливать проходящие поезда и сообщать пассажирам, что в Грозном чеченцы режут русских.

---

[1] Там же, стр. 93.

... Из окон обкома партии посыпались листовки, написанные от руки печатными буквами. Вот примерное содержание листовки:

Товарищи, братья, русские люди!
Берите пример с народов Иордании, Ирака...
Подымайтесь на борьбу за русское дело!
Требуйте выселения чеченцев и ингушей!
Прочти и передай другому.
Если не согласен, то порви.
Комитет народной защиты[1].

Проехал пустой автобус. В автобусе шофер и женщина-кондуктор. Шофер остановил автобус, взобрался на крышу и стал кричать, обращаясь к возбужденной толпе: "Чеченцы дали залп по машине, убили мужчину, женщину, девушку и отрезали у нее руку". (На самом же деле несколько погромщиков пытались ворваться в здание телеграфа. Начальник охраны лейтенант выстрелил после предупреждения и кого-то ранил. Автобус проезжал мимо, и шофер увидел, что кто-то лежит на земле. Дальше уже разыгралось его буйное воображение.)

Толпа взревела. На тратуаре стоял какой-то пожилой человек в смушковой шапке, явно кавказского вида. Его схватили и начали зверски избивать на глазах у солдат, охранявших правительственное здание. Солдаты стояли не шелохнувшись. Стояли и смотрели... Человека убили у них на глазах. Как позднее выяснилось, это был продавец из селения Урус-Мартан.

Русская публика, в том числе и коммунисты, нацепили красные банты, чтобы распоясавшиеся погромщики не приняли бы их, чего доброго, за чеченцев. (Как это все похоже на еврейские погромы в царской России, только тогда не одевали красных бантов...)

---

[1] Текст листовки реконструирован со слов читавших ее.

Упоминавшийся выше Мальсагов отправился в Москву, чтобы довести до сведения ЦК партии о происходящих в Грозном событиях. На стоянке поезда в Харькове он увидел женщину, которая громко читала эту листовку. Мальсагов подскочил к ней в момент отхода поезда, вырвал из ее рук листовку и привез ее в Москву. Здесь он через некоего Р. пытался передать листовку в Комиссию партийного контроля, но Р. листовки не передал. 8 мая 1959 г. Мальсагов был исключен из партии и арестован. Его обвинили в том, что он вел антисоветскую деятельность, разжигал национальную рознь, клеветал на русский, чеченский, ингушский народы, на руководящих партийных и советских работников республики. Его также обвинили в том, что он будто бы продиктовал текст этой листовки своему племяннику; Р. выступил в качестве свидетеля обвинения. Был еще и другой "свидетель", который, однако, позднее написал заявление об отказе от своих показаний на Мальсагова.

Суд признал Мальсагова виновным и отправил в лагерь в Потьму, где Мальсагов пробыл 5 лет. На приговор был подан протест заместителем Генерального Прокурора СССР, но затем протест был отозван без объяснения причин. В партии Мальсагова не восстановили. В настоящее время он работает агрономом в Министерстве сельского хозяйства Чечено-Ингушской АССР. Люди, близко знавшие Мальсагова, утверждают, что дело против него было чистейшей "липой".

Чеченское население проявило исключительную выдержку и не дало погромщикам спровоцировать себя. На третий день волнений в Грозном начались грабежи. Стали прибывать войска. Постепенно порядок был восстановлен.

Из Москвы приехал председатель Президиума Верховного Совета РСФСР Яснов, генерал Плиев и секретарь ЦК КПСС Н.Г. Игнатов. Писатель Халид Ошаев, нашедший кучу листовок погромного содержания, хотел попасть на прием к Игнатову, чтобы передать их ему, но Игнатов уехал в район и Ошаева не принял.

Никто из погромщиков в связи с волнениями в Грозном в августе 1958 г. к ответственности привлечен не был, даже те, кто стоял на платформе грузовика и призывал к погромам.

Спустя год первый секретарь обкома А.И. Яковлев был переведен на работу в аппарат ЦК КПСС на должность инспектора.

Волнения 1958 г. дали толчок более мелким столкновениям на национальной почве. Бюро обкома пыталось как-то регулировать национальные отношения, выдвигало местные кадры, наказывало, впрочем, не очень строго, шовинистически настроенных русских руководителей. В частности, был объявлен выговор за запущенность массово-политической работы среди населения первому секретарю Шалинского райкома КПСС Р.К. Донскому, и был снят с работы председатель Шалинского райисполкома Чагаев[1]. Ряд русских членов партии, открыто выступивших против восстановления чечено-ингушской автономии, был исключен из КПСС. С другой стороны, еще более круто наказывали за "проявление национальной вражды" чечено-ингушских работников.

Отражением обострения межнациональных отношений служит статья заместителя заведующего отделом партийных органов ЧИ обкома КПСС В. Склокина, в которой он писал:

> Особенно настойчиво партийные организации должны бороться с серьезными недостатками, допущенными в ходе восстановления национальной автономии чеченского и ингушского народов. Необходимо усилить воспитание населения в духе ленинской национальной политики и братской дружбы народов нашей страны, принять меры для быстрейшего трудового и бытового устройства прибывших в республику чеченцев и ингушей[2].

Но, как показало дальнейшее развитие событий, депортация 1944 г. оказала глубокое психологическое воздействие не только на чеченцев и ингушей, но и на русское и украинское население автономии. Последствия депортации оказывали и продолжают еще оказывать свое негативное влияние на межнациональные отношения в Чечено-Ингушетии. В 1958 г. писатель А.Е. Костерин направил письмо в ЦК КПСС, в котором приводил факты неправильного отношения местных руководящих работников к возвращающимся чеченцам и ингушам. В частности, в письме указывалось на ошибочность решения о присоединении Пригородного района к

---

1 "Грозненский рабочий", 23 марта 1958 г.
2 Там же, 25 августа 1957 г.

Северной Осетии. Письмо Костерина получило широкое распространение и резонанс в Чечено-Ингушетии. Бюро обкома КПСС специально рассмотрело этот вопрос и в своем постановлении от 28 апреля 1958 г. осудило Костерина за его письмо, которое, по утверждению бюро обкома, будто бы сеет рознь и способствует разжиганию национальной вражды[1].

Пребывание чеченцев и ингушей в вынужденном изгнании не только приостановило атеистическую борьбу против религиозного фанатизма, не только законсервировало влияние мусульманской религии и сект, но и значительно усилило религиозное воздействие. И в самом деле, к кому, как не к религии, могли апеллировать депортированные народы, ведь власть их поставила в положение париев. Культурно-просветительная работа полностью прекратилась – ни газет, ни книг, ни кинофильмов на родном языке. Все это создавало исключительно благоприятные условия для усиления религиозного воздействия, которое исторически было в определенной мере и антирусским, и антисоветским. Религия же была хранительницей вековых традиций и обычаев.

К этому прибавилось теперь и исключительно важное мероприятие власти, имевшее глубокие социально-политические последствия. В 1957 г. началась систематическая ликвидация последних хуторских поселений чеченцев, рассчитанная на несколько лет, вплоть до 1963 года[2].

С некоторым основанием эту меру исторически можно считать завершением "покорения Кавказа", начатого 150 лет тому назад, разумеется, с некоторыми оговорками в связи с изменившейся за эти годы общей ситуацией, политическими переменами и коренными изменениями социальной структуры России (Советского Союза) и Кавказа.

С другой стороны, началось более целенаправленное привлечение чеченцев и ингушей к промышленному производству, что заметным образом повлияло на рост городского населения и отрывало таким образом часть коренного населения от традиций многовекового уклада.

Большой ущерб был нанесен культурному развитию этих народов. Об этом можно судить даже по далеко не полным и разрозненным данным, официально опубликованным в разное время.

Из 8997 специалистов с высшим образованием, насчитывавшихся в Чечено-Ингушетии в 1959 г., чеченцев было всего 177 человек, а ингушей – 124 человека. Лиц со средним образованием в республике было в том же году 14.150 человек, из них чеченцев 403 человека, а ингушей – 248[3].

Секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС А.И. Яковлев отмечал в одном из своих выступлений 1958 года, что по состоянию на 1 января 1958 г. в школах из числа чеченских и ингушских детей в возрасте 8-15 лет не обучалось около 8 тыс. детей или 18% от общего числа школьников этого возраста.

---

[1] С.Н. Джугурьянц. Указ. соч., стр. 278.

[2] С.Н. Джугурьянц. Указ. соч., стр. 96.

[3] Народное хозяйство Чечено-Ингушской АССР. Статистический сборник. Грозный, 1963, стр. 249.

Вопрос осуществления всеобуча, – заявил он, – это вопрос дальнейшего подъема культурного роста чеченского и ингушского народов, быстрого преодоления вредных бытовых и родовых пережитков, приобщения всей молодежи к активной общественно-политической жизни[1].

Депутат Верховного Совета ЧИ АССР З.С. Дудник (Алхан-Калинский избирательный округ, Грозненский район) отмечал, что в ряде населенных пунктов дети обучаются в неприспособленных домах, часть детей не посещает школы[2]. Депутат Р.И. Умаева, учительница (Старо-Атачинский избирательный округ Урус-Мартановского района) говорила:

Мне очень обидно, что у нас мало еще учителей из коренной национальности. Например, в Урус-Мартановском районе имеются только 3 девушки учительницы. Мало у нас еще и сельских работников, знающих хорошо свое дело[3].

В период 1944-1953 годов, – пишет С.Н. Джугурьянц, – чеченская и ингушская молодежь имела крайне ограниченные возможности для поступления в высшие и средние специальные учебные заведения. Это отрицательно сказалось на подготовке специалистов из чеченцев и ингушей[4].

Из 8 тысяч учителей, работавших в Чечено-Ингушской АССР после восстановления ее, только 1440 были чеченцами и ингушами и лишь 190 из них имели высшее образование[5]. Между тем, согласно переписи населения 1959 г., процент чеченцев и ингушей среди населения республики, хотя и значительно сократился по сравнению с 1939 годом (58,4%), все же составлял 41,1%[6].

Меры принимались быстрые и энергичные. В 1957 году в педагогическом институте обучалось уже 133 чеченца и ингуша, в нефтяном техническом училище – 30 человек, в педагогическом училище – 145 человек[7].

Уже в первые годы после возвращения часть мусульманского духовенства пыталась направить национальные чувства чеченцев и ингушей в русло антирусских чувств. В ряде селений началась травля учителей и медицинских работников, в то время как местные руководители ряда районов – Урус-Мартановского (Васильков), Анчхой-Мартановского (Крутов) склонны были видеть в этом лишь проявление хулиганства[8].

---

1 Заседания Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР второго созыва (первая сессия) 15-16 апреля 1958 г. Стенографический отчет. Грозный, 1958, стр. 61.

2 Там же, стр. 151.

3 Там же, стр. 161.

4 Джугурьянц. Указ. соч., стр. 193.

5 Там же, стр. 189.

6 Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР. Сводный том. М. 1962, стр. 205.

7 Джугурьянц. Указ. соч., стр. 61.

8 "Грозненский рабочий", 23 марта 1958 г.

Прошлое и связанная с этим прошлым психология народа оказываются в иные исторические моменты более важными, чем соображения, скажем, экономической целесообразности и выгоды. Ведь остается фактом, что, несмотря на прирост территории Чечено-Ингушской АССР после восстановления автономии, – к республике были присоединены три района Ставропольского края: Каргалинский, Наурский и Шелковский, которые вместе составляют 27% всей территории ЧИ АССР (5,2 тыс. кв. км из 19,3 тыс. кв. км), – ингуши продолжают упорно настаивать на возвращении Пригородного района, территория которого составляет всего 977,5 кв. км[1].

Спустя 15 лет после восстановления автономии, в годовщину упразднения Чечено-Ингушской АССР в 1944 г.,23 февраля 1973 г., ингуши, прибывшие организованно в Грозный, потребовали от властей возвращения Пригородного района. Новое обострение было несомненно связано с дискриминацией ингушей в Северной Осетии, к которой отошел Пригородный район, главным образом при приеме на работу.

На 75 страницах заявления, подписанного несколькими тысячами ингушей, перечислены факты третирования и дискриминации ингушей, проживающих в Северной Осетии. Среди них: отказы в приеме на работу ингушей, проживающих не в Орджоникидзе, а в близлежащих селениях. В то же время неингушей на работу возят из аулов, расположенных в 20 км от города. В петиции указывалось на ограничения в выборе места жительства, в отказах на строительство или куплю домов и на другие виды дискриминации. Например, в одной из школ, где обучались ингушские дети, директор школы, осетин, собрал 80 детей для отправки якобы в пионерский лагерь, а на самом деле поместил их в школу-интернат для дефективных детей. Лишь спустя год родителям после энергичных хлопот удалось добиться возвращения детей.

Ингуши просили разрешить им жить, где они хотят, приобретать дома, строиться, наконец, позволить им окопать свое кладбище.

Они заявляли, что не добиваются изменения административного статуса Пригородного района и просят лишь обеспечить им равные с другими гражданами Северной Осетии права.

В поддержку этих требований выступили ингуши, проживающие на территории Чечено-Ингушской АССР.

Демонстрации и митинги происходили в Грозном в течение нескольких дней. Демонстранты несли портреты Ленина и Брежнева, лозунги с высказываниями вождей об интернационализме и дружбе народов. Митинг продолжался беспрерывно. Один оратор сменял другого. Никаких выступлений антисоветского характера не было. Демонстранты сами организовали патрульную службу, чтобы не допустить беспорядков. По одной из версий, растерявшиеся руководители республики на свой запрос Москве, что им делать, получили ответ мудрый и туманный: "Делайте, что хотите, но ни в коем случае не применяйте силы".

В Грозный прибыло несколько высокопоставленных лиц во главе с председателем Совета Министров РСФСР Соломенцовым. Дело окончи-

---

[1] С.Н. Джугурьянц. Указ. соч., стр. 84.

лось тем, что были поданы автобусы, на каждом из них было обозначено название селения. Демонстрантам было предложено отправиться по домам. Им было дано заверение, что они не будут подвергнуты преследованиям. Но несколько сот человек, в основном молодежь, остались. Против них были брошены пожарные команды с брандспойтами и милиционеры с дубинками...

Движение 23 февраля 1973 г. было самым крупным выступлением ингушей после возвращения. Их выступление еще раз показало, что сделанная и не исправленная до конца ошибка ведет к перманентному возникновению конфликтных ситуаций на национальной почве, самой острой, самой болезненной и зыбкой. Более мелкие каждодневные столкновения, конфликты, недовольство не становятся достоянием гласности и предметом внимания общественности.

Как это обычно принято в практике, о событиях 23 февраля 1973 г. газеты не писали. Лишь спустя некоторое время на страницах "Грозненского рабочего" просочились отдельные сведения, которые, однако, дают возможность представить не только характер и размах события, но и помогают понять суть межнациональных отношений в Чечено-Ингушетии в наши дни.

С середины марта 1973 г. на страницах "Грозненского рабочего" началась систематическая публикация подборок, статей и других материалов, связанных непосредственно и косвенно с движением ингушей за возвращение Пригородного района.

Из этих материалов становится очевидным, что в движении принимали участие (и, возможно, оно [ими] возглавлялось) группа интеллигенции и в прошлом ответственные партработники, ингуши по национальности. Среди них – популярный ингушский писатель Идрис Базоркин, бывший первый секретарь Назрановского РК КПСС (Назрань – центр Ингушетии) А. Газдиев, а затем заместитель министра культуры республики, бывший председатель Сунженского райисполкома С. Плиев, директор ликероводочного завода Д. Картоев[1]. Одним из участников движения был между прочим аспирант Института истории СССР Академии наук СССР Паров, отозванный после событий из аспирантуры.

Судя по выступлениям первого секретаря ЧИ обкома КПСС С.С. Апряткина на X пленуме обкома КПСС 27 марта 1973 г., движением были охвачены не только Назрановский и Сунженский районы, но в Грозный прибыли также и ингуши из Малгобекского, Шалинского и Грозненского (сельского) районов[2].

После пленума развернулась широкая кампания против национализма и против религиозного воздействия на население. Этой же теме были посвящены XI пленум Грозненского городского комитета КПСС в апреле 1973 г., собрание партийного актива республики в конце мая того же года, XII пленум ЧИ обкома КПСС 31 июля 1973 г., XIII пленум в ноябре того же года.

---

1 "Грозненский рабочий", 29 июня 1973 г.

2 Там же, 3 апреля 1973 г.

Особенное беспокойство руководства республики вызвало широкое участие в событиях 23 февраля 1973 г. молодежи. С.С. Апряткин жаловался, например, на пленуме обкома 27 марта 1973 г., что в указанных выше районах плохо поставлена политико-массовая работа, которая не охватывает значительную часть населения, особенно из числа молодежи, женщин стариков[1]. В решении этого пленума говорилось также, что

> ... в городах и районах республики немало юношей и девушек, которые нигде не работают и не учатся. На глазах у коммунистов и комсомольских работников эти молодые люди ведут неправильный, а в некоторых случаях антиобщественный образ жизни[2].

Здесь же обращалось внимание на то, что часть студентов оканчивает ВУЗы, не получив "идейной закалки"[3]. На второй республиканской методической конференции комсомольских пропагандистов, проходившей в Грозном в начале июня 1973 г., констатировалось, что

> ...отдельные политически и морально неустойчивые молодые люди, попавшие под влияние буржуазной пропаганды и приверженцев реакционных пережитков прошлого, допускают политически вредные проявления, извращенные толкования положения дел в республике... некоторые молодые люди из Сунженского района допустили националистические проявления. Трактористы совхоза "Ахлангурский" Алхоев и Хоматханов исключены из комсомола[4].

За "политическую беспринципность" был исключен из комсомола и бывший секретарь комсомольской организации Малгобекской АТК (авто-тракторной колонны) Арсамаков.

В чем видели партийные руководители республики (очевидно, не только республики, так как на X пленуме ЧИ обкома выступил заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС Ю.А. Скляров) причины обострения межнациональных отношений в Чечено-Ингушетии?

Во-первых в живучести и активном воздействии родовых связей на жизнь общества, в немалой степени из-за недооценки, говоря словами первого секретаря обкома КПСС С.С. Апряткина, национальных особенностей и специфики исторического развития коренного населения. Он вынужден был признать, что до сих пор еще сохраняются родовые, тейповые, пережитки, которые оказывают огромное влияние и на кадровую политику. Председатель КГБ Чечено-Ингушетии В.И. Жигалов, секретарь обкома М.А. Керимов говорили на пленуме обкома о практике выдвижения негодных кадров, беспринципности, перестановки провалившихся работников с одного места на другое. Это, так сказать, общее явление для положения с кадрами, и не только в Чечено-Ингушетии. Методы "лечения", предложенные ими, были: решительное пресечение попыток "подбора кадров по родственным, тейповым связям", очищение от лиц,

---

1 "Грозненский рабочий", 3 апреля 1973 г.
2 Там же.
3 Там же.
4 "Грозненский рабочий", 3 июля 1973 г.

"подверженных национальным предрассудкам, проявляющих в своем поведении двуличие..."[1].

Во-вторых, отмечалось глубокое влияние мусульманской религии на значительную часть населения. В республике существуют и действуют многочисленные мусульманские сектантские группы и секты (по неофициальным данным грузинского историка Л., их насчитывается около 150). По утверждению С.С. Апряткина, секты разжигают националистические настроения. По его словам, в Шалинском районе секта "Кунта-Хаджи" призывала к борьбе с "обрусением" чечено-ингушской молодежи[2]. На совещании в Совете Министров ЧИ АССР в апреле 1973 г. указывалось на паломничество к многочисленным святым местам, усиливающее религиозный фанатизм[3].

Мюридские религиозные группы "модернизировали" свою деятельность и используют технические средства для незаконного выхода в эфир (это строжайше преследуется законом) с передачами религиозного содержания. Изготовлялись и распространялись грампластинки и магнитофонные записи религиозного содержания[4]. О степени влияния религии на повседневную жизнь коренного населения автономии говорилось в письме в редакцию "Грозненского рабочего" молодых партийных и комсомольских работников – Ю. Айдаева, Д. Ахриева, Б. Бузуртанова, М. Ведзияжева, А. Каратаева, С. Сангуриева, М. Точиева, опубликованного под заголовком "Честно служить народу":

> ... значительная часть населения находится под влиянием религии. Мюридские общины различных толков, действующие в республике, пытаются контролировать морально-нравственные, семейно-бытовые, брачные и другие отношения, усилить свое тлетворное воздействие на молодежь[5].

Если судить по страницам "Грозненского рабочего", то получается, что мусульманское духовенство стало как бы "теневым государством" в государстве. При его благословении, участии и руководстве действуют, и притом очень активно, тайные суды "кхел", процветает калым, умыкание девушек, культивируется кровная месть, круговая порука и пр.[6] О любопытном случае противопоставления суда "кхел" народному суду рассказал, в частности, на X пленуме обкома партии С.С. Апряткин: в Назрановском районе народный суд привлек к ответственности группу расхитителей совхозного зерна. Затем тайно собрался суд "кхел", который постановил взыскать со свидетелей по этому делу в народном суде 7.400 рублей в пользу обвиняемых![7].

---

1 "Грозненский рабочий", 3 апреля 1973 г.
2 Там же, 11 апреля 1973 г.
3 Там же.
4 Там же.
5 Там же, 27 июня 1973 г.
6 Там же, 3 августа 1973 г.
7 Там же, 3 апреля 1973 г.

Однако трудно рассеять сомнение в том, не преувеличивают ли руководители ЧИ АССР степени влияния мусульманского духовенства, чтобы прикрыть свою некомпетентность, отсутствие собственного влияния и беспомощность в регулировании межнациональных отношений и тем самым оправдаться в глазах Москвы?

Третий официальный тезис состоит в том, что питательной почвой для разжигания национализма якобы служит "внеклассовый подход к оценке исторических явлений, идеализации прошлого, неправомерное преувеличение заслуг отдельных личностей, попытки представить чеченцев и ингушей как народы, не знавшие классового расслоения и классовой борьбы[1].

Содержание этого тезиса начало затем уточняться и расширяться в выступлениях партийных руководителей, а затем и историков. Основное внимание было обращено на подчеркивание положительной стороны политики царской России на Кавказе. Секретарь обкома М.О. Бузуртанов совершенно серьезно усматривает прогрессивное значение присоединения Чечено-Ингушетии к России в том, что иначе она не была бы сейчас социалистической нацией (!). Возвеличивая подвиги душителя кавказских народов генерала Ермолова, он критиковал историков и писателей Чечено-Ингушетии за одностороннюю трактовку "основания Ермоловым крепости Грозный" и за замалчивание значения крепости "в общей системе укреплений против угрозы порабощения народов Кавказа, в том числе чеченцев и ингушей,со стороны турецко-персидских завоевателей и англо-французских колонизаторов"[2]. Подобных антинаучных высказываний не было слышно уже лет двадцать пять, со времени великодержавно-шовинистической кампании борьбы с космополитизмом. В унисон с Бузуртановым выступил и историк КПСС К. Ефанов. Он в свою очередь повторял безо всяких веских научных аргументов не только тезис о классовом расслоении чечено-ингушского общества и острой классовой борьбы в нем, предавая анафеме все исторические работы, в которых этот тезис либо отрицался, либо подвергался сомнению, но и утверждал, что народные движения на Кавказе в 60-х – 70-х гг. XIX века были спровоцированы турецкими агентами в интересах Турции и Ирана (?!)[3].

Эти и другие подобные выступления несомненно служат признаками усиления великорусского шовинизма в Чечено-Ингушетии.

Но с другой стороны, они, эти выступления, также свидетельствуют о тупике, в котором очутились руководители автономии, проводившие стереотипную и бесперспективную политику в области национальных взаимоотношений.

Далее, официальная точка зрения заключалась в том, что необходимо вести решительную борьбу с затушевыванием "негативных процессов" и не скрывать от народа, особенно от молодежи, историческую правду, которая заключается в том, что в период борьбы за установление советской власти и во время Великой Отечественной войны классовые враги,

---

1 "Грозненский рабочий", 3 апреля 1973 г.
2 Там же, 30 июня 1974 г.
3 Там же, 18 марта 1975 г. Доктор исторических наук профессор К. Ефанов, заведующий кафедрой истории КПСС Чечено-Ингушского государственного университета.

организованные в банды, помогали врагам советского государства и советское командование вынуждено было для борьбы с ними использовать фронтовые части Красной Армии[1].

В мае 1974 г. "Грозненский рабочий" опубликовал большую статью В. Филькина под заголовком "Расчеты, построенные на песке". За объективное освещение истории Чечено-Ингушетии в годы Великой Отечественной войны. Филькин попытался рассказать о сложности политической ситуации здесь в годы войны. В статье не приводится никаких цифровых данных о количестве людей, вовлеченных в "политический бандитизм" (выражение В. Филькина, которое, очевидно, должно заменить ранее употреблявшийся термин "бандитизм"), и обходится молчанием вопрос об участии северокавказцев в гитлеровских военных формированиях. Характеристика позиций социальных слоев во время войны носит слишком общий и потому бездоказательный характер[2].

В свете февральских событий 1973 г., по-видимому, выявился разрыв, образовавшийся между приобщением коренного населения к благам цивилизации и потребностями в духовной культуре. В былые времена в дни религиозных праздников горцы гарцевали на конях, украшенных желтыми флажками, теперь украшают "Москвичи" и "Жигули"... В то же время часто появляются сообщения о травле, которой подвергаются в ряде районов приехавшие туда врачи, учителя, представители других интеллигентных профессий некоренной национальности. О такого рода фактах писал, например, применительно к Малгобекскому, Шалинскому, Назрановскому, Ножай-Юртовскому районам заместитель министра внутренних дел Чечено-Ингушской АССР Д. Банашев[3]. В печати сообщалось о случае травли специалистов некоренной национальности на трикотажной фабрике в Назрани в начале 1973 г., ставшей предметом судебного разбирательства[4].

И снова перед нами возникает вопрос, почему, во всяком случае после февраля 1973 года, печать не упоминает о негативных фактах обратного порядка, проявления великодержавного шовинизма по отношению к чеченцам и ингушам? Разве их нет? Не служат ли сообщения о враждебности к лицам некоренной национальности для оправдания великодержавного шовинизма? Следует иметь в виду, что в настоящее время, согласно переписи населения 1970 г., русское население в Чечено-Ингушской АССР составляет 34,5%, а чеченцы и ингуши – 58,5%[5]. При таком соотношении пользование столь хрупким инструментом, как национальная политика, требует особенного искусства. Однако и в Чечено-Ингушетии достаточно разумных людей. Одновременно с призывами к борьбе с национализмом прозвучали призывы к сдержанности. Доцент Грозненского нефтяного института Овчаров, резонно осуждая стремление "от-

---

1 "Грозненский рабочий", 27 июня, 28 июня, 4 августа 1973 г.

2 "Грозненский рабочий", 19 мая 1975 г.

3 Там же, 27 октября 1973 г.

4 Там же, 27 марта 1973 г.

5 Население СССР. Справочник. М., 2794, стр. 92-93.

дельных лиц" огульно охаять весь народ за действия "отщепенцев", призывал "решительно пресекать подобные попытки, давать отпор обывательской болтовне, объективно и последовательно освещать историческую правду, не допуская перегибов в ту или иную сторону"[1].

В ноябре 1973 г. на XIII пленуме ЧИ обкома КПСС первый секретарь С.С. Апряткин заявил, что "партийным организациям республики удалось разоблачить несостоятельность и вредность националистических требований в отношении Пригородного района... развенчать организаторов антиобщественных националистских проявлений, показать, что их действия направлены не в интересах народа, а, наоборот, во вред его жизненным интересам и устремлениям..."[2]

После столь мажорного заявления секретаря обкома пленум обратил внимание на то, что после X пленума многие ученые, особенно чеченской и ингушской национальности, еще не выступили в устной и печатной пропаганде. Выяснилось также, что в ходе сходок, проведенных во всех населенных пунктах республики, на партийных, рабочих, комсомольских собраниях были нежелательные выступления. Пленум констатировал "... изменение тактики жалкой кучки националистических элементов... " и потребовал "острого политического подхода к попыткам протаскивания под видом свободы обсуждения вредных идей и идеек"[3]. Очевидно, что обсуждения вышли из дозволенных рамок и последовала соответствующая команда.

После событий 23 февраля основные усилия в идеологической работе среди коренного населения республики сосредоточились на борьбе против культа "земли предков", т. е. против исторических претензий ингушей на Пригородный район. Итоги кампании были разочаровывающими. На пленуме обкома КПСС в июне месяце 1974 г. констатировалось, что для развенчания "культа земли предков" сделано мало[4]. Но можно ли вообще в нынешних конкретных исторических условиях убедить ингушей отказаться от своей исторической родины? Сомнительно.

---

1 "Грозненский рабочий", 28 июня 1973 г.
2 "Грозненский рабочий", 30 ноября 1973 г.
3 Там же, 30 ноября 1973 г.
4 Там же, 30 июня 1974 г.

Глава VI. Решения, которых нельзя избежать.

Незадолго до освобождения Крыма секретарь Крымского обкома ВКП (б) по пропаганде П. Чурсин писал в газете "Красный Крым":

> Если немцы говорят, что они принесли свободу татарам Крыма, – не верь этому! Теперь все убедились в том, что десятки татарских деревень снесены с лица земли, а сотни и тысячи крымских татар казнены. Немцы пришли в Крым как поработители и грабители татарского народа[1].

Спустя четыре года, в 1948 г., тот же Чурсин, выступая на совещании историков Крыма, говорил о крымских татарах совсем с иным чувством:

> Татарское население в Крыму никогда не являлось трудолюбивым. Поэтому, выселив татар, советское правительство поручило восстановление народного хозяйства Крыма русским и украинским колхозникам... Неверно молчанием критиковать крымских татар. О них нужно говорить правду, то есть разоблачать разбойничий характер, паразитический образ жизни...[2].

... Говорить правду, то есть разоблачать...

В этой формуле содержится квинтэссенция отношения к истории как к инструменту политики, и не более того. И в последующие годы не раз раздавались призывы "политизировать историю", т. е. фактически отказаться от истории как науки.

Призыв Чурсина был не только услышан, но и принят как руководство к действиям на ниве исторической науки. Историк П. Надинский писал в "Очерках по истории Крыма":

> Крымские татары, привыкшие жить за счет барышей, получаемых от грабительских набегов, сами лично мало и неохотно занимались производственным трудом[3].

Вслед за Надинским выступили и другие. Антикрымско-татарская пропаганда приняла в последующие годы широкий размах и стала, так сказать, обыденным, рутинным делом.

В 1968 г. Р.И. Музафаров и доктор исторических наук Г.Б. Федоров написали очень убедительную рецензию на работы Надинского и на коллективные "Очерки по истории Крыма", опубликованные в 1951-1967 гг.

---

[1] "Красный Крым", 18 февраля 1944 г. П. Чурсин "Волки в овечьей шкуре".

[2] Журнал "Вопросы истории" (№ 12, 1948, стр. 179-184), помещая информацию о совещании историков Крыма, лишь глухо упомянул об этом выступлении Чурсина.

[3] П. Надинский. Очерки по истории Крыма, ч. 1. Симферополь, 1951, стр. 98.

Высмеивая утверждения Надинского, будто "воссоединение (а не присоединение – А.Н.!) с Россией сразу же коренным образом изменило лицо Крыма. Он словно воспрянул из болота трехвекового прозябания. Общественно-экономическая жизнь в освобожденном от турецкого господства крае забила ключом"[1], рецензенты заключают:

> Подобные восторги наводят на мысль, что свою историческую концепцию П.Н. Надинский почерпнул "из забытых газет времен очаковских и покоренья Крыма". Но ведь такие "суждения" уже во времена Грибоедова считались устаревшими и реакционными[2].

До 1954 г. историки, пропагандисты, литераторы не уставали доказывать историческую принадлежность Крыма России. После передачи Крыма из состава РСФСР в состав Украинской ССР в 1954 г., в качестве подарка что ли к 300-летию годовщины воссоединения России и Украины, украинские историки начали рьяно доказывать "исконность" принадлежности Крыма Украине и с неистовством обличать крымских татар во всех смертных грехах. С новой силой возникли обвинения в "разбое", "измене", "предательстве" и пр.

Впрочем, в этом не было ничего оригинального. Еще в царской России было принято сваливать все военные неудачи на "предательство инородцев". Во время русско-турецких войн, в период Крымской войны в частности, как об этом выше уже было упомянуто, татарам неизменно приписывались царскими чиновниками и оголтелыми шовинистами обвинения в сотрудничестве с турками. Так постепенно создавался стереотипный образ крымского татарина как врага России и агента Турции. Готовый этот стереотип перекочевал и в арсенал антикрымской пропаганды в наше время.

Антикрымско-татарская пропаганда ведется уже более 30 лет. Показательна фальсификация, которой подверглись документы по истории Отечественной войны 1941-1945 гг. в Крыму. Обратимся к сборнику документов издания 1973 г.[3]

Вот несколько примеров фальсификации:

1. Док. № 164 – Справка обкома ВКП (б) о состоянии партизанского движения в Крыму от 18 декабря 1942 г., стр. 252-253.

Опущена фраза (даже без отточия) : "Послан в лес Мустафаев, третий секретарь ОК ВКП (б), и с ним группа татарских работников, из них 6 человек уже осели в татарских деревнях". (См. Облпартархив, ф. 151, оп. 1, дело 134, л. 47.)

---

[1] П. Надинский. Указ. соч., стр. 98.

[2] Р.И. Музафаров, Г.Б. Федоров. "Сужденья черпают из забытых газет..." Верстка журнала "Новый мир", 1969 г. Рецензия была принята журналом "Новый мир", набрана, несколько раз вставлялась покойным редактором А.Т. Твардовским в очередные номера журнала и изгонялась то цензурой, то кем-то еще повыше. Рецензия так и не увидела свет.

[3] Крым в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Симферополь, 1973. Изд-во "Таврия". Составители И. Кондратов (заведующий Крымским областным партийным архивом), А. Степанова (научный сотрудник).

2. Док. № 259 – Информация о сборе средств на танковую колонну "Крымский партизан", 4 мая 1944 г., стр. 373-374.

Опущена фраза: "Колхозники и колхозницы сельскохозяйственной артели "Икенджи башсене" Ак-Шенского района Музакар Асан, Асанова Эльмас, Килиляева Катише, Бектышев Калиль внесли из личных сбережений 13 тысяч рублей". (См. газ. "Красный Крым", № 35 (5808), 4 мая 1944 г.)

3. Док. № 146. Из доклада командования партизанским движением в Крыму в обком ВКП(б) о деятельности партизанских отрядов с 1 ноября 1941 г. по 21 марта 1942 г., 21 марта 1942 г., стр. 217-219.

Опущена фраза: "Татарское население степных районов, русские и греки с нетерпением ждут прихода Красной Армии, помогают партизанам". (См. Облпартархив, ф. 151, оп. 1, дело 19, лл. 49-51).

4. Док. № 152. Из информации Крымского обкома партии в Центральный штаб партизанского движения о состоянии партизанского движения в Крыму, 7 июля 1942 г., стр. 223-232.

Опущена фраза: "В то же время следует отметить, что татары степной части Крыма не проявляют такой враждебности к партизанам, как татары горной части. Нередко проявляют свои симпатии к партизанам, не поддерживают немецких фашистов, ждут прихода советской власти, и немцы это видят". (См. Облпартархив, оп. 1, д. 22, л. л. 1-13.)

5. В документах №№ 40, 51, 81 и др. (стр. 68, 75, 80, 120-121) опущены фамилии председателя Совнаркома Крымской АССР М. Ибраимова и управделами Совнаркома И. Сейфуллаева. Вместо фамилий стоит слово "подпись".

Имена активных участников партизанского движения – крымских татар либо замалчиваются, либо русифицируются. Вот несколько примеров:

Настоящее имя	Переделанное имя
Сейдали Агаев (участник севастопольского подполья. Арестован 13.X.1943 г. Расстрелян оккупантами). (См. И. Козлов. В крымском подполье. М., 1972, стр. 418-420.)	*С. Агеев*
Сейдали Куртосеитов (партизан-диверсант. Погиб в начале 1944 г.) (См. И. Козлов. Указ. соч., стр. 104.)	*С. Курсаков*
Джецхай-Кашик Неджибе Батталова (учительница, подпольщица из с. Джермай-Кашик. Повешена оккупантами). (См. П. Мешалкин и К. Распевин. В логове врага. "Труд", 10 марта 1959 г.)	*Батаева*

Алиме Абдакнанова (армейская разведчица из с. Джермай-Кашик) (См. П. Мешалкин и К. Распевин. Указ. соч.)	*Разведчица Аня* Авторы пишут, что фамилию "Ани" установить не удалось.
Абдулла Сейдаметович Дагджи (руководитель самой крупной подпольной организации в Симферополе. Погиб в 1943 г.). (См. И. Козлов. Указ. соч., стр. 93; Н. Луговой. Побратимы. Симферополь, 1965, стр. 65.)	*"Дядя Володя"* (кличка, фамилия не указывается)
Нейле Велиева (крымская татарка, подпольщица). (См. И. Козлов. Указ. соч., стр. 435.)	*Нейле Велшева* казанская татарка

Для того чтобы закончить эту картину фальсификации, умалчиваний и искажений, приведем последний пример: в автореферате кандидатской диссертации Г. Бабичева[1] приведены данные о национальном составе участников партизанского движения в Крыму на 15 января 1944 г. Вот эти данные, по Бабичеву: из общего числа 3.773 человека русских – 1944, украинцев – 348, белоруссов – 22, армян – 69, грузин – 134, азербайджанцев – 66. Итого получается 2583 человека. А к каким национальностям принадлежали остальные 1190 человек? Ведь цифра не маленькая – 1190 человек, треть всего состава. Не крымские ли татары, не греки ли, не крымчаки ли, не евреи ли, наконец?

* * *

После реабилитации народов Кавказа понадобилось еще 7 лет, чтобы реабилитировать немцев Поволжья. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 г., появившийся всего за два месяца до устранения от власти Н.С. Хрущева, еще носил отпечаток недавних бурных лет борьбы с культом личности Сталина и разоблачений произвола, сделанными на XX и XXII съездах КПСС. В Указе говорилось:

> В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. "О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья" в отношении больших групп немцев – советских граждан было выдвинуто обвинение в активной помощи и пособничестве немецко-фашистским захватчикам.
>
> Жизнь показала, что эти огульные обвинения были неосновательны и явились проявлением произвола в условиях культа личности Сталина.

---

[1] Г. Бабичев. Комсомольцы Крыма – активные помощники партии в Великой Отечественной войне (1941-1945). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Киев, 1959, стр. 21.

В действительности, в годы Великой Отечественной войны подавляющее большинство немецкого населения вместе со всем советским народом своим трудом способствовало победе Советского Союза над фашистской Германией...[1].

Советским немцам были возвращены все гражданские права, но их автономия восстановлена не была.

Глубокое разочарование половинчатым решением привело к возникновению движения среди немецкого населения Советского Союза за выезд на свою историческую родину – в Германию, что в конкретных условиях нашего времени означает, что для большинства немцев, желающих покинуть Советский Союз, речь идет о переселении в ФРГ. И далее – обычная история любого движения в нашей стране: петиции, требования, репрессии властей, солидарность с подвергшимися репрессиям демократической общественности нашей страны, негодование мирового общественного мнения, появление еще одного острого момента во взаимоотношениях между СССР и ФРГ.

А ведь этого конфликта так легко было избежать, да и сейчас еще не слишком поздно решить эту проблему.

Реабилитация крымских татар затянулась еще больше. Указ Президиума Верховного Совета СССР о снятии "огульных обвинений в отношении всех граждан татарской национальности, проживавших в Крыму", последовал лишь 5 сентября 1967 года[2], т. е. спустя 23 года после насильственного выселения татар из Крыма.

Хотя формально обвинения в сотрудничестве с врагом во время войны были сняты с крымско-татарского народа, но сделано это было с существенными оговорками.

Прежде всего в Указе говорится о "гражданах татарской национальности, проживавших в Крыму". Это означает упразднение понятия "крымские татары" как народа или национальной группы и подмену этого этнического понятия государственно-правовым "граждан татарской национальности, проживавших в Крыму". Практически же снимается вопрос о восстановлении автономии крымских татар, ибо раз нет такого народа, то не может быть и автономии!

Здесь тонкий расчет, а совсем не невежество, как полагают некоторые исследователи.

Для того чтобы выбить почву из-под ног у того поколения крымских татар, которые жили и работали при автономии, в Указе специально подчеркивается, что обвинения снимаются, "тем более что в трудовую и политическую жизнь общества вступило новое поколение людей". Мол, это делается не столько для тех, кто был репрессирован, сколько для их детей. Так что же это – реабилитация или снисхождение?

Другой аргумент против ожидаемых протестов в связи с тем, что Указ обходит молчанием вопрос о восстановлении Крымской АССР, заключа-

---

[1] Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР 1938-1967. Том 1, М., 1968, стр. 165.

[2] Там же, стр. 166-167.

ется в утверждении, содержащемся в Указе, что татары из Крыма будто бы "укоренились" в Узбекистане и на территории других союзных республик. Это очень туманное определение, которое можно толковать и узко, и расширительно. Узко, если речь идет о территории проживания; расширительно, если речь идет об ассимиляции крымских татар Средней Азии, утрате ими своей культуры, языка, письменности. Но оказывается, что "укоренения" то никакого и не произошло, а речь идет лишь о местопребывании, т. е. о прописке и о работе.

В обращении крымско-татарского народа от марта 1971 года, направленного XXIV съезду КПСС, сообщается об итогах опроса 18 тысяч крымских татар, проживающих в Ташкентской области, по вопросу возвращения в Крым. Против возвращения в Крым высказалось всего 9 человек и 11 воздержалось от выражения своего мнения. Таким образом, абсолютное большинство высказалось за возвращение[1]. Так обстоит дело с "укоренением" крымских татар в Узбекистане.

Формально Указ от 5 сентября 1967 г. возвращал крымским татарам все права, которыми пользуются все остальные граждане СССР. Фактически же остались нерешенными не только самая основная проблема – восстановление Крымской АССР, но и весь комплекс гражданских прав, гарантированных Конституцией СССР, начиная от свободы проживания (татар Крыма в Крыму, как правило, не прописывают) до права обучения на родном языке.

До войны в Крыму было несколько сот школ, начальных и средних, с преподаванием на крымско-татарском языке. В высших учебных заведениях и техникумах обучалось более 1600 крымских татар (из 11 тысяч студентов Крыма). Многие из них готовились стать врачами и педагогами.

Издавалось 9 газет на крымско-татарском языке. В 1940 г. из 1487 печатных листов, опубликованных в Крыму, 938 были на крымско-татарском языке. Кроме того, на этом же языке выходило 3 журнала. Существовал национальный театр, научно-исследовательский институт, в котором разрабатывались проблемы истории, философии, культуры Крыма.

Среди депутатов местных советов Крымской АССР было 2207 татар, на руководящей партийной и комсомольской работе находилось 837 лиц татарской национальности и на руководящей советской работе – 275[2].

Сейчас нет ни одной школы, нет национального театра, института. В Узбекистане издается пока лишь одна газета на крымско-татарском языке (три раза в неделю).

За 9 месяцев 1939 г. было издано 58 учебников на крымско-татарском языке. За 30 лет (1944-1973) – лишь 2 учебника. За годы "укоренения" в Узбекистане не вышло ни одного исследования по крымско-татарской филологии, истории, ни одного словаря. В последние годы при Ташкентском университете открыто небольшое отделение по крымско-татарской филологии, но студенты не имеют ни учебников, ни словарей. Естествен-

---

[1] "Хроника текущих событий", Нью Йорк, № 31, 1974, стр. 135.

[2] Юбилейная сессия Верховного Совета Крымской АССР. 6 ноября 1940 г. Стенографический отчет. Симферополь, 1941, стр. 19-21.

но, что такое ненормальное положение находится в вопиющем противоречии с Конституцией СССР и со Всеобщей декларацией прав человека, вызывает движение протеста крымско-татарского народа и солидарность лучших представителей демократической общественности страны с крымскими татарами. Назовем хотя бы имена П.Г. Григоренко, А.Е. Костерина, И. Габая. Свирепые репрессии против участников этого движения наносят немалый вред репутации Советского Союза.

Попытка отсечь всякую возможность возвращения татар в Крым путем усиленного заселения его украинским населением не решит проблемы, а лишь усложнит ее, туже затянет узел противоречий в этом вопросе.

Даже сейчас, в 1975 г., плотность населения Крымской области, особенно ее степных районов, гораздо ниже плотности многих других областей и республик Союза. Всем бы хватило места в Крыму – и украинцам, и татарам, и всем другим, кто бы пожелал там поселиться.

Рано или поздно, но крымские татары возвратятся в Крым. Мудрая политика заключается в том, чтобы ускорить это возвращение и тем сделать его наименее болезненным для всех заинтересованных сторон. Этого решения избежать нельзя.

* * *

Выселение народов Кавказа и Крыма в конце войны было, несомненно, одним из проявлений глубокого кризиса сталинского режима, который особенно явственно обозначился после войны. В многонациональном государстве, каким является Советский Союз, кризис режима сказался прежде всего в области национальных отношений. Можно с уверенностью сказать, что при всех кризисных ситуациях национальная проблема в СССР будет преобладать над всеми остальными. Этому учит опыт истории.

В XX веке в Европе существовали две многонациональные империи: Австро-Венгерская монархия и царская Россия. Первая распалась в связи с поражением, понесенным в первой мировой войне, но главная причина распада была неразрешимость национальных противоречий империи Габсбургов. Правящая нация – немцы составляла меньшинство населения, а большинство – малые народы. Правящая нация оказалась не в состоянии помешать центробежным силам, разрушившим империю.

В царской России правящая нация – русские составляла относительное большинство, что сыграло немалую роль в удержании значительной части окраин империи после революции в феврале 1917 года. И дело заключалось не только в факторе голой физической силы – Россия была значительно ослаблена войной и внутренними противоречиями, – а в сильной экономической взаимозависимости собственно России и окраин, а также в значительном идейном влиянии русской культуры.

В составе Советского Союза, возникшего на обломках империи Романовых, осталась большая часть приобретений, сделанных за предыдущие три столетия.

Истории было угодно, чтобы Советский Союз остался в Европе единственным многонациональным государством. (На его территории проживает больше ста народов.) Вся проблема национальных отношений во

многонациональном государстве зависит от умения сочетать давление и требования со стороны центральной власти (включая потребности экономического развития и общегосударственного планирования) с развитием национально-специфической культуры отдельных народов. Мысль Ленина о "культурной помощи" малым нациям со стороны вчерашнего угнетателя, чтобы эти нации могли построить "свое государство"[1], была абсолютно правильной, но оказалась в противоречии с прагматизмом центральной власти, добивающейся усиления государственной мощи. Вся система межнациональных отношений находилась под постоянным воздействием централистских тенденций, носивших, с одной стороны, объективный характер, а с другой, отражавших стереотипное представление о методах "национального регулирования", унаследованных от царской России. Решительное социальное переустройство без особенных скидок на национально-специфические особенности вызывало обострение всех без исключения противоречий государственной и внутринациональной жизни. При таких условиях неизбежным становилось и возникновение конфликтных ситуаций между большими и малыми нациями, вплоть до вооруженной борьбы (восстание в Грузии и его беспощадное подавление, уничтожение "национал-уклонистов", массовые высылки коренного населения сначала по социальному признаку, а затем и поголовное – по национальному признаку).

В сущности говоря, острые конфликтные ситуации на национальной почве, систематические идеологические кампании, призванные то оправдать завоевательные войны царской России, то доказать неправомерность и реакционность национально-освободительных движений окраинных народов, то шумные походы против национальных эпосов, т. е. фактически против их культурного наследия, то взрывы антисемитизма, отражают крайне слабую "обратную связь" между народами и Государством. По мере того как малые народы поднимались (при большой помощи центральной власти) из болота экономической отсталости и забитости, благодаря ликвидации неграмотности, появления у многих народов письменности, а следовательно, и печатного слова, роста духовной культуры, а не только материальных потребностей, возникало и усиливалось стремление к большей самостоятельности, к культурной автономии, к расширению местных прав. Усилилось уважение к своей собственной истории и культуре, уже не в силу вековой приверженности к вере и традициям своих отцов, а благодаря духовному осмыслению ценности прошлого своего народа. На этом этапе национального самопознания появляется стремление к облегчению опеки нации большинства, если не к полному освобождению от нее.

Однако за то время, пока малая нация прошла путь от приобщения к благам современной цивилизации до осознания цельности своей собственной культуры, происходили существенные перемены, связанные с миграцией населения, перемешивания его и частичной ассимиляции. С точки зрения общечеловеческого прогресса, естественный, т. е. без какого-либо

---

[1] В.И. Ленин. Полное собр. соч., т. 30, стр. 36.

насильственного вмешательства в ту или другую сторону, процесс перемешивания населения является той благодатной почвой, на которой произрастает осознание малой нацией своей культуры как части общечеловеческой. Взаимопроникновение и, следовательно, взаимодействие и взаимообогащение культур различных народов – вот, пожалуй, единственный верный путь к решению национальных проблем вообще.

На этом пути много препятствий и прежде всего политика нажима и силы нации большинства. Сила же, или политика, основанная на возможности ее применения в любой момент, не может быть постоянным или долговременным фактором поддержания единства во многонациональном государстве, так как великодержавный шовинизм нации большинства будет оказывать постоянное воздействие. А это в свою очередь автоматически рождает сопротивление малой нации, способствует ее замыканию в узконациональные рамки. Малые нации инстинктивно, а не только сознательно, ищут выхода для себя в защите даже тех традиций, которые на самом деле довлеют мертвым грузом и которые, не будь постоянного нажима со стороны центральной власти или нации большинства, сами постепенно отмерли бы под влиянием не силы, но более высокой духовной культуры. Очевидно, что проблема национальных взаимоотношений может быть разрешена лишь безоговорочным предоставлением культурной автономии всем народам, проживающим на территории Советского Союза.

Фактическим поощрением шовинизма и национализма являются всевозможные ограничительные или отличительные меры по национальному признаку, включая административные меры по "национальному регулированию", начиная от графы в паспорте с указанием национальности его владельца (кажется, из всех цивилизованных стран только у нас еще и сохранилась такая дикость) и ограничениями в прописке по национальному признаку или квотами при приеме в высшие учебные заведения, всякого рода устная и печатная пропаганда, направленная против какого-либо народа, каким бы идеологическим камуфляжем она ни была прикрыта.

Каждая, даже самая незначительная, мера, поощряющая шовинизм и вызывающая неизбежно национальное отчуждение, производит в здании многонационального государства пусть едва заметные, микроскопические, но трещины. Когда же их накопится слишком много, они могут вызвать внезапную катастрофу.

Одной из таких катастроф и было насильственное поголовное переселение народов в 40-х года. Ощущение этой катастрофы еще свежо и до сих пор во многих областях, но особенно в сфере нравственной.

Потребуются еще многие годы и значительные усилия, чтобы залечить эту рану. А ведь она у нас не единственная...

Разговор в поезде
(вместо послесловия)

В середине апреля 1974 года я возвращался из Белгородской области в Москву после посещения могилы старшего брата, погибшего на Курской дуге в 1943 г.

Ночью удалось сесть в Харькове в поезд Махачкала – Москва. Я поспешил залезть на полку, чтобы дать возможность попутчикам продолжить сон, потревоженный моим появлением. Утром я обнаружил, что соседями по купе были трое: две женщины и мужчина.

Одна из женщин оказалась довольно хорошо одетой русской дамой в том неопределенном возрасте, когда легко ошибиться, дав либо слишком мало, либо слишком много лет. Вероятно, ей было что-то между 45 и 50 годами. У нее было довольно приятное лицо, чуть подкрашенные темные волосы. Несколько портили ее внешность золотые зубы нижней челюсти. Другая женщина, лет около тридцати, с большими серыми глазами и с чуть удлиненным лицом, была ингушкой. Из неторопливого разговора женщин я узнал, что ингушка недавно развелась с мужем и теперь едет в Москву не то к сестре, не то к приятельнице. Соседом по купе оказался подтянутый, небольшого роста человек лет 60-и, с гладкой, казалось, полированной головой. "Полковник в отставке", – подумалось мне.

Разговор между женщинами шел главным образом о женах известных в Грозном людей, по преимуществу писателей.

Услышав имя писателя Базоркина, я встрепенулся и обратился к русской даме:

– Извините меня за вторжение в ваш разговор, но услышал имя Идриса Базоркина и хотел бы узнать, печатали ли его после событий 1973 г.?

Женщина отрицательно качнула головой.

– Да, – сказал я задумчиво, – из-за того что ингушам не возвратили сразу Пригородного района, было и еще будет много осложнений.

При этих словах ингушка внимательно взглянула на меня, но в разговор пока не вмешивалась. Русская женщина как бы полусогласилась со мной, но я почувствовал, что она думает совсем по-другому.

– Конечно, – сказала она, – все это дело – палка о двух концах. Но еще вопрос, надо ли было после одной ошибки совершать другую.

Она явно имела в виду, что, хотя выселение чеченцев и ингушей в 1944 и было ошибкой, но возвращение их на Кавказ было также ошибкой. Естественно, я возражал и высказал мнение, что ошибка состояла не в том, что несправедливость, допущенная по отношению к чеченцам и ингушам, была исправлена, а в том, что она не была исправлена сражу же и до конца – им надо было возвратить все земли, на которых они проживали.

Мысли женщины пошли в другом направлении:

– Я ведь жила тут и еще девочкой видела все собственными глазами. Это было ужасно. Их собрали в 6 часов утра 23 февраля и начали грузить на "Студебеккеры". Старикам разрешили проститься с землей. Они читали молитвы и плакали. Вдруг я увидела ребенка, он, ковыляя, брел от одной женщины к другой. Сердце сжалось от боли...

У ингушки потемнели и без того темные глаза, но она продолжала бесстрастно слушать, пока не вмешиваясь в разговор. Лишь руки, сложенные крест-накрест на груди, чуть сжались.

– Они начали возвращаться в 1955, – продолжала свой рассказ русская женщина.

– По-моему, в 1956, – пытался поправить я ее. – Ведь Указ о восстановлении Чечено–Ингушетии был издан в начале 1957 года. А они начали возвращаться за год до того.

– Возвращаться они начали в 1955, – повторила снова женщина. Многие русские семьи спешили уехать, особенно переселенцы с Украины.

– Нет, – вмешалась наконец ингушка, – многие переселенцы и сейчас продолжают жить рядом с нами.

Между женщинами возник быстро спор, каждая осталась при своем мнении.

– Потом была ужасная история в августе 1958 года, – продолжала старшая из моих попутчиц. По проспекту Революции шла похоронная процессия. Гроб несли не как обычно, а вот так (тут она жестом показала, что гроб высоко возвышался над толпой провожающих и как бы одиноко плыл по воздуху).

– Не было ни криков, ни плача, только глубокое молчание...

Я опять не утерпел:

– Кого же хоронили?

– Моряк один в отпуск приехал. Вечером вышел на танцы и там пригласил одну девушку, за которой ухаживал местный. Тот подстерег моряка и убил его. Хоронили этого моряка.

– Русского?

– Да.

Ингушка подняла глаза, видимо, что-то припоминая.

– Да, – сказала она, – я знаю этот случай. Тот, кто убил, был по брату моего отца племянник моей тети. – Она обвела нас глазами, спрашивая взглядом, поняли ли мы степень родства. Мы деликатно промолчали.

– Он в тюрьму попал и оттуда уже не вышел. Умер, должно быть.

Все вздохнули. Русская же дама продолжила свой рассказ:

– Толпа подошла к зданию обкома партии и остановилась. Потребовали, чтобы кто-нибудь вышел и сказал речь над гробом. Но никто не появился. Обкомовские работники поспешно закрыли все двери и не показывались. Настроение толпы быстро накалялось. Кто-то подошел к двери и начал колотить в нее. – Рассказчица внезапно остановилась и улыбнулась, будто вспомнив что-то веселое.

– Девочка жила у нас во дворе, лет 12-и. Она и другие дети с нашего двора побежали вслед за толпой, которая тем временем уже начала штур-

мовать здание обкома. Наконец, двери были взломаны, и толпа ринулась вверх по лестнице. Вдруг из окна третьего этажа высунулась эта девочка и радостно закричала: "Ура, наша взяла, мы победили!"

"Вот так, наверное, и происходит революция ", – подумал я.

– ... Перепуганные обкомовские работники старались спрятаться, скрыться, но разъяренная толпа хватала их и избивала.

У нас в доме жил один преподаватель истории. Его жена – моя подруга. Он был в обкоме по делу в это время. Его схватили и начали избивать. Его били зверски, отбили у него все внутренности. Он умолял, просил, пытался объяснить, что он всего лишь преподаватель, а не обкомовский работник. Его приволокли домой и отпустили лишь после того, как его жена вынесла его мучителям диплом преподавателя.

Затем, – продолжала женщина, – откуда-то на площади появилась машина с репродуктором. И вот какая-то учительница уже кричала в микрофон: "Почему нет масла? Почему нет продуктов?" Толпа требовала, чтобы приехал Хрущев. Появилась милиция, а затем и войска. Им удалось прервать связь между центром города и окраинными районами и тем предотвратить столкновения между русскими и чеченцами. Потом из Москвы как будто Яснов приезжал вместо Хрущева, – закончила свой рассказ пассажирка.

– А в 1973 году как будто все закончилось мирно, без кровопролития?

– Да, столкновений не было. Только разбили витрину "Гастронома". Просто ингуши пришли к зданиям обкома и правительства и начали просить, чтобы им возвратили земли, которые отошли к Северной Осетии.

– Вы знаете, – заволновалась русская женщина. – Ведь они в Осетии плохо поступали с ингушами. Не брали на работу, выгоняли с работы. Вот дагестанцы поступили не так. Они сразу же, как появились чеченцы и ингуши, возвратили им Ведено.

– А что, Базоркин был одним из руководителей движения?

– Да. Не знаю, то ли это было стихийно, то ли подстрекатели были.

– Мне кажется, – заметил я, – что обстановка была настолько накалена, что "стихия" быстро организовалась. Я вот недано читал "Грозненский рабочий" за 1973 год, и там называли ряд имен ответственных рабоников, которые будто бы возглавляли движение, – среди них первый секретарь Назрановского райкома КПСС и бывший председатель Сунженского райисполкома.

– В газетах об этих событиях не писали, – изумилась рассказчица.

– Прямо не писали, но потом появились статьи, гле назывались имена...

Тут ингушка ненадолго покинула нас.

– Чем же кончились события в 1973 году?

– Да кое-кого убрали (выразительный жест рукой). Да и сейчас прибирают потихоньку. Вот вы им сочувствуете, – добавила дама, – а ведь им выселение на пользу пошло.

– Как так? – удивились разом и я, и мой сосед, решивший, видимо, принять участие в разговоре.

– У чеченцев мешки с деньгами были. Они ничего не покупали. А как пожили в Казахстане, приобщились к культуре. Вот теперь как они модно одеваются, вы бы посмотрели.

Мы с соседом переглянулись.

– Причем же здесь культура? Просто они начали жить в непривычных для них условиях совсем по-другому, узнавали ценность и необходимость различных вещей. Стали что ли более цивилизованными. А культура тут не при чем.

– А среди русских тоже немало таких, кто весь век копят, а сами живут впроголодь, – вдруг как-то решительно заметил наш сосед.

– Это "приобщение к культуре" дорого им досталось. Сколько их вымерло, – сказал я.

Тут сосед вышел покурить в коридор, а может, и не за тем вышел, и мы остались наедине.

– А вы знаете, что говорил генерал Ермолов про них? – быстро спросила моя собеседница.

Я выжидательно посмотрел на нее.

– Он говорил, что этот народ перевоспитать нельзя, их можно только истребить.

На мгновение я представил себе, нет, не истребление чеченцев и ингушей, а как генерал Ермолов произносит слово "перевоспитать", и невольно улыбнулся. "Должно быть, – подумал я, – он такого слова и не употреблял вовсе".

Женщина с некоторым недоумением остановилась, но тут же продолжила:

– ... А они каждый год памятник его подрывают.

– Вот вам и "приобщение к культуре", – засмеялся я.

В этот момент в дверях появилась ингушка и вслед за ней и наш сосед. "Пожалуй, он все-таки не полковник, – подумал я. – Может быть, профессор или доцент?"

Ингушка услышала мои последние слова о "приобщении к культуре" и, обращаясь к русской даме, сказала, не скрывая торжества:

– Вот видите, никто из мужчин вас не поддерживает.

Обе они рассмеялись.

Разговор снова вернулся к чеченцам.

– Вот вы говорите, что чеченцы пострадали. Это верно. Я ведь никого не защищаю. Для меня все национальности одинаковые: чеченцы, евреи (тут она выразительно посмотрела на меня), ингуши. Но во время войны среди "них" столько бандитов было, сколько людей они поубивали. Да вот, например, начальника НКВД Дадаева (Дудаева?) просто растерзали, буквально растерзали: оторвали у него руки и ноги. А недавно один бандит в горах объявился, и никак его не могут поймать. Должен был к нему на встречу выйти председатель комитета госбезопасности и, представьте себе, машина у председателя ломается, и он не едет, а бандит сидит в засаде и поджидает машину. А в это время на другой машине проезжает Кузаков, заместитель председателя. Так бандит его из пушки...

– Как, из пушки? – ахнул я.

– Ну, молодцы ребята, – почему-то радостно заерзал наш сосед. ("Нет, полковник он", – решил я окончательно.)

– Да, пушка, конечно, пушка, – упрямо настаивала женщина. Но, видя наши недоверчивые лица, начала сомневатья:

– А может быть,это не пушка, а этот, как его там, ... пулемет?

Все засмеялись.

Ингушка закивала:

– Да, у них оружия много, пистолеты почти у всех.

– И автоматы, – добавила русская.

Ингушка выглядела почему-то необычайно довольной.

– Он, – сказала она, имея в виду бандита, – как Зелим-хан...[1].

– Вот она говорит, – снова вступила в разговор дама, кивая в сторону ингушки, – что потребуется десять лет, чтобы их перевоспитать.

– Десять, – повторил я, – а может быть, пятьдесят?

– Русских тоже надо воспитывать, – мрачно сказал наш сосед. – Сколько среди них лодырей, пьяниц. А потом, почему бы не дать всем жить так, как они хотят, как они привыкли, согласно их традициям?

Тут наш разговор перешел на обычаи и традиции. Начались новые рассказы об обычаях захоронения мертвых у чеченцев и ингушей. Я спросил ингушку, существуют ли еще тейповые обычаи, тайный мусульманский суд и прочее. Та ответила утвердительно.

– Мой знакомый, – вмешалась наша главная рассказчица, – долгие годы собирал материалы о сектах и сектантах в Чечено-Ингушетии. Как будто бы для диссертации. И даже присутствовал при их обрядах. Так он установил, что у нас существует 150 сект.

– А вы говорите десять лет на перевоспитание, – напомнил я, обращаясь к ингушке. Она как-то загадочно усмехнулась.

И тут разговор неожиданно перешел на воспитание молодежи и на взятки. Я признал, что в Москве, нашей столице, взятки тоже берут. Обе женщины были эти признанием обрадованы: значит, и в Москве не все так гладко...

Поезд медленно и плавно подошел к перрону.

Вот и Москва.

Расстались мы по-дружески.

По дороге домой, думая о том, как по-разному люди воспринимают события, я вспомнил Гете:

Правду, мы вам говорим, правду,
Одну только правду!
Нашу правду, естественно, –
Мы и не знаем другой!

---

[1] Зелим-хан, чеченец, грабивший богатых и раздававший добычу беднякам, жил в начале XX века, так сказать, чеченский Робин Гуд.

Приложение № 1

Белградскому совещанию по безопасности и сотрудничеству в Европе

Политбюро ЦК КПСС

Верховному Совету Союза ССР

Общественности

В канун 60-летия победы Октября восстановить завоевания Октябрьской революции в Крыму, растоптанные в 1944 году врагами Советской власти *

В 1783 году, 193 года тому назад, Российская империя захватила Крым. Этим актом императрица Екатерина II непосредственно приступила к осуществлению великодержавного, шовинистического плана Российской империи по глобальной аннексии на юге и востоке Европы и Азии.

Девиз первого этапа аннексии означал по Крыму: "Благословен тот час, когда Крым будет очищен от этого дикого племени (крымских татар – примечание народа) и заменен благородной породой (т. е. славянами)". Это означало – "Крым без крымских татар", "Черное море – Русское море", "Царьград – третья столица России"; это означало захват Черного моря и пролива, захват Турции и Стамбул сделать третьей столицей России.

Через 134 года с момента захвата Крыма пролетариат и угнетенные народы Российской империи при активной поддержке мирового пролетариата уничтожили царизм с его планами и девизами.

По данным переписи 1917 года, численность крымских татар в Крыму составляла 320 тысяч человек, т. е. 40 % от общей численности населения. 320 тысяч к общему количеству крымских татар до захвата Крыма Россией (8 миллионов человек в XVII – XVIII вв.) составляет всего 4 %. Это означает, что за 134 года господства царизма над Крымом выселено, эмигрировало и истреблено 96 % крымских татар, т. е. 7 миллионов 680 тысяч человек. По данным переписи, к концу 1940 г. численность крымских татар в Крыму составила 560 тысяч человек (материалы переписи сданы в ЦК КПСС на имя XXV съезда). Это означает, что за 24 года в условиях советской власти численность крымских татар в Крыму увеличилась на 220 тысяч человек, т. е. средний ежегодный естественный прирост составил 2,7 %, а численность крымских татар к общей численности населения Крыма составила свыше 45 %. Эти данные наглядно показывают, что за 134 года господства царизма над Крымом, даже при катастрофическом истреблении, великодержавному шовинизму не удалось выполнить план

---

* Печатается с сохранением стиля подлинника.

полной ликвидации татар в Крыму, и, несмотря на крупные государственные меры по заселению, шовинизму не удалось заменить "дикое племя" на "благородную породу людей".

Ленинизм и революция, утвердившие начало новой эры на земле, окончательно поставили крест на державный план "Крым – без крымских татар", утвердили новый план равноправия и дружбы народов – план социализма на земле.

Выполнение бредовой мечты уничтоженного евроазиатского жандарма – план "Крым – без крымских татар" – как наследие, эстафета перешло недобитому великодержавному шовинизму. Он не дремал, лихорадочно действовал. Ему для реванша нужны были время и благоприятная ситуация. *И вот 18 мая 1944 года,* спустя 161 год после захвата Крыма Россией, на 27 году победы революции, за одну ночь план ее величества Екатерины – "Крым – без крымских татар" – выполнен. 422 тысячи человек – дети, жены, братья, сестры, отцы и матери воинов, сражающихся на переднем крае огня против фашизма, – высланы под ложным, коварным предлогом: "за измену Родине".

План царизма – захват Крыма, ограбление, выселение и массовое истребление крымских татар,– оказавшийся не под силу российской самодержавной монархии, кайзеровской империалистической Германии и гитлеровской фашистской Германии, этот план по духу и содержанию полностью отвечал целям и интересам только империализма; дополненный стратегией глубокого подрыва устоев и основ советской власти и социализма, осуществлен в СССР в условиях войны, в обстановке культа личности Сталина (союзником и лакеем международного империализма) великодержавным неофашизмом вкупе с подлой бандой Берии, с привлечением контингентов Советской Армии, административных органов СССР, транспорта и материально-технических средств государства.

Тщательность и всеобъемлющий характер подготовки и осуществления злодеяния, четкость, тонкость проникновения и опутывания личностей, облеченных полномочной властью в высших сферах, а также глубина и дальность прицела, нацелившегося на жизненные основы социалистической революции, на сущность социалистического государства как классового революционного народовластия и на основополагающие принципы социализма, – ясно раскрывают место и стратегическое значение осуществления плана "Крым – без крымских татар" в глобальных планах борьбы системы империализма против системы социализма. *Империализм на историческом опыте – интервенции, озера Хасан, Халхин-Гола, на линии Маннергейма и при осуществлении плана "Барбаросса" – окончательно убедился, что в единоборстве с Октябрем-социализмом реализовать военное превосходство и победить возможно лишь при условии лишения СССР и социализма главенствующего оружия, т. е. при разгроме равноправия и суверенитета малых и больших народов, составляющих нерушимый фундамент единства тыла и фронта – основу основ необходимости социализма.*

Исходя из этой оценки, неошовинизм-империализм сделал ставку на максимально быстрое завершение второго этапа плана "Крым – без крым-

ских татар" – завершение заселения Крыма "лучшей породой", славянами, истребление и вычеркивание из мировой истории крымско-татарского народа, тавров, всего того, что может свидетельствовать или напоминать о них. Таким образом радикально и окончательно избавиться от коренного народа, имеющего историческое право претензии на Крым как на свою исконную землю. Поэтому не случайно шовинизм в союзе с украинским национализмом со дня выселения на главной арене – родине крымских татар – осуществляет цель: на земле крымско-татарской ни одного крымского татарина. Наглухо запереть Перекоп, Чонгар и Керченский пролив, исключить возможность проникновения крымско-татарскому народу в Крым – сухопутным, морским и воздушным путями. 23 года союзу этих сил. За это время им удалось, вопреки воле и курсу партии, решениям XX – XXII съездов, наперекор равноправию народов СССР и принципам социализма, держать на замке все подступы к Крыму против возвращения крымских татар, упрямо атакуя марксизм-ленинизм, рассчитывая довести эстафету царизма до финиша – до желанной мечты своих хозяев. Одновременно в неразрывной связи с Узбекской ССР, где размещена основная масса высланного народа, узбекский национализм, раболепствуя перед неошовинизмом, туго затянул на шее крымско-татарского народа цепи массовой смертности – "особого режима комендантского надзора". *За первые полтора года в тисках "особого режима", по данным переписи народа – списочному составу (материалы хранятся в ЦК КПСС) – от массовой смертности погибло 46,2 % от общей численности всего высланного народа. Это около 200 тысяч жизней, из них свыше 100 тысяч детей.* Степень смертности от этого "особого режима комендантского надзора" в Узбекистане доведена до 46,2 % : 1,5 = 30,8 % в год. Это в 15,4 раза выше гибели народа во время Великой Отечественной войны. В условиях "особого режима" и после него в Узбекской ССР для безусловной гарантии принудительной ассимиляции и надежной ликвидации письменного и устного языка за 33 года ссыльной жизни не открыта ни одна школа для обучения детей уцелевших крымских татар на родном языке. *Неграмотность на родном языке всей нации сегодня превысила 80 %.* Закрытые в 1944 году Институт языка и литературы, Крымский государственный драматический театр, Крымская государственная филармония, институты, техникумы и школы, газеты – не восстановлены. Всеохватывающая, многогранная художественная самодеятельность народа до выселения с более чем пятьюстами клубами, народными домами и художественными труппами с постоянно действующим составом около десяти тысяч человек, а сегодня народ не имеет ни клуба, ни театра. По своим условиям, численности состава, возможностям и уровню художественного мастерства так называемая крымско-татарская группа при Узбекской государственной филармонии влачит позорно жалкое существование и низведена ниже уровня самодеятельности в одной средней татарской деревне довоенного Крыма.

Таковы пути принудительной ассимиляции. Или ассимиляция, или деградация – вернее, полная принудительная ассимиляция через насильственную деградацию.

Только враги революции и социализма, апологеты и холуи империализма, а также занятые бредовыми планами неошовинисты могут утверждать, что страшные злодеяния сороковых годов против революции и социализма, против перспективы судеб народов, предательство против основ и принципов научного коммунизма – будто бы осуществлены ленинской партией и советским государством.

Оценка крымско-татарским народом программной цели классовой сущности этой диверсии и какую социальную систему представляют организаторы и вдохновители этой контрреволюционной акции, народ излагает в данном письме и во многих документах, которые сданы и хранятся в ЦК КПСС.

XX съезд партии, выражая волю партии, интересы народов СССР и судьбу социализма во имя ликвидации нарушений, незыблемости основополагающих законов революции и социализма, потребовал *вернуть высланные народы, восстановить их революционные завоевания, восстановить принципы социализма в национальном вопросе.*

Вышеизложенное – сущность и цели шовинизма в акциях сороковых годов, исторические корни, определившие выбор народа и территорию Крыма как объект для нанесения уничтожающего удара по единству и дружбе народов, по основам социализма и, наконец, варварские методы захвата, грабежа и физическое истребление народа в специально разработанных условиях "особого режима" неизбежно и стихийно превратили крымско-татарский народ в непримиримую инициативную силу по оказанию помощи партии и правительству в их борьбе до полной ликвидации неошовинистическо-империалистического злодеяния сороковых годов и его последствий.

Всенародная инициатива национального движения крымско-татарского народа опирается на исторические решения XX съезда КПСС, на марксистско-ленинскую идеологию, а также на основополагающие декреты и принципы Октябрьской революции и социализма.

В Узбекистане дело не ограничилось массовой смертностью в "особом режиме", а продолжалось многообразием произвола, вплоть до публичных избиений крымских татар, погромов типа Чирчикского, провокационных арестов, обысков и судилищ.

На базе анализа огромного материала борьбы по ликвидации равноправия и суверенитета высланных в Узбекистан малых народов из Кавказа и Крыма в Институте истории КП Узбекистана, в лице его бывшего директора профессора Вахабова, создана "теория" о неизбежности и насильственной ликвидации малых народов в условиях социализма, будто объективно вытекающих из "общего интереса", "интересов судьбы системы социализма". "Теория" предусматривает необходимость "примирения" малых народов с такими "капризами" системы социализма, а великие народы наделяет "правами" захвата территорий и ликвидации суверенитета малых народов. А там, если захотят, подарят территорию одним, мускулы – другим.

"Теория" Института истории КП Узбекистана, выполненная профессором Вахабовым, и документ крымско-татарского народа, разоблача-

ющий ее наукообразную пошлость, империалистическую сущность, антисоветизм, антикоммунизм и карикатурную безграмотность, – сданы народом в ЦК КПСС.

Народом сданы в ЦК КПСС сотни томов документов национального движения. Руководителям партии и государства отправлены более четырех миллионов индивидуальных и коллективных писем. О выполненной национальным движением работе в ЦК КПСС сданы сотни информаций. ЦК КПСС, Верховный Совет СССР и Совет Министров СССР посетили тысячи представителей народа. В разное время в ЦК КПСС, в Верховном Совете СССР был устроен ряд приемов полномочных представителей крымско-татарского народа. В Москве, начиная с 1964 года, для оперативной связи с высшими партийно-государственными инстанциями народ в течение ряда лет постоянно держал своих представителей. Материалы национального движения охватили главные аспекты злодеяний 1944 года и их последствия.

В 1967 году ЦК КПСС устроил прием полномочных представителей крымско-татарского народа. На этом приеме от имени и по поручению Политбюро тов. Андропов сообщил, что на состоявшемся накануне внеочередном заседании Политбюро единогласно вынесено решение о политической реабилитации крымско-татарского народа. Далее он заявил: "Мы знаем, товарищи, народ желает возвращения на Родину и сохранения своей национальной целостности, языка, школ и культуры". –*"Вы имеете полное право, в рамках советских законов, добиваться полного и окончательного решения своего национального вопроса"*, – в частности, подчеркнул тов. Андропов. *Затем в сентябре 1967 года изданы Указ и Постановление Президиума Верховного Совета СССР. Этими документами обвинение и выселение крымско-татарского народа из Крыма признано огульным. За крымскими татарами признано право на проживание по всей территории СССР на общих основаниях.*

Тем временем в Крыму топорами, кирками и ломами громилы рушили кладбища. Пущены в ход планировочные отряды. Они стирали с лица земли историю крымско-татарского народа. Неошовинизм и украинский национализм грабят покойников, обогащают аннексионистскую "археологию", уничтожают памятники старины, подготавливают "литературную основу" для создания "обновленной истории" Крыма. Музеи ограблены, все памятники истории материальной культуры, искусства и быта коренного населения разворованы и уничтожены (дом-музей, мавзолей Гаспринского). По всем музеям прошли такие же громилы, с теми же целями, только они действовали пером, ножницами, огнем. Они фабриковали экспозицию сообразно целям и вкусам громил 1944 года. *Спеша чертовское желание принять за действительность в честь "завершения" осуществления плана "Крым – без крымских татар" и отдавая дань в этом великой императрице Екатерине II с одной стороны, глумясь над победой Октября – с другой, громители и грабители в Бахчисарайском музее поставили огромный портрет Екатерины как символ торжества неошовинизма в условиях социализма.*

Выполнение плана заселения Крыма только славянами, составлявшее ранее главную сущность в стратегии экспансионистской политики самодержавия на юге, выполнение этого плана в новой обстановке, возникшей в 1944 году, приняло особую остроту. *Планы восстановления и развития Крыма в течение двух десятилетий требовали увеличения численности населения до 2 – 2,5 миллионов человек. Это означало необходимость заселения (кроме естественного прироста) минимум в 1,5 миллиона человек. Использовать эту возможность, созданную целенаправленными планами, составляло главную цель стопроцентной славянизации Крыма.* Решение национального вопроса крымских татар, хотя и входило в задачу партийных и государственных органов Крыма после XX съезда, однако оно не нашло своей реализации. Наоборот, якобы оно рассматривалось как главная помеха в пути славянизма. Отсюда – закрыть путь коренному населению, форсировать на всех парах заселение Крыма славянами – вот что диктовалось и осуществлялось. Это говорило о силе и возможностях неошовинизма в обстановке культа личности Сталина.

Начиная с 1967 года, размах и масштаб национального движения народа, законность, неоспоримость объективной основы всенародной инициативы, Указ Президиума изменили характер постановки вопроса, четко определили цель и пути восстановления национального существования крымских татар в Крыму.

В соответствии с Указом народ немедленно хлынул в Крым. В течение нескольких месяцев на Родину прибыло более 10 тысяч человек. Этот поток неоспоримо подтвердил несостоятельность обоснования Указа, утверждающего, будто народ "укоренился" на местах ссылки. Заинтересованные силы подняли тревогу и, видимо, быстро добились санкции на оказание препятствий. Начиная с третьего дня после появления Указа, уже были приняты меры против приезда коренных жителей. Через несколько недель начались открытые репрессивные меры – единичные и массовые выдворения, выселения из Крыма всеми видами транспорта. Это уже был открытый саботаж Указа всеми мерами репрессий – взлом дверей, окон, насилия, избиения.

Как бы ни бесновался неошовинизм, Указ есть законодательное признание партией и государством перед всем миром огульности и незаконности выселения малого, ранее угнетенного царизмом крымско-татарского народа. Осуждение этого вероломного акта сняло маскарадную завесу врагов социализма и разоблачило их как сил империализма и реакции. Очень важно и то, что Указ упразднил географическую границу ссыльной земли и утвердил право проживания татар на общих основаниях по всей территории СССР. И наконец, подчеркивание тов. Андроповым того, что партия исходит из понимания, что народ добивается возвращения, а потому она сделала эту сторону вопроса предметом изучения, является очень важным. Этим подчеркивается, что партия считает необходимым еще раз вернуться к этому вопросу. Естественно, что всенародная инициатива должна продолжаться и продолжает свою деятельность по оказанию помощи партии и правительству ленинскому решению своего национального вопроса.

Национальное движение народа оценило и осудило сущность так называемого "оргнабора" как попытку подменить Указ, преподнося "оргнабор" как путь к осуществлению Указа, тем самым подменить решение национального вопроса в компетентных инстанциях партии и государства вопросами найма и увольнения, частными контрактами и произволом чиновников. "Оргнабор" есть коварная ловушка, посредством которой заинтересованные силы хотят задушить право народа на жизнь, равноправие и социалистическую государственность на своей национальной территории.

В документах народа, адресованных XXV съезду, ясно изложены судьбы крымско-татарского народа в связи с событиями сороковых годов и их последствиями. В них также подробно изложены исторические, правовые, идеологические и экономические основы национального движения за возвращение в родной край с четкими требованиями:

1. Организованное возвращение в Крым – на свою национальную Родину безо всяких ограничений.
2. Вернуть все, что отнято.
3. Восстановить все, что растоптано.

От появления Указа до XXV съезда КПСС прошло 9 лет. За этот период десятки тысяч семей пытались вырваться из ссыльной земли, ссыльного режима, наконец-то вернуться в край родной. Вместо выполнения законов СССР в Крыму этим семьям уготованы: вторичное выселение, ночные погромы со взломом дверей и окон, насилия, провокации и судилища. За 9 лет всего удалось прописаться около одной тысяче семей, т. е. пяти тысячам человек. Десятки тысяч семей, израсходовав все свои сбережения, испытав ужасы произвола на родной земле в Крыму, вынуждены были искать приюта, пристанища на Кавказе, в Краснодарском крае и Херсонской области. *Лишь бы не вернуться на территорию ссыльной земли, где в "особом режиме" смерти отдана жизнь 46,2 % всей нации.*

Итак, за 33 года через кордон беззакония могли проникнуть в Крым только пять тысяч крымских татар – это менее 0,6 % нынешней численности народа. За это же время Крым заселен 1,5 млн. русских и украинцев.

Темп славянизации Крыма идет в 300 раз быстрее, чем удается изгнанным коренным жителям вернуться на Родину. Если исходить из того, что средняя численность с момента выселения на местах ссылки составляет более 500 тысяч, то за 33 года за каждого возвратившегося крымского татарина огульно обвиненный народ – обвиненный без вины и основания, вопреки социалистической законности, – народ выстрадал все муки и ужасы ссыльной жизни длительностью равный:

$$\frac{500 \text{ тыс. чел.} \times 33 \text{ года}}{5 \text{ тысяч}} = 3 \text{ млн. } 300 \text{ тысяч чел.}$$

Кроме этого, огульно обвиненный народ только за первые 1,5 года в "особом режиме" смерти за каждого возвратившегося на Родину отдал

$$\frac{194 \text{ тыс. умерших}}{5 \text{ тыс. возвратившихся}} = 39 \text{ человеческих жизней,}$$

в том числе 20 детских жизней. Вот лицо злодеяний 1944 года, вот идеалы гуманности неошовинизма и его отечественных собратьев. *Цифры эти не нуждаются в комментариях.* Однако крымско-татарский народ вместо комментариев находит нужным заявить, что полностью отвергает попытку обоснования этого злодеяния "поводами", "доводами" и "мотивами", вроде "общего интереса", "интересов обороны", "интересов судьбы социализма" или же "теории", утверждающей, будто ликвидация малых народов и малых или слабых государств в системе социализма неизбежно вытекает из природы, из внутренних закономерностей системы социализма.

С чьей бы стороны эти или им подобные мотивы ни выдвигались, все они фактически служат удобным и надежным методом обоснования лжи о неизбежности этих злодеяний, будто вытекающих из природы и интересов советской системы, маркисгско-ленинской идеологии и системы социализма. Подтверждению, будто организатором, исполнителем, а затем и защитником в течение 33 лет сохранения последствий злодеяний сороковых годов, являются Коммунистическая партия Советского Союза и советское государство. Созданию надежной маскировки для защиты организаторов, вдохновителей и исполнителей от неизбежного революционного возмездия, утверждению прочной гарантии неприкосновенности, воодушевляющей на хладнокровное исполнение любого неограниченного злодеяния и произвола.

Крымско-татарский национальный вопрос не является только вопросом крымских татар. По своей сущности он одновременно является важным партийным и государственным вопросом. А поскольку он непосредственно затрагивает интересы единства и дружбы народов СССР, одного из ключевых вопросов могущества советского государства, он является жизненно важным вопросом всех советских народов.

В настоящее время наш народ, как и все народы СССР, трудится над успешным выполнением планов десятой пятилетки, над достойной встречей 60-й годовщины победы Октябрьской революции. Но перед ним стоит особо жгучий вопрос партийно-государственного значения. Это вопрос по оказанию помощи партии и государству для ознаменования 60-й годовщины Октябрьской революции в Крыму, растоптанной в 1944 году врагами системы социализма.

Факт нерассмотрения XXV съездом врученных народом документов с просьбой рассмотреть и положительно решить вопрос организованного возвращения в Крым и восстановления революционных завоеваний, видимо, административными органами Крыма воспринят как санкция на продолжение и усиление давления и репрессий против крымско-татарского народа.

Перед XXV съездом по всему Крыму прописали лишь несколько семей, обещая многим прописку сразу же после окончания работы съезда. Однако после съезда по всему Крыму начались, вместо обещанной прописки, акты массового произвола и репрессий против крымских татар, требования немедленно покинуть Крым. Угрозы судом, выдворения из купленых домов и насильственные выселения. И действительно, как бы

по сигналу, во всех районах в массовом масштабе сфабриковали "уголовные и гражданские дела" на основании ложных показаний подставных свидетелей, главным образом милиционеров и дружинников. Каждый домовладелец по всему Крыму был предупрежден: "Крымским татарам продажа домов запрещается". В случае нарушения этого домовладельцам угрожают: судить, наказать, штрафовать.

После съезда по Крыму прошла полоса судилищ над крымскими татарами. *Судили людей, прибывших в Крым на основании Указа от 1967 года на постоянное жительство.* По прибытии в совхозах и колхозах этим семьям говорили: "Приобретайте дома, пропишитесь, работы много – примем". В милиции заявили: "Куда вас прописать? Найдите жилплощадь – пропишем". Люди приобрели дома, нашли жилплощадь и... годами, из месяца в месяц, в дни приемов обивают пороги раймилиции, облмилиции, сельских, районных и областного советов депутатов трудящихся. Им то обещают, то отказывают в прописке. То требуют один, то другой документ, то направляют комиссию на обследование состояния и площади приобретенных домов. Проходят месяцы и годы, люди живут в собственных домах. Наконец им заявляют: "Поскольку у вас нет прописки, договоры ваши о купле домов не признаются действительными. Сначала пропишитесь, только тогда вы приобретете право на покупку дома". Итак, каждый крымский татарин загнан в замкнутый круг. Чтобы трудиться, необходима жилплощадь – купить дом, чтобы купить дом, необходима прописка. *Получается, чтобы прописаться, необходимо быть прописанным, но и этого недостаточно при переезде крымского татарина из одного дома в другой, из одного села в другое, из одного района в другой район по Крыму.* Замысел такого бюрократического колдовства – издеваться над людьми по национальной принадлежности, принудительно лишая их права на труд и проживания в собственных домах, доводя их до полного обнищания и отчаяния.

Извергать политический, юридический и физический садизм, надругаться, отказывая в прописке при наличии жилплощади в собственных домах, в которых они годами живут, лишая людей права на участие в общественно полезном труде и источника пропитания, – все это является искусственным созданием недовольства народа.

Административные органы в Крыму после XXV съезда особо рьяно нарушают законы и указы о прописке крымских татар, о личной собственности, права на труд и проживание, безнаказанно чинят произвол и насилие. Ныне, по неполным данным, в Крыму проживает более 550 семей крымских татар не прописанных. Они, имея собственные дома, подвергаются принудительной безработице и не гарантированы от ночных погромов. В практику административных органов вошли устраивания ночных погромов со взломом дверей и окон, выбрасыванием на улицу, поломкой и порчей домашнего имущества. Без суда и санкции прокурора с азартом производят насильственное выдворение за пределы Крыма с применением физической силы и нанесением телесного повреждения. Имеет место в таких операциях мародорство, хищение денег и ценных вещей.

Годами более 1600 детей каждый день смотрят в глаза своих родителей, хотят уловить: не дали ли им работу? Не пропишут ли? Ведь дом же свой, папа же отдал все свои деньги! В детских глазах страх: не придут ли ночью ломать двери, грабить и вывозить куда-то далеко в степь? Ведь в самом деле таких фактов очень много. Взрослые, осмыслив все, – глотают горечь. От того, что все понятно, – все не ясно. Каждая семья поразному получает ответ. *Закон в Крыму крымским татарам один – беззаконие.*

Из сотен фактов приведем несколько.

25 августа 1976 года в селе Золотое Поле Кировского района насильственно выбросили из дома на улицу семью Кенджаметова Ягьи, состоящую из 4 человек, сын служит в рядах Советской Армии. Семья выброшена на улицу, и дом снесен бульдозером по указанию первого секретаря райкома партии Рублева, исполнено участковым, старшим лейтенантом милиции Мартынюком, парторгом совхоза, председателем сельсовета и дружинниками.

9 августа 1976 года в 3 часа 15 мин. ночи из села Богатое Белогорского района насильственно выселена семья Абилова Мустафы в степь Нижнегорского района. Погромом руководил участковый, старший лейтенант милиции Харченко. Чтобы пьяные дружинники без слов поняли, что идет погром, и не церемонились, он лично сломал двери в дом. Дружинники ворвались, начали ломать мебель топорами, грузить на автомашины домашние вещи. Спящих детей волокли и заталкивали в автобус. Ловкая орава под квалифицированным руководством у своих жертв похитила 1000 руб. (тысячу).

9 августа 1976 года в 5 часов утра из села Курское Белогорского района без суда и санкции насильственно выслана из собственного дома семья Аметова Энвера. Самого Аметова дома не было. Разгром возглавлял все тот же ст. лейтенант Харченко и трое штатских с дружинниками. Путевые листы автомашин по маршруту колхоз "Горный" – г. Керчь для вывоза хамсы. Это – кодовое название операции. Мебель разбили топорами, домашние вещи пришли в негодность. Ловко украли 520 рублей, обручальное золотое кольцо и позолоченные часы. Погрузили вещи на автомашины, и жену с двухлетним ребенком вывезли в неизвестном направлении. К дому подъехал трактор "Белорусь" с металлическим ножом. Трактористу Коробкову был дан наряд на слом дома Аметова Э. Благодаря решительному протесту колхозников "Путь Ильича" погромщики вынуждены были отложить это на другой раз. Аметов, узнав о случившемся, начал поиск украденной семьи и имущества. В Белогорской раймилиции дежурный милиционер заявил: "Выселением и розыском семей милиция не занимается". В райисполкоме секретарь заявил: "Подобными делами занимается только КГБ". В районном КГБ заявили: "К выселению крымских татар КГБ не причастен". Такое заявление КГБ фактически является признанием неблаговидности своих деяний. КГБ свой план раскрыл еще 22 июня 1976 года, когда сотрудник Белогорского КГБ Ильинов заявил Аметову Э.: "Уезжай из Крыма, не уедешь – выселим..."

По поводу выселения семьи Файзулаева Веиса из села Муромского с/совета председатель с/совета Пономаренко Я.К. и парторг Воротилов А. в присутствии 12 семей, посетивших с/совет, заявили: "Выселение и прописка крымских татар в Крыму прозводятся только по распоряжению КГБ и милиции".

Белогорский район, село Горлинка колхоза "Горный", дом Юнусовой Ресмие дважды снесен бульдозером. Исполнители: председатель Богатинского сельсовета Тельный И.Г., парторг Сидоров И.С. и председатель колхоза Плеханов.

12 мая 1976 года в Белогорском районе в колхозе "Горный" был снесен ранее купленый дом Аметова Энвера. Исполнители: Тельный И.Г., Сидоров И.С., Плеханов.

17 июня 1976 года г. Белогорск. После длительного и жестокого произвола Симферопольская раймилиция насильно выдворила семью Рефатова из собственного дома и оставила без крова. Он вынужден был купить дом в Белогорске. Опять вызовы и угрозы. Подъехали майор милиции Писклов, лейтенант милиции Синяговский и дружинники. Подогнали бульдозер и начали операцию по снесению дома. Прибывшие люди возмущались, протестовали: "Бандитизм! Произвол! Где жа закон?" Народ не допустил преступников сломать дом. Майор Писклов во все горло кричал по адресу крымских татар: "Погодите!.. Мы сделаем вам хуже, чем в 1944 году". Да, сегодня не 1944 год. Сейчас канун 60-летия победы Октября! Однако своим заявлением майор Писклов выдал план своих высших хозяев. Этот антитатарский психоз, оказывается – подготовка к новой трагедии, более страшной, чем в 44 году. Будем надеяться, что у "бодливых коров" рога будут спилены. Неошовинизм в Крыму, разводя и раздувая огонь истерии межнациональной розни, рассчитывает спровоцировать новую провокацию. Послесъездовские погромы проводятся с целью демонстрации, будто это линия, это курс партии, с безответственными заявлениями погромщиков: "Мы вам еще не то покажем! Будет вам чище 1944 года". Народ знает и уверен, что у Октября хватит огня, чтобы раздавить подонков шовинизма.

18 июня 1976 года село Вишенное Белогорского района. Председатель сельсовета Мунтянов, участковый милиционер Самойлов явились во главе дружинников с автомашинами во двор Мустафаева Сервета: "Мы пришли насильно, с применением физической силы, выселить вашу семью". Мустафаев потребовал решение-санкцию на выселение. Санкции, как обычно, не было. Погромщики схватили Сервета и его брата Лютфи Мустафаева, скрутили им руки и втащили в дом. Беременной Алиме Мустафаевой – жене Сервета – стало плохо, из ее рук выпал двухлетний ребенок. Садизм происходил на глазах семидесятилетней матери, в прошлом в числе первых женщин-татарок Крыма окончившей коммунистический университет и обучавшей в селах Крыма детей. К шуму пьяных дружинников прибежал народ. Гневный протест народа сорвал преступный акт насилия, заставил погромщиков отказаться от произвола и насилия.

18 сентября 1976 года в селе Чернополье Белогорского района возмущенное население разогнало бесчинствующий наряд милиции и дружин-

ников, прибывших совершить акт варварского насильственного выселения семьи Куртнезирова Рефата.

2 июня 1976 года в селе Дивное Белогорского района были произведены выстрелы по окнам дома Файзулаева Веиса. До сих пор сохранены следы дроби и сама дробь. Файзулаев В. обратился в раймилицию с просьбой разыскать и наказать преступников. Начальник Белогорской раймилиции подполковник Бабич В.Я. ответил: "Так вам и надо. Не будете сюда приезжать". Милиция и не думала искать преступников, а, наоборот, *в ночь на 18 июня* Файзулаева Веиса с семьей и вещами вывезли в неизвестном направлении. Этим незаконным насильственным выселением руководили: председатель с/совета Пономарев, парторг Воротилов.

Из заявления Пономарева в сельсовете, что "выселение семей крымских татар в Крыму производится только по распоряжению КГБ и милиции", а также из ответа начальника милиции Бабича В.Я. по поводу выстрелов в доме Файзулаева и наконец из того, что исполнителями погромного выселения были именно председатель Муромского с/совета Пономарев и парторг колхоза Воротилов, нетрудно предполагать, где "узел нити" и "пороха" провокационных выстрелов. Бабичи, Пискловы и им подобные в Крыму в честь 60-летия Октября готовят "новый 44 год".

19 ноября 1976 года село Воинка Красноперекопского района. Жестокостью, насилием, озверелой слепотой, черствостью души, отсутствием разума и совести бесчинствующих преступников насильственно выброшены из собственного дома Нафеев Рефат, его жена и шестеро детей, один из которых грудной. Наряд в 70 дружинников и милиционеров приступил к позорной "операции" во главе с зам. начальника милиции Красноперекопского района Богатыревым, участковым милиционером лейтенантом Синявским В.В. – известным садистом. Со страшным озверением выбросили на улицу вещи и детей. Народ заметил, что наряд внушительный, значит и цели провокационные. Кто-то заметил: "Смотрите, смотрите, как детей кидают". Были слышны возгласы: "Это и есть "моя милиция меня бережет?" Выбросив детей и вещи на произвол судьбы под открытое небо, заселили постороннего человека, не имеющего никакого отношения к этому дому. Отряд Богатырева и Синявского, одержав "пиррову победу" над беззащитной крымско-татарской семьей, выехал рапортовать своему начальству об успешном "завершении" своего злодеяния. За три дня красноперекопские "законники" беззакония (в крымско-татарском вопросе) "узаконили операцию" и задумали новый вариант. Через три дня, т. е. *22 ноября,* органы освободили дом Нафеева от заселенного ими человека. Народ оценил это как положительный фактор, имея в виду разумность среди руководителей района. Среди русского и украинского населения говорилось, что погромщикам крепко досталось за совершенное беззаконие. Однако *23 ноября* погром вновь повторился. Под руководством участкового милиционера Синявского около 30 сотрудников административных органов повторно выкинули семью Нафеева на произвол судьбы. Шестеро детей и их родители вновь под открытым небом находятся по сей день. На этот раз жестокость властей достигла предела, ибо следы физического и морального насилия

над детьми имеются и по сей день. Беззащитные Нафеев и мать детей пытались образумить человеконенавистников, обращаясь к Синявскому: "Куда мы денем своих детей, ночью они замерзнут?" Синявский в ответ: "Земли много – похороним. Я вас жалеть не буду... Я с вами свиней не пас". Действительно, надо отдать должное человекоподобному Синявскому. Его начальники и соратники по "операции" обязаны признать, что именно он – Синявский – четко, ясно и "в меру" цинично раскрыл внутренне убогую и подлую нищету своей души, морально-этическую и политическую низость, мастерство и бесшабашность в беззаконии всей грязной и пошлой лавины антикрымско-татарского психоза в Крыму, оборачиваемого в богатую и изящную упаковку наукоподобного мракобесия.

После XXV съезда по ложным показаниям подставных свидетелей и понятых пьяниц – пятнадцатисуточников, а также милиционеров и дружинников сфабриковано более 50 уголовных дел и сотни гражданских. По этим сфабрикованным "уголовным делам" частично составлялись судилища. *Осуждено:* 20 семей со ссылкой на принудительные работы с указанием места назначения на разные сроки; 10 семей с заключением в трудовые исправительные лагеря на разные сроки с разными режимами отбывания.

Парадоксальное явление нашего времени: в течение двух лет при наличии жилплощади в собственных домах и гарантийной работы в совхозах и колхозах (объявления крымских газет и статистические данные пунктов оргнабора страны) милиция Крымской области, поправ все законы, нарушив "Положение о паспортной системе в СССР", не прописала, т. е. систематически совершает произвол против закона и граждан лишь по национальной принадлежности. Люди, чьи права растоптаны, испытавшие насилие и произвол со стороны административных органов, оказались на скамье подсудимых и осуждены по представлению тех же административных органов, т. е. тех, кто сфабриковал "уголовные дела", "подтверждающие" виновность подставными свидетелями (милиционеры, дружинники, случайные прохожие, пятнадцатисуточники), многие из которых были исполнителями актов насилия и погромов.

По неполным данным, по сфабрикованным "гражданским делам" уже осуждены сотни семей. У всех решения одинаковые: сделку купли-продажи дома считать незаконной с приведением в первоначальное положение. Оштрафовать обе стороны в доход государства в размере 3 % каждого от фактической стоимости дома, согласно сделке.

Непопулярность акций антикрымско-татарского психоза среди населения Крыма и прилегающих районов Украины и Кавказа, совершаемых с грубым и подчеркнутым нарушением советских законов, методами зверского насилия и фабрикации ложных "судебных дел" в нарушение требований советского судопроизводства, приводят к активной симпатии и поддержке жертв преследования по национальной принадлежности, что, видимо, тревожит организаторов и исполнителей разбоя. В этой связи почти повсеместно проводятся закрытые совещания, которые нельзя назвать пропагандой дружбы народов. Сущность темы этих закрытых со-

вещаний – убедить актив области "нет Крыма для крымских татар". Закрыть въезд и запретить проживание крымским татарам. А от тех, которые прописаны, любой ценой избавиться, для чего создать невыносимые условия жизни и вести пропаганду во всей сфере жизни; для этой цели все средства "святы". Наивно думать, что "секретность" этих совещаний непроницаема: ведь душить народ по секрету невозможно. Эти "секреты" открываются действиями и циничными признаниями самих "активистов" – погромщиков, когда приказывают бульдозерами ломать дома, рушат судьбу и жизнь народа. Когда бандитские пули летят в окна крымских татар, а всякие милицейские бабичи, пискловы, волощенки и им подобные, поощряя бандитизм, заявляют: "Так вам и надо, не будете сюда приезжать". В тон им их адвокаты типа Булых и Чайко И.И. выступают: "Вас всех пересажают за то, что едете сюда в Крым". Эти "секреты" выдаются тогда, когда всякие ильины и ильиновы именем органов КГБ заявляют крымским татарам: "Уезжайте из Крыма, если не уедете, то... вышлем". О том, что для самодержавного плана "Крым – без крымских татар" – "все средства святы", было продемонстрировано Екатериной II, уничтожившей миллионы татар не на поле брани, а подлыми и коварными путями. О целях этих истреблений ясно высказался Ф. Энгельс. О "святости" любых антикрымско-татарских подлостей неошовинизм демонстрировал в мае 1944 года, когда за пределы родного края был выброшен весь народ, включая и воинов, боровшихся против фашизма, как и все народы Советского Союза. Когда народ был ограблен и выброшен под дулами автоматов. Когда народ был отдан смерти и потерял почти половину в условиях "особого режима комендантского надзора". Когда неошовинизм уничтожил исторические названия городов и сел Крыма, уничтожил наследия материальных ценностей многовековой истории. Когда неошовинизм, подымаясь на высший пьедестал подлости, уничтожил десятки миллионов могил, ломая и оскверняя, используя надгробные камни мусульманства как строительный материал, а мечети – как склады утиля и хлама, вместо сохранения памятников истории мусульманства.

По санкции "державных мужей" была создана шовинистическая "историческая наука". А "мастера" лженауки нашлись. Из привычного для работы таких мастеров тухлого материала, т. е. с царским запашком, и по меркам самодержавной аннексии создали лжеисторию, растоптав истину, растоптав подлинную историю коренного населения в обход классовых позиций в вопросах истории Крыма и крымских татар. Эта лжеистория городов и сел Крыма претендует на Государственную премию.

На секретных совещаниях авангард антикрымско-татарского разбоя занят конкретными вопросами каждодневной практики – напутствия, советы, наставления, санкции и гарантии.

1 октября 1976 года в селе Воинка Красноперекопского района проводится особое совещание под видом заседания исполкома совета. Приглашены руководители всех предприятий и производств. Совещание проводят председатель Красноперекопского райисполкома тов. Затула, проку-

рор района тов. Федченко и начальник милиции. Совещание носило инструктивный характер. Все люди деловые. Вот и начало: "Выселение семей крымских татар – особо важное государственное мероприятие. Активное, непосредственное участие всех руководителей в выселении семей является обязательным долгом. Нужна решительная, смелая активность". В помещении полное затишье. Вопрос особый, да еще с душком 44 года. "Максимально притесняйте всех! Прописанные и непрописанные семьи крымских татар!.. Что? О каких еще поводах говорите? Если нужно – повод всегда есть. Если нет... найдите! Главный повод – это так надо... Поймите, в противном случае вы сами останетесь без работы, а дети ваши без школы. Ясно?" И далее: "Если мы не сумеем выслать и освободить Крым, если не закроем все пути, они приедут. Учтите, тогда вам командовать не придется... Они потребуют занять должности на руководящих постах. Потребуют школы, да еще захотят обучать своих детей на родном языке. Вот главное требование – это ваша личная активность, решительность и твердость в операциях по выселению крымских татар. Притеснения должны привести к сопротивлениям. Особо важно готовить наше русское, украинское население. Они-то участвуют, но не нашей стороне. Я о дружинниках не говорю. Это народ вымуштрованный – они на все пойдут". На вопрос присутствующего ответ: "Это сказки, никого не наказывают. Во-первых, вот уже более 30-и лет, скажите, вы услышали, хоть кого наказали из-за татар? Заявляем прямо: за последствия вас наказывать не будут. На ваши действия кому они пойдут жаловаться? К нам, конечно! А мы-то, слава богу, найдем чего сказать... Мы вам по секрету сообщим, чтобы были только в курсе дела. В области обо всем знают. Там татары ничего не добьются. Вот и все. Вопрос ясен, товарищи? Что?.. Москва? Москва, товарищи, без республики, без области ничего делать не будет. Мы-то здесь для чего?"

Вот они – секреты совещания на Воинке: "Выселяй, подстрекай и не бойся", "вас поддержит район", "область об этом в курсе", "а Москва,кому адресовать,знает". Циничность, наглость и квалифицированность руководства так называемых совещаний по пропаганде антисоветизма в действиях, подтвержденные более грубыми, необузданными, непрерывно раздуваемыми антикрымско-татарскими погромами с открытыми заявлениями – "погодите, мы вам устроим почище 44 года", – со всей ясностью раскрывают, что в Крыму имеются повсеместно организованные и открыто действующие силы по подрыву основ и устоев советской власти и социализма в национальном вопросе. Эти силы своим открытым выступлением пытаются инсценировать видимость законности и легальности системы осуществляемой ими национальной дискриминации и гонений на крымских татар, действуя под маской и от имени партийных, советских органов, в также милиции, прокуратуры и КГБ. Такими действиями эти силы фактически демонстрируют будто известные всему миру громовые раскаты злодеяний 1944 года и их последствия – насилие и произвол, осуществляемые в течение 33 лет над малыми народами, и глумление над законами СССР, не являются подрывными акциями врагов советской власти, а наоборот, якобы составляют систему мер, проводи-

мой по воле и требованию ленинской партии и советского государства.

Настоящим крымско-татарский народ требует принять необходимые меры, обеспечивающие немедленное, полное и окончательное прекращение волны погромов, насилия, выдворения на улицу семей из собственных домов, являющейся гонением и демонстративной национальной дискриминацией крымских татар, подрывом и шельмованием законов и устоев советской власти и социализма в канун 60-летия Октябрьской революции в СССР. Осудить и разгромить силы, совершающие подрывные действия против основополагающих законов СССР, преподносящих злодеяния врагов революции и советской власти в 40-х годах как принципы, волю и действие ленинской партии и ленинизма, как основы и принципы Октябрьской революции.

Поскольку в настоящем документе народ исходит из полного подтверждения всех документов национального движения, просим в канун 60-летия победы Октябрьской революции решить национальный вопрос и организованно вернуть крымско-татарский народ в свой родной край, восстановить революционные завоевания Крыма, растоптанные в 1944 году врагами революции и социализма.

Обращение сопровождается 2500 подписями.

Приложение № 2

А. Некрич

Смеем ли мы молчать? Заявление для печати по поводу суда в Омске над Мустафой Джемилевым

В Омске только что закончился суд над Мустафой Джемилевым.

Крымский татарин Джемилев отдал многие годы своей жизни борьбе за восстановление гражданских прав крымско-татарского народа и возвращение его на историческую родину в Крым, откуда крымские татары были насильственно депортированы в мае 1944 г. Хотя незаконность этого акта была позднее признана советским правительством и формально права крымских татар были восстановлены, им не дают жить на земле своих отцов.

Джемилев за активность в пользу своего народа неоднократно приговаривался к заключению. Сейчас, накануне истечения срока, он снова был предан суду по обвинению в антисоветской пропаганде.

Ясно, что Джемилева боятся выпустить на свободу.

При судебном разбирательстве в Омске 12-15 апреля 1976 г обвинение против Джемилева рассыпалось в прах: главный свидетель обвинения, солагерник Джемилева Владимир Дворянский, отказался от своих показаний, данных на предварительном следствии, и заявил, что эти показания он подписал под давлением следователя, которое продолжалось на протяжении целого года. Дворянский сообщил суду ужасающие подробности ведения следствия и, несмотря на продолжающееся давление, этот 26-летний человек нашел в себе мужество сказать на суде правду. Будем помнить об этом.

Естественно, что и атмосфера вокруг судебного разбирательства в Омске была пронизана духом произвола и человеконенавистничества. Из 19 родственников и друзей Джемилева, приехавших на процесс, допущены были только четверо. Двое из них – брат и сестра обвиняемого – были удалены из зала суда во время последнего слова Джемилева. Прибывшие на суд из Москвы академик Сахаров и его жена Елена Боннэр не только не были допущены в зал судебного разбирательства, но подверглись оскорблениям и физическому насилию.

Суд, вопреки фактам и попирая элементарные нормы права, вынес Джемилеву обвинительный приговор – 2,5 года лагерей строгого режима.

Этот приговор может стать для Джемилева смертным.

Физическое состояние Джемилева чрезвычайно опасное: у него частичная атрофия печени и тяжелое сердечное заболевание. С июля 1975 г. Джемилев держал голодовку и снял ее лишь 15 апреля 1976 г. во время суда, по настоянию родных. Он весит сейчас 35 кг.

Спасти его может только немедленное освобождение и экстренные медицинские меры.

Мир уже был свидетелем гибели Галанскова, самоубийства Габая. Тяжело болен находящийся во Владимирской тюрьме Владимир Буковский. Страшна участь тех, кто заключен в "психушки".

Я обращаюсь ко всем людям, считающим себя порядочными:

Не закрывайте глаза на творящиеся произвол и беззакония.

И я спрашиваю вас: "Смеем ли мы молчать?!".

Я обращаюсь прежде всего к своим коллегам, историкам в СССР и за рубежом, к историкам, которые по своему профессиональному долгу обязаны поддерживать огонь истины, зажженный Прометеем.

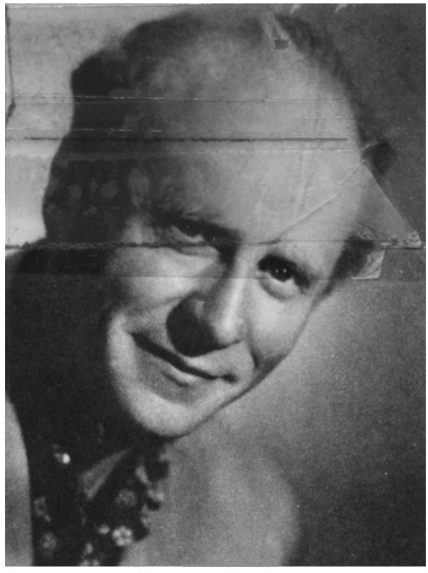
Встанем на защиту Джемилева, Буковского, Суперфина, Ковалева и других, томящихся в заключении за свои убеждения. Будем бороться за амнистию политическим заключенным во всем мире, но прежде всего в своей собственной стране. Сегодня нужно спасти Джемилева.

В этом наш долг, человеческий и профессиональный.

И отрешимся от постыдного молчания.

17 апреля 1976 г.

$7.00



Александр Некрич родился в 1920 г. Окончил исторический факультет МГУ в 1941 г. В 1942-45 гг. был на фронте.

С 1950 г. по 1976 г. работал в Институте истории (с 1968 г. – в Институте всеобщей истории АН СССР). С 1963 г. – доктор исторических наук.

Занимался исследованием истории второй мировой войны, историей Великобритании, СССР, историей международных отношений и пр.; был автором и редактором многих трудов.

В 1965 г. была опубликована книга "1941, 22 июня", в которой политика советского руководства накануне войны с Германией была подвергнута резкой критике. Книга вызвала ожесточенную полемику. В 1967 г. за отказ признать "свои ошибки" Александр Некрич был исключен из КПСС, в которую вступил во время войны против Гитлеровской Германии в 1943 г.

Книга "1941, 22 июня" была изъята и запрещена, а часть тиража – сожжена.

После 1967 г. ни одна из крупных работ А. Некрича не увидела с

В июне 1 . В настоящее время ведет ельском центре Гарварде ет в университете Брендаі

Книга "Наказанные народы" была написана в СССР.